

BULLETIN

Igud Yotzei Sin

БЮЛЛЕТЕНЬ

Игуд Иоцей Син

ВЫПИСКА
ИЗ УСТАВА
АССОЦИАЦИИ
"Задачей Ассоциации
является организация
выходцев с Дальнего
Востока в целях
взаимной помощи и
сотрудничества"

Association of Former Residents of China • Ассоциация выходцев из Китая в Израиле

September 2019 • 66th Year of Issue • No. 418 • Сентябрь 2019 • 66-й год издания • No. 418

Happy Rosh Hashana

С праздником Рош Ха-Шана

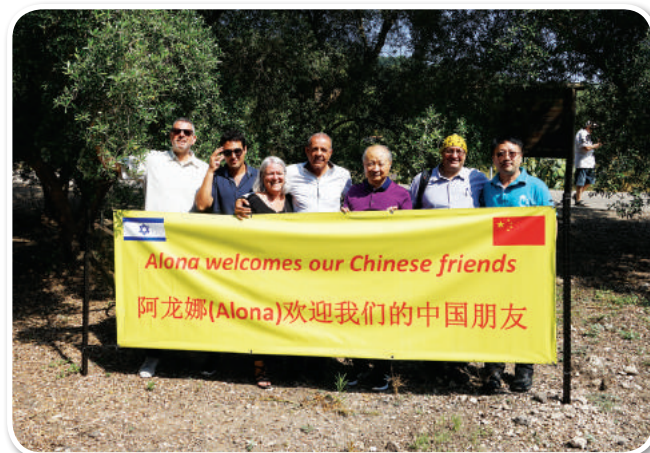
Students and participants at the traditional Hanukkah Scholarship ceremony
December 4th, 2018

Студенты и участники традиционной ханукальной церемонии вручения стипендий
4 декабря 2018 г.

Traditional trip with the Ambassador of the People's Republic of China Традиционная поездка с послом КНР

*Meeting at the Alona Regional Council Club
Встреча в клубе регионального совета Алона*

*At the entrance to Amikam
У въезда в Амикам*

*In Ramat Hanadiv Gardens
В садах Рамат Ханадив*

*In the Amikam Synagogue
В синагоге Амикама*

*Visit to Mey Kedem, Park Alona
Посещение Мей Кедем, парк Алона*

*Lecture at the Club
На лекции в клубе*

LEADERSHIP OF IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL IYS HONORARY REPRESENTATIVES IN THE DIASPORA

IGUD YOTZEI SIN

IYS Chairmen

Leo Piastunovich (1951 – 1952)
Boris Kotz (1953 – 1971)
Teddy Kaufman (1972 – 2012)

IYS Management

Yossi Klein – Chairman
Ran Veinerman – Deputy Chairman
Jacob Matlin – Vice-chairman
Eli Kama
Alex Nachumson
Avi Podolsky
Eran Rozen
Judith Sandel

AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY, New York, USA

Control Commission

Moshe Lichomanov – Chairman
Ariel Eldor – member

Honorary Legal Advisor

Daniel Friedmann – Attorney

IYS Hon. Representatives:

Esther Wandel -
Haifa & the North
Avi Podolsky -
Jerusalem & the South

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives
Jesse and Naomi Tracton
2 Oaks Place
North Bondi 2006, Australia
Tel. 61-2-91302575

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President
Luba Tuck – Vice-president
Rose Britanisky-Peiser – Treasurer
Leona Shluger-Forman –
Secretary
Sally Berman
Lilly Langotsky
Odette Rector-Petersen

Address:

**The American Far Eastern
Society, Inc.**
Lilly Langotsky
160 West 66th Str. # 55B
New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser
7400 SW 170, Terrace
Miami, Florida 33157, USA
E-mail: rpeiser@aol.com

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL
Association of Former Residents of China
31, Habarzel Str., Tel Aviv
Address: P.O.Box 13139
Tel Aviv, 6113101, ISRAEL
Tel.: 972-3-5171997 Fax: 972-3-5161631
E-Mail: igud-sin@013.net www.jewsofchina.org

Editor-in-Chief: Yossi Klein

Assistant Editors: Flori Cohen, Cecilia Lyubman, Inna Baksheev

CONTENTS

Letter to Readers.....	5	Comments by Yossi Klein – Chairman of IYS on Dara Horn’s “Cities of Ice”	67
Holiday Greetings	6	Reviews on the article ‘Cities of Ice’ by Prof. Dan Ben Canaan and others	68
Exhibition Opening Harbin China/Past/Present	21	Beit Hatefusot.....	69
The Adventure of a Former Jewish Seaman in Yeshivabocheer Land.....	22	People and Events at IYS.....	70
Tiberiu Weisz Liking Judaism into China’s Culture.....	25	The Secret of the Jews from Shanghai	71
The Historic Community of Harbin, China.....	27	Donations.....	73
Encounters between Chinese and Jewish Civilizations	30	‘Hello, Shanghai: I am here to find my roots’	75
The Shanghai Jews: Risk and Resilience in a Refugee Community	35	Goodbye Shanghai	76
A Doctor’s Mission: The Life and Work of Ernst Kisch.....	36	My “Talmud Torah” days: Jewish School in Harbin	77
4 University of Haifa Unveils Joint Campus in Shanghai	46	Jewish studies flourish in Chinese universities.....	80
Scholarships	47	Ancient and Modern Foods from the Tarim Basin.....	81
Israel’s Messenger	49	Memoirs: Russians in old Shanghai.....	83
In Pictures: 26 family stories that tell history of Shanghai’s Jewish community.....	49	Obituaries	84
Journal of Jewish Traveler – Chapter: Peking.....	51	In Memoriam: Ronnie (Ran) Veinerman (1940-2019).....	92
Danny Spungen on Shanghai.....	53	In Memoriam: Theodor (Teddy) Plastunovich (1934-2019).....	93
Shanghai is one of the Greatest Jewish Cities Ever Constructed	54	In Memoriam: Denise Yeh Bresler.....	94
Cities of Ice	56	In Memoriam: Irene Eber.....	95
		Israelites in China	96
		Shanghai Carousel: What Tomorrow Will Be.....	99

THE IYS BULLETIN has been continuously published in English, Russian & Hebrew since 1954, and covers all aspects of the Jewish Communities of China, with historical memoirs, book reviews, archival information, and current stories of former residents of China living in Israel and around the world.

“The aim of the Association is to organize former residents from China for the purpose of mutual assistance and cooperation.”

THE AIMS OF IGUD YOTZEI SIN

1. To encourage a feeling of partnership among former residents of the Jewish communities of China.
2. To establish a communication channel between former residents of China in Israel and those in the Diaspora.
3. To assist in the preservation and publication of historical documents connected with the former Jewish communities of China.
4. To assist the Igud in fulfilling its aims, especially those connected with social assistance and educational scholarships for descendants of former residents of China in Israel.

Dear Friends

The Igud has already reached 68 years of age. The years are passing and times are changing, but life goes on and former residents of China in Israel and other parts of the world are still in need of our continued activities.

A considerable number of people – the elderly, lonely, and sick – receive monthly monetary assistance. Grandchildren and great-grandchildren of former China residents, who are students in universities and academic colleges in Israel, receive scholarships. Our soldiers in the Israel Defense Forces receive a modest gift on Israel's Independence Day and on the Jewish New Year.

A memorial service is held in the Synagogue in memory of former China residents, and for those who have passed away in Israel and abroad.

The Igud is still the only link between the scattered members of former China residents throughout the world. The main tool to successfully accomplish these important tasks is the Igud Yotzei Sin Bulletin that is published in three languages – English, Russian and Hebrew, and our Internet website, which is in English and Hebrew and contains information on the history of former Jewish communities of China, as well as on current activities of the Igud Yotzei Sin.

We wish to bring to the attention of our friends that in view of the dramatic decline in contributions in recent years we shall very soon have to reduce the activities of the Igud!! We call upon former residents of China in Israel and the world to continue contributing to the Igud in order to prevent a reduction in activities due to our financial situation, and assist us to continue our work.

Contributions may be sent by money transfer to:
Igud Yotzei Sin, P.O. Box 13139, Tel Aviv 6113101, Israel

Thank you and blessings for the New Year to each and every one of you.
Yossi Klein – Chairman
Igud Yotzei Sin

HAPPY NEW YEAR

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS

TO THE COMMITTEE OF THE

AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY IN NEW YORK

AND WISHES MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY TO ALL ITS MEMBERS

AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN THE UNITED STATES OF AMERICA

6

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

s
i
n

**The BOARD of DIRECTORS and the ENTIRE MEMBERSHIP
of the NEW YORK AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY**

EXTEND BEST WISHES FOR THE HOLIDAY

TO ALL OF OUR FRIENDS

WISHING A HAPPY HOLIDAY TO FAMILY AND FRIENDS

ROSE and NORMAN PEISER

SUSAN and MARK BRITANISKY

New York, USA

Holiday Greetings

**BEST WISHES
FOR A HAPPY AND HEALTHY ROSH HASHANA
TO RELATIVES AND FRIENDS
ANGELICA KLEBANOFF**

Palm Beach, USA

Holiday Greetings

WISHING A HAPPY HOLIDAY
TO FAMILY AND FRIENDS

Mrs. LUBA TUCK and FAMILY

New York, USA

WISHING A HAPPY HOLIDAY
TO FAMILY AND FRIENDS

Mrs. EDA SHVETZ and FAMILY

New York, USA

TANIA MATERMAN

and SON AVRAHAM YAACOV

EXTEND BEST WISHES FOR A HAPPY HOLIDAY TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

New York, USA

Holiday Greetings

OLGA KAUFMAN

EXTENDS HER HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Burlingame, CA, USA

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO RELATIVES AND FRIENDS

MIRA and PHIL MATERMAN

Torrance, CA, USA

HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

HARUCO and NORMAN SOSKIN

Burlingame, CA, USA

HAPPY HOLIDAY TO ALL OUR FRIENDS AND THEIR FAMILIES

MARY WOLFF and FAMILY

Valencia, USA

Holiday Greetings

TO HONOR OUR PARENTS
MAX and MOLLY SAMSON
AND
BEN and VERA BERG

DELORES and ROGER BERG
Los Angeles, USA

10

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

Holiday Greetings

GREETINGS TO MY RELATIVES AND FRIENDS

CLARA LEEF

Laguna Woods, CA, USA

A HAPPY AND HEALTHY HOLIDAY

**Sanford (Sanya) and Celia WAINER, Jerry EVELYN and Josh ROTHMAN,
Andrew GALL and Allison WAINER,
Kenny, Brett, Ellie and Jenna ROSENBERG**

Tamarac, USA

WISHING ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS ALL OVER THE WORLD

A HAPPY HOLIDAY

HAG SAMEACH

from GUTIA, EUGENE BASOVITCH and FAMILY

Monroe Township, NJ, USA

JOE MRANTZ

WISHES ALL HIS FRIENDS AND FAMILY A HAPPY HOLIDAY

Kula, Hawaii, USA

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN

**SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES
TO THE IYS HONORARY REPRESENTATIVES**

JESSE and NAOMI TRACTON

AND TO ALL THE FAR EASTERNERS IN AUSTRALIA

IGUD YOTZEI SIN

SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS AND BEST WISHES TO

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

Mary and Alex SAMSON

Sydney, Australia

Mrs. VERA KARLIKOFF and FAMILY

Sydney, Australia

Holiday Greetings

Jesse and Naomi TRACTON,
Ian, Kim, Michelle, Avi
and family
Sydney, Australia

Inna MOUSTAFINE
Ms. Mara MOUSTAFINE
and Mr. Andrew JAKUBOWICZ
Sydney, Australia

Mr. & Mrs. Renee TSUKASOFF
and Mark
Sydney, Australia

Mrs. Nora KROUK
and family
Sydney, Australia

Mrs. J. VINSON and family
Toorak, Vic., Australia

Dr. Samuel SAKKER (M.B.E.)
and family
Sydney, Australia

Ruth and Morris ESKIN
and family
Sydney, Australia

Mrs. Zina KOMONSKAYA
Sydney, Australia

George VORON
and sons
Sydney, Australia

Mrs. Lika KAGANER
and family
Sydney, Australia

Happy Holiday!

Holiday Greetings

IGUD YOTZEI SIN
SENDS ITS SINCERE HOLIDAY GREETINGS
TO ALL THE FORMER RESIDENTS OF CHINA IN CANADA
AND WISHES THEM MUCH HAPPINESS AND PROSPERITY

14

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES
TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS
NADIA and JACK OGNISTOFF and ELEONORE TREMBLAY
Burnaby, Canada

BEST WISHES
FROM
LILY LIFSHITZ
Montreal, CANADA

Holiday Greetings

MARY BLOCH and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Hong Kong

HOLIDAY GREETINGS TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

DAVID and FREDERIQUE FAMILIANT

Monte-Carlo, Monaco

Mr. and Mrs. HARRY TRIGUBOFF

Sydney, Australia

Holiday Greetings

YOSSI KLEIN and FAMILY

WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Hasharon, Israel

**A HAPPY HOLIDAY AND BEST WISHES
TO ALL THE MEMBERS OF THE IGUD YOTZEI SIN**

JACOB (YAKI) MATLIN

Shoham, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

ALEX NACHUMSON and FAMILY

Pardesiya, Israel

Holiday Greetings

NATALIA and SEVA PODOLSKY

WISH A HAPPY HOLIDAY

TO RELATIVES AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD

Jerusalem, Israel

RASHA KAUFMAN

WISHES A HAPPY HOLIDAY TO ALL HER FAMILY AND FRIENDS

IN ISRAEL AND ABROAD

Ramat Gan, Israel

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

MIRIAM and DANIEL FRIEDMANN

Netanya, Israel

ESTHER WANDEL

SENDS GREETINGS

TO ALL RELATIVES AND FRIENDS

Kiryat Motzkin , Israel

Holiday Greetings

**BEST WISHES TO MY FRIENDS
IN ISRAEL AND OVERSEAS
ABRAHAM FRADKIN
Tel Aviv, Israel**

**FLORA FREIMAN
WISHES A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS
Tel Aviv, Israel**

**BORIS MATLIN
WISHES A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS
Petah Tikva, Israel**

Holiday Greetings

BEST WISHES TO ALL OUR RELATIVES AND FRIENDS

**ILANA and GIORA LESK,
CARMELA MADPIS and FAMILIES**
Raanana, Israel

HANNAH and SAM MULLER
WISH A HAPPY HOLIDAY TO RELATIVES AND FRIENDS
Kfar Shmaryahu, Israel

YONA KLIGMAN
SENDS HAPPY ROSH HASHANA GREETINGS TO ALL HIS CHILDREN,
THEIR FAMILIES, THE EXTENDED FAMILY AND FRIENDS IN ISRAEL AND ABROAD
Jerusalem, Israel

ELI ALGOR (GROHOVSKY) and FAMILY
WISH A HAPPY HOLIDAY
TO THEIR FRIENDS AND RELATIVES
Tel Aviv, Israel

Holiday Greetings

**ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY
WISHES A HAPPY HOLIDAY, HEALTH AND HAPPINESS
TO ALL THE MEMBERS OF THE I.C.F.S, THE MEMBERS OF
THE ASSOCIATION OF FORMER RESIDENTS OF CHINA
AND ALL OF OUR FRIENDS AND THEIR FAMILIES**

Tel Aviv, Israel

20

**I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n**

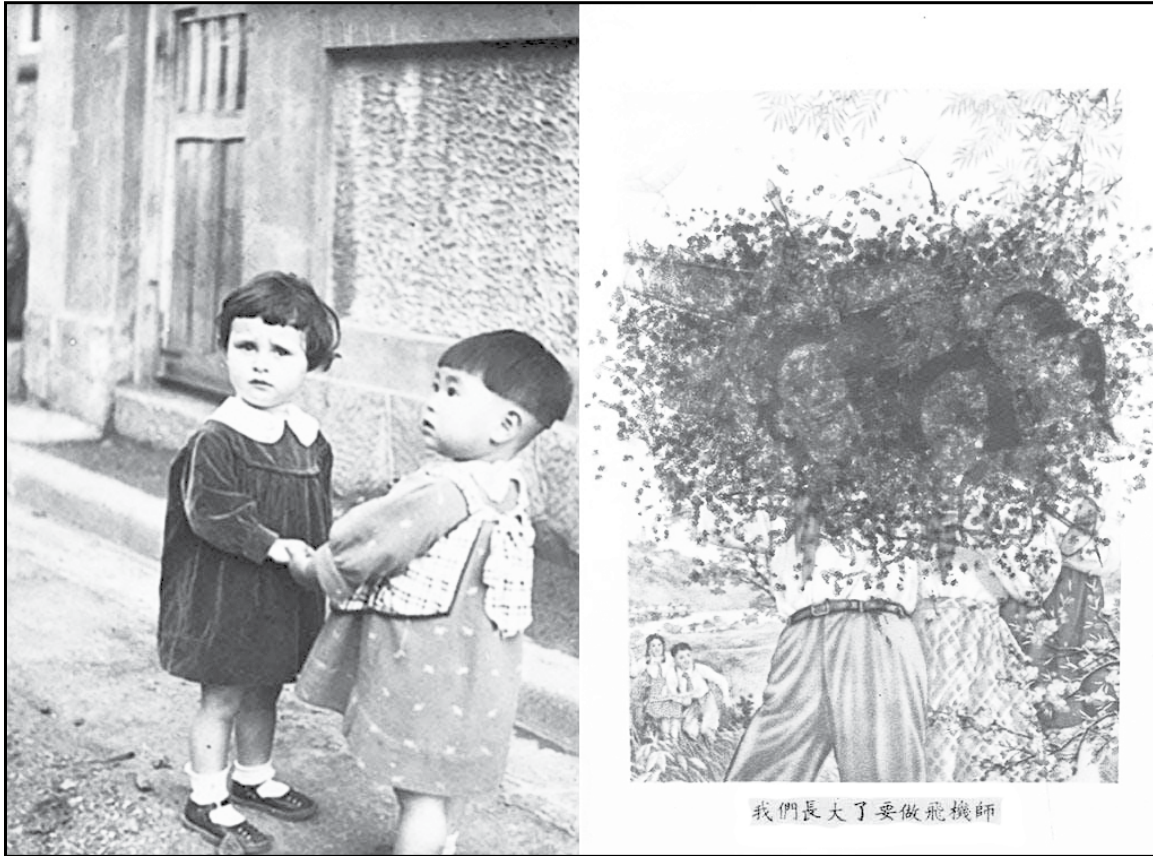
**YOSSI KLEIN
WISHES A HAPPY HOLIDAY
TO THE STAFF OF IGUD YOTZEI SIN AND THE "BULLETIN":
INNA BAKSHEEV, CECILIA LYUBMAN,
AND TO THE VOLUNTEERS: FLORI COHEN, JUDITH SANDEL**

Tel Aviv, Israel

Exhibition Opening for Harbin, China | PAST/PRESENT

April 30, 2019

Time: 6:00 pm - 8:00 pm

Like the Eldridge Street Synagogue, a grand synagogue stands in Harbin, China that serves as a museum and a relic of a time when it was the center of a flourishing Jewish community. And much like the Lower East Side, many of Harbin's Jews eventually left the home they had created there. In this exhibition, Harbin's Jewish past is presented in historic photographs and personal stories. In the 1890s, the Trans-Siberian Railway turned the small fishing village in northeastern China into a thriving city, shaped by the interaction of Jews, Russians,

Chinese and others. But by the early 1960s, the last Jewish families had left Harbin, leaving behind synagogues, schools, a hospital and more as they immigrated to the United States, Israel and elsewhere. Today, a new appreciation for this history has spurred restoration and commemoration of the Jewish history of Harbin.

Steven Lane, a New York artist, has been making art in Beijing and Harbin since 1985. In Harbin, he often uses the former synagogues as temporary studio spaces. Lane's art in this exhibition

focuses on his painting over and reusing of originals and copies of Chinese newspapers, posters and books from the 1960s, which he purchases from markets in Beijing and Harbin.

This evening reception will mark the opening of the exhibition, and include remarks from Steven Lane and the exhibition curator.

Museum at Eldridge Street

12 Eldridge Street

New York, NY 10002

Museum Site: 212.219.0302

Administrative Office:

212.219.0888

contact@eldridgestreet.org

The Adventure of a Former Jewish Seaman in Yeshivabocher Land

By Jordan Paper

While researching my book *The Theology of the Chinese Jews, 1000-1850*, I became familiar with Jewish maritime history, since all but one or two of the Chinese synagogue communities were in seaports, and even the inland ones were in contact with the seaport communities by canal and river barges. Save for the Ashkenazi Jews, whose ancestors probably spread into northern Europe by river craft, Judaism spread around the world via salt-water maritime merchants long before the Diaspora. Yet Ashkenazi Jews tend to be unaware of the great Jewish navigators who many centuries later led the Portuguese and Spanish ships around the world. The Portuguese prince, Henry the Navigator, attained that appellation, not because he went to sea, which he didn't, but because he had the foresight to hire Jewish astronomers, cartographers, and navigators who had been to East Africa, India and China, as well as originators of navigational instruments. These mariners, as well as the Amsterdam based Jewish merchant ship owners and captains (and commanders of the Dutch fleets), and the Jewish pirates of the Barbary coast and the Caribbean, taking their revenge on Spanish and Portuguese ships for the Inquisition, were all Sephardim. Is this fact why

Ashkenazi Jews tend to be ignorant of Jewish great maritime achievements and enormous wealth due to controlling the maritime trade (when it was not confiscated by the Inquisition)? Judaism is more a maritime culture than a terrestrial one – most Jewish communities worldwide are still in seaports. Of the twenty U.S. cities with the largest Jewish populations, seventeen are seaports (ocean, lake and river), and the three cities in Canada with the largest Jewish populations are seaports. Yet one still finds Ashkenazi scholars assuming that the Jewish synagogues in China were begun by merchants who came by the arduous overland caravan route, at a time when the route was in abeyance as it was no longer protected by the Chinese military, and then walked through the entirety of China to the coast, rather than by the far more common, much more comfortable, considerably faster, and far more lucrative sea route; each ship of those times, although far smaller than modern ones, could carry as much as a number of caravans in a single trip. Why caravan merchants would walk 1500 kilometers across China from the terminus of the caravan route in Xi'an (not Kaifeng, which is 500 kilometers further east) to create synagogue communities in

seaports is beyond my imagining. People settle in seaports because they are involved with ships and shipping or simply arrived by sea, which is why I was born in Baltimore. This is where my father and his family arrived in America in the 1920s by ship from Amsterdam, after fleeing Poland. (My mother's family arrived in New York in the 1890s by ship from Riga.)

I was blithely unaware of this ignorance because I grew up in a seaport (Baltimore) at a time when ships from around the world docked downtown, not on the periphery of ports as container ships and tankers do now, and I visited them frequently, longing to sail away on them. As a youth, I read books by skilled Jewish naval seamen, such as Commander Edward Ellsberg of the U.S. Navy during WWII, as well as books about Commodore Uriah Levy during the war of 1812 and Admiral Hyman Rickover, the father of the atomic powered submarine. I was able to ship out as a seaman during summers while a university student because my father was friends with the Jewish president and vice-president of the local Master, Mates and Pilots Union who made the arrangements with other Jewish maritime union leaders. The first time I shipped out, the captain of

the tramp tanker on which I sailed was Jewish. Hence, I thought it common knowledge that there were Jewish mariners.

While writing the above-mentioned book, I came across an internet site that detailed how a frum (observant) Jew should observe Shabbos (the Sabbath) while on a cruise. Among the stipulations was the edict that one could not use a motion-activated toilet during Shabbos. Being facetious, one might wonder if this might explain the current penchant for building cruise ships with a majority of cabins having balconies. For if none of the toilets can be used, one would have to revert to the method used by seaman in the pre-toilet days: hang one's rear end over the railing (sailors have been lost at sea that way). This and other similar stipulations hardly encourage a frum Jew to travel by sea, even on a kosher cruise.

During the summer in Victoria, where I now live, the local Lubavitch "mission" is home to teen-age yeshivabochers (yeshiva students) from Brooklyn, sent to Victoria for a few weeks to better enjoy the summer. They spend the morning studying Talmud and the afternoon having a good time. People were encouraged to visit the students in the morning to test them with questions. So given the above stimuli and curious about general Ashkenazi knowledge of and attitudes about maritime travel, I dropped in one summer morning some years ago.

I asked the question: "You are sailing a Jewish merchant ship from Basra to India a thousand years ago and it's Friday evening. What do you do?" The following is the resultant dialogue with the

landlubber students.

Students: "Get off the ship."

Me: "You are in the middle of the ocean. If you step off, you will drown."

Students: "Stop working."

Me: "This is a sailing vessel. If you stop working the ship, it will founder, and everyone will drown."

Students: "Have the goyim crew do the work."

Me: "This is a Jewish ship. All of the crew and officers are Jewish."

Students: [long confused silence].

Me: "Imagine you are in the Israeli army. You have sentry duty and it is Shabbos."

Students: "Oh!"

Teacher: "Remember that the injunction to save life takes precedence over any other commandments" (or something to that effect).

The students then agreed that the essential work could be done while leaving the unessential work until after Shabbos. The discussion then devolved into concern over typical Talmudic minutia: What knots could be tied on Shabbos¹ under those circumstances and what knots could not be tied! The question I asked is argued over in both the Jerusalem and Baghdad Talmud, given that maritime activity was the most important aspect of Jewish commercial life even long ago. In these discourses, there is also argument over what kind of knots could be tied on Shabbos. One or more students must have been familiar with the relevant Talmud passages, as they were aware of the Talmudic consensus that only temporary knots could be tied on Shabbos, not permanent ones (being familiar with maritime knots, the difference escapes me).

I am certain the students didn't know the actual difference.

This story illustrates the difficulty many Ashkenazi Jews seem to have in comprehending not just life on the sea but Jewish maritime history. Jews spread around the Mediterranean along with Phoenician merchants. They were in all of the Roman ports – refer to the letters of Paul (Saul) in the New Testament who visited and/or wrote to a number of synagogues in the ports along the coast of present-day Turkey. Earlier, Jeremiah was castigating the Jews in the Egyptian seaports, not Israel. Some Berber tribes converted to Judaism and were among the cohorts that conquered the Iberian Peninsula, where there were already Jews in the seaports. A kingdom in Yemen converted to Judaism and Jewish merchants sailed from there and traded along the coast of East Africa (and possibly around the Cape to West Africa). When Cyrus allowed the Jews to leave Baghdad and return to Jerusalem, not all left. Otherwise, how can the continued Jewish learning in Baghdad be explained? Much later, Persian Jews (speaking and writing Judeo-Persian) from Baghdad sailed from the port of Basra, along with Arab and Persian Muslim merchants, to India and then to China.

By 1000, there were over a million Persian and Arab Muslims living in the Chinese seaports, and along with them were tens of thousands of Jews, leading to the development of at least six synagogue communities up and down the Chinese coast, as well as the community in the then capital of Kaifeng. Kaifeng is 500 kilometers east of the terminus of the Silk Road in Xi'an, reached

from the seaports by passenger barge via the Grand Canal to the Yellow River and thence up the Yellow River to Kaifeng, which was then on its shore. The capital was shifted from Xi'an to Kaifeng when the Silk Road became too dangerous because China no longer could protect the route to Xi'an. Being then on the shore of the Yellow River, Kaifeng was at the terminus of the barge route from the vast rice and silk production of Jiangnan, and the international trade by sea. After the loss of northern China, the capital was again shifted further south to Hangzhou in the Jiangnan region, which itself was a minor seaport being up a river from the coast.

I suspect the six synagogue communities in the seaports were larger and more vibrant than the one in Kaifeng, given that they were in continual communication with Jews and Judaism in Baghdad and elsewhere, and new Jewish mariners and merchants would have been constantly arriving. It is most unfortunate that we know nothing about them, because the port cities were depopulated by the late Ming government before Ricci and the Jesuits established themselves in China and documented the Kaifeng community for the European world.

It should be noted that, although

there is evidence for Jewish merchants traveling through oasis communities along the Silk Road before its temporary demise by the 10th century and Jews were heavily involved in the earlier caravan trade, there is no evidence for a Jewish community at the terminus of the Silk Road in Xi'an. (Marco Polo went to China by land centuries later when the caravan route was reinvigorated under the Mongols, but when he found out that he could return by sea, he jumped at the opportunity.) This is why Jewish navigators and pilots were hired to navigate Portuguese, Spanish and English ships and captain Dutch vessels: they knew the routes, having been to East Africa, India and China, and many spoke European languages so they could communicate with the officers and crew.

It seems everywhere Jewish maritime merchants went, they set up trading posts leaving behind young, single male Jews as factors. These Jews married local women, perhaps daughters of their local trading partners; hence, the black Lemba in South Africa, South Asia-looking Jews in India, Iberian-looking Jews from the Iberian Peninsula, Chinese-looking Jews in China, Slavic-looking Jews in northeastern Europe, etc. Accordingly, the

Chinese Jews are no more or less Jewish than the Ashkenazi Jews, who tend to reject the Chinese Jews as Jews because they do not look "Jewish", meaning for them Slavic not Semitic (Arab) in appearance. Increased recognition of the importance of the sea in Jewish history might ameliorate the frequent dismissal by (Ashkenazi) Jews of Chinese Jews - as well as other Jews who do not look Slavic - as Jews.

¹*Raphael Patai, The Children of Noah: Jewish Seafaring in Ancient Times (Princeton University 95-96). For more on medieval Jewish seafaring, see Sarah Arenson, "Medieval Jewish Seafaring Between East and West," Mediterranean Historical Review 15:1 (2000): 33-46. For later seafaring, see Meyer Kayserling, Christopher Columbus and the Participation of the Jews in the Spanish and Portuguese Discoveries, trans. by Charles Gross (New York: Hermon Press 1968 [German ed. 1895]). For a fascinating read, see Edward Kritzler, Jewish Pirates of the Caribbean: How a Generation of Swashbuckling Jews Carved Out an Empire in the New World in Their Quest for Treasure, Religious Freedom - and Revenge (New York: Anchor Books, 2008).*

Points East - 2019

WE NEED YOUR SUPPORT!

Please make a donation to Igud Yotzei Sin

Your donation enables us to do our community work

THANK YOU!

TIBERIU WEISZ LINKING JUDAISM INTO CHINA'S CULTURE

Jessica Zwaimam, Editor - Jewish Asian Times (Taiwan)

As China's Kaifeng Jews recently became yeshiva students in Israel early this year, a series of overlooked stone inscriptions are bringing the story of Jews in China to life – Tiberiu Weisz investigates.

Mr Weisz, or Tibi as he likes to be called, was born in Eastern Europe and made aliyah when he was 14. He served in the Israeli army for three years and then moved to the US. He took East Asian Studies and Chinese and followed by a same field Masters degree.

"My interest in China is a very long one," he says, "I was a student at Tunghai University in the mid 1970s and recorded Hebrew biblical texts at Tainan University." In the US, Weisz taught Chinese as well as Chinese philosophy and religion at various Minneapolis Community Colleges and he also consulted with numerous international firms that were doing business in China.

Weisz read Professor Vera Schwarcz's book Bridge Across Broken Time: Chinese and Jewish Cultural Memory, but felt "the topic needed much more work." He believed he was qualified to explore the subject in depth because he says, "I have an above average knowledge of Chinese and

Hebrew and I also have a good background in Chinese history and biblical history. Above all, I can read classical Chinese and Hebrew fluently, including biblical Hebrew. So it was natural for me to take on this project and go with it."

While teaching Chinese philosophy Weisz always felt the Chinese tenets were very similar to biblical literature and Judaism and he often wondered if the two might have come from the same source. The combination of his curiosity, interest and abilities led him to start writing his first book The Covenant and the Mandate of Heaven: An In-Depth Comparative Cultural Study of Judaism and China.

In his book, which is question-based, he gives answers relating to the connections between Judaism and China. The author uses Chinese and Hebrew texts, both translated to English "and placed side by side so the reader can easily see the similarities and the contradictions between the two cultures. It's like yin and yang. Readers will see these two cultures in a new light; not as fossils, but rather as two vibrant cultures tied by invisible bonds that have allowed them to survive and flourish until today."

This is where the story becomes increasingly interesting. As part of his research for the book, Weisz came across the Kaifeng stone inscriptions, which had been reproduced and translated.

There are four stones carved with approximately 6000 Chinese

characters in total. The first stone is from 1489, the second was carved in 1512 and the third and fourth in 1663.

According to Weisz, about 100 years ago there was a translation made by a Chinese missionary, which he says, "was pretty good, except nobody understood the text because it didn't make sense. We have these four documents that had been put aside by researchers because the translation didn't make sense. For 500 years they went misunderstood." Even researcher Donald Leslie who had done extensive research on the stones couldn't understand why they were written.

Conversely Chinese researchers only addressed issues that they could understand. For example: where the stones speak about intermarriage, the arrival of the Jews in China and their assimilation. "This was because there was a sentence that said the Jews had come to China during the Sung Dynasty. Everybody was trying to figure out what that meant and did research on it and wrote about it, but that was the sum of the inscriptions."

"When I was reading the inscriptions I suddenly realised that what I was reading about was the pre-Talmudic time Judaism from about 300 BCE. That was interesting and it certainly got my attention." Weisz put his book The Covenant... on hold while he researched and translated the content of the stones

in a deeper way.

Weisz realised that previous research “never explained or referred to the fact that the 1498 inscription was written in three different styles, because it was written by three different people. They never pointed out that the second inscription was written in very beautiful Chinese, in neo-Confucius style, that was very prevalent at the time of the Sung Dynasty. And for the third inscription, in the text it was written that the writer was a non-Jew, but what wasn’t mentioned was that he was a neighbour of the Jews and he describes what he saw there, their Jewish customs and behaviour. That was fascinating and it was missing from the other translations.”

He realised after hours of translation and comparison that the reason the inscriptions were not understood was “because they basically included the translation of prayers from Hebrew and that is what threw many people off. Unless you really know the biblical reference, you wouldn’t know what they were talking about.” And that is the reason why Weisz believes so many researchers thought the Chinese text on the stones was written a little bit funny. “I realised I was reading a Jewish manuscript.” On the stones Weisz found the word for word translation from Hebrew into Chinese of “the entire Shemonei Esrei/ the Amidah. When I finally realised it and looked at the prayer book, it was just exciting. I didn’t want to believe it at first, but then I realised there was no other way as all the components of the Amidah were there,” he said.

The Birchat Kohanim – the priestly blessing is also part of the inscriptions. “The Birchat-ohanim I figured out differently. I went to

the Hebrew text and compared it. It is almost verbatim. It is written in Hebrew grammar but in Chinese words. All the biblical references were there.” And finally, Weisz claims he found a third prayer, “which was the original biblical Aleinu.”

In addition, the inscriptions also included multiple quotes from Chinese literature; among them were quotes from Confucius and Lao Tzu. According to Weisz, the third part of the 1498 inscription clarified the timeline of “when the Jews came to China.” The third segment reproduces a conversation that the Jews had with the Chinese emperor around 998 CE, about 500 years before the inscription was written; a conversation that was likely passed on through oral history.

Weisz theorises that the Chinese Jews are the original Jews who came to China over 1000 years ago. “They likely reached China at about 108 BC. They assimilated and kept their religion and beliefs. There was no anti-Semitism at that time and they were more like a curiosity. I think this is very important because I think it’s the first time ever that the Jews flourished in a society without being prejudiced. The only other place they can do that now is Israel.”

“So all this information was missing in the previous translations. As far as I’m concerned, I have a document here, which has been buried and is as important as the Dead Sea scrolls. But because they couldn’t decipher it and they couldn’t understand it, they put it aside and nobody really paid attention to it. I think it’s time we looked at it very closely again. So I hope this new translation of the inscriptions will open up a new

venue to do more research on the history of the Chinese Jews.”

This research became Weisz’s second book *The Kaifeng Stone Inscriptions: The legacy of the Jewish Community in Ancient China*. The book contains the entire text of the new translation of the four stone inscriptions. The first part of the book is the new annotated translation that traces the origin of the Chinese text to biblical sources. Part two gives you a summary of the meaning of the inscriptions, and examines the origin of the community, their first encounter with the Chinese, their dedication to the temple and their life as Jews in the sea of Chinese culture.

The book incorporates many original Chinese and Hebrew sources and it highlights the cross-cultural currents that challenged the Israelites in China. It takes the reader into uncharted territory of the Jews in ancient China. Weisz is the first to note, “The inscriptions are definitely tied to Judaism and proof that they are a Jewish text.”

The University of Southern California interviewed Weisz during the production of a documentary about the Jews of Kaifeng. At the time of the interview the project was in the final stages of editing.

It took Weisz ten years to research and write *The Covenant and the Mandate of Heaven*. In between, he stopped for four years to work on *The Kaifeng Stone Inscriptions*. Weisz took an early retirement and currently sits on the board of the Sino Judaica Institute. He will be speaking in Taiwan in October and is exploring potential joint projects with Tunghai University.

(Issue September 2010)

**POSTED BY CHINA AND JUDAISM
FRIDAY, JANUARY 12, 2018**

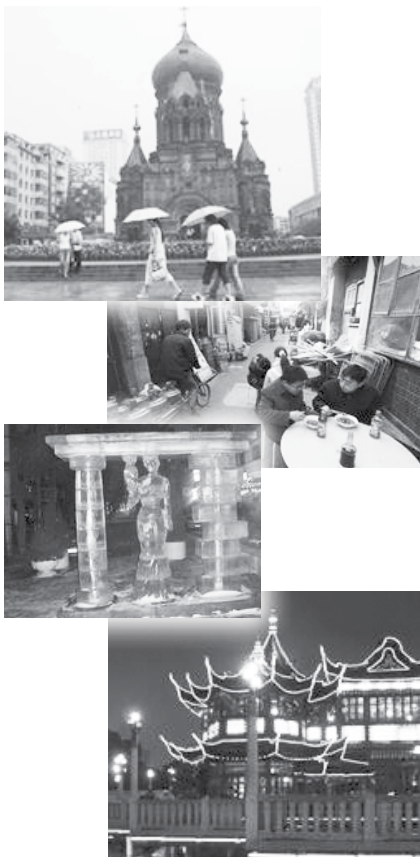
THE HISTORIC COMMUNITY OF HARBIN, CHINA

Harbin, located in Northeast China, is the capital of the Heilongjiang Province and lies on the southern bank of the Songhua River.

Harbin Ice Festival

Harbin of today is one of the major cities of China and a rapidly growing industrial city as well as an economic, cultural and communication centre.

Despite an average temperature of -16.8 degrees Celsius in the winter, with temperatures falling as low as -38.1 degrees Celsius, Harbin is also now a major tourist attraction. Since 1985 it has hosted the internationally acclaimed annual Harbin International Ice and Snow Sculpture Festival. It scarcely resembles the Harbin of the early and middle nineteenth century. This once sleepy, cluster of small villages, was about to change and become an important part of the landscape of China at the same time as it was about to collide with the history of the Jewish Diaspora.

Many of the Jews arrived fleeing the pogroms and persecution of Czarist Russia, while others were adventurer seekers drawn by the opportunity of the unknown. It was a chance for the early Jewish residents to make a new start and grow their own unique network of Jewish Diaspora organisations and institutions far from all that was familiar to them and removed from all major arteries of Jewish life.

In 1898 the construction of the Chinese Eastern Railway, an extension of the Trans-Siberian railroad by Russia commenced. Harbin was transformed into a mini-international metropolis. The first Jew, S.I. Bertsel, arrived in 1899 and soon the first recorded Harbin minyan took place in 1900 in the home of I.L. Bach. Services were conducted in the home of the Berkovich family until 1902

when the Spiritual Committee was formed and the first synagogue was established.

The Jewish population in 1902 was over three hundred. While the first synagogue was small, it became clear that this group of refugees was quite serious about making Harbin their home. Jewish businesses sprouted up and the community recruited a schochet. Rabbi Shneur Zalman Gashkel served as the community first rabbi. He was followed by Rabbi Levin who later went on to serve the Tientsin community.

Main Synagogue after restoration

New Synagogue - restoration almost complete

In that same year, the Jewish cemetery was established and quickly served to ensure that the Jewish soldiers who perished in the Russo-Japanese War were

given proper, Jewish burials. The cemetery housed an estimated 3000 graves in 1958 according to estimates recorded. A burial society functioned on an entirely voluntary basis. Poor were buried free of charge and a minyan was always available.

The cemetery was moved by the municipal government. It reportedly still preserves 583 graves that surprisingly remained intact following the activities of China's Cultural Revolution. Those remaining graves, relocated a few hours from their original location, included that of Israeli Deputy Prime Minister Ehud Olmert's grandfather. He made a well-publicized visit to this grave in 2004.

The Russo-Japanese War forced the community to mobilize and organize themselves further in order to provide care for wounded Jewish soldiers. Jewish burials were organised and food was distributed to thousands for Pesach.

Following the war, in 1907, a library was founded beginning with donations of books from community members. By 1930, it is reported that between 80-100 people used this library on a daily basis, with an average of 140 books being lent out daily. Over 23,000 readers utilized this valuable community resource annually.

The community's fulltime school was also established in 1907 and the community saw the beginning of the groundwork on the two major shuls around that same time. While there were a number of synagogues in Harbin, all of which were Askenazi, the two major synagogues, were the Main or Old Synagogue (previously

named the Central Synagogue) and the New Synagogue or Beth HaMidrash.

Zionist activity was at the centre of Jewish life in Harbin. In 1912, The Committee for Jews Resettling in Palestine was established as an umbrella organisation for a large number of Zionist activities that began to grow.

The Zionist youth movement, Betar, became a considerable force in the community. Zionist activity, which was outlawed in the Soviet Union, was also further accelerated under the leadership of Dr. A. Kaufman, President of the Jewish Community from 1919-1931 and from 1933- 1945. There were three Zionist conferences organised by the Jewish communities of the Far East. The first took place in December 1937. Two other conferences followed, in 1938 and the last one in 1939. A fourth conference was scheduled to be held in Dalian in 1940, but Japan refused to grant the organizer's permission.

Main Synagogue of Harbin

In 1914, World War I begins, bringing a steady flow of refugees into the region. Pogroms increasingly forced Jews to leave Russia and travel along the railway in hope of a better future. The Harbin Far East Jewish Relief Committee sent relief to pogrom victims in Russia.

The fervor of community activity picked up pace and in 1920, Moshav Zkenim, an old-age home was established. A number of other communal institutions also emerged including Talmud Torah, a secular Primary School. Additionally, in order to meet the immediate needs of the newest refugees, the Communal Kitchen and Mishmeret Holim, or the Sick Fund, were established.

Other social welfare organisations and institutions were established. While an infirmary was organised in 1920 to meet the needs of sick refugees, a 23 room hospital was officially founded in 1938. Today, the building remains intact and serves as an ophthalmic hospital.

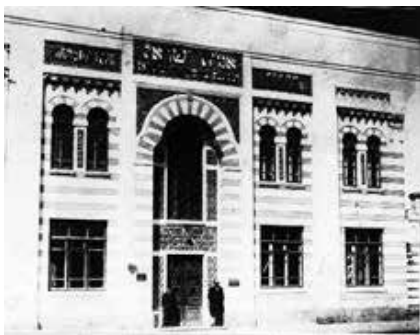
1922 marked the establishment of the Harbin's Jewish Women's Association or the local branch of the Women's International Zionist Organisation (WIZO). Their work, along with women worldwide, contributed to the Jewish National Fund. In 1926, a group from Harbin expanded the reach of their local appeal and visited the Jewish communities of Tianjin and Shanghai to coordinate efforts to contribute to the restoration of Palestine.

Several Zionist youth organisations were established as well. The largest, Betar, also sponsored sports, scouting and other activities.

An extensive Jewish media network was also in place in the region, which Igud Yotzei Sin credits for preserving much of the history of the community. In Shanghai, in 1920, the Siberia Palestine Weekly began production. This Russian language paper soon moved to Harbin in March of that year. Dr. A. Kaufman, president of the community and a major

***The Huang Shan Cemetery -
circa 1960***

Talmud Torah School in Harbin

impetus behind the fervor of Zionist activity, became editor of the publication, renamed Jewish Life, from the 21st edition onward. Nearly 20 Jewish newspapers and periodicals were published in Harbin.

In 1929, the Jewish Peoples Bank was established. It is estimated that at its peak, the Jewish population reached 25,000 in the 1930's. Other reports place this figure as high as 30,000. A rich cultural scene also flourished, drawing in many famous musicians, writers, actors and artists as visitors. There were many opportunities to attend ballets, violin concertos, jazz concerts, and plays.

The Zionist organisations likewise developed a number of social and recreational activities, including grand balls. Many of these events were held in the Moderne Hotel, a landmark establishment, built by Josef Caspe, a wealthy Jewish resident.

World War II brought about the closure of the community's publications by Japanese

authorities under pressure from Germany in the early 1940s, but the community really suffered after World War II, when the Soviet Army invaded and arrested some of the Jewish community's most prominent leaders. Many of the Zionist activities closed, or went underground, during this time period, though the connection to Israel remained firmly entrenched in the community members psyche.

By the end of World War II, only about 2,000 Harbin Jews were left. In 1955, the community consisted of only 319 Jews. Following the victory of the Soviet Army, the majority of the Jewish community of Harbin had immigrated to Israel. Others settled throughout the West, in Canada and the United States. Some remained in China, relocating to Shanghai and Tianjin, though the last Jewish Harbinger reportedly lived there until 1985.

By 1962, all activities of the once vibrant community of Harbin had ceased. Jewish voices continuously echo through the streets and the voices flow with the winds, in and out, of what once were centers of Jewish life. The voices continue to sound in the hearts of the Jewish ex-Harbiners. This is a group that continues to have pride and a connection to what they once called home.

The Jewish legacy lives on in Harbin. The Harbin Jewish Research Center was founded in April 2000 by the Heilongjiang Academy of Social Sciences, and in 2002 they held a Jews in Harbin exhibit. By 2003, the history and culture of the Jews of Harbin was recognised as a branch of science on the provincial level.

A 2004 seminar, jointly sponsored

Main Synagogue of Harbin

by the Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences, the Israel-China Friendship Society, and the Association of Former Residents of China, united over one hundred scholars from around the world. Likewise, further reinforcing the bond between Harbin and the Jewish community, the government relocated the Huangshan Jewish Cemetery, which remains the best preserved Jewish cemetery in the region.

The Association of Former Residents of China (Igud Yotzei Sin) continues to preserve historical records and first-hand accounts of the Diaspora communities throughout China. They are an active and extremely prolific group that looks forward while never forgetting the past.

As Teddy Kaufman, Chairman of Igud Yotzei Sin, reflects in his book, *The Jews of Harbin Live on in My Heart*, for me it still remains the beloved home where I spent my youth. We, who were born there, or came there in our early youth, still have vivid and wonderful memories of times gone by. We are proud to be descendants of Harbin Jews.

Historical information and photographs were supplied by Igud Yotzei Sin (Jewish Times Asia - Issue July/August 2007)

July 2018

Encounters between Chinese and Jewish Civilizations

By Shalom Salomon Wald

Comparing Two Civilizations

Comparison of Chinese and Jewish civilizations does not seem an obvious choice. At first glance, the differences between Chinese and Jewish history, numbers, language, religion, and more are enormous. Yet since 1605, when Jesuit missionary Matteo Ricci in Beijing encountered for the first time a Chinese Jew, meetings between Chinese and Jews, as well as thoughts about their similarities, have fascinated the Western mind. Belgian–Australian sinologist Pierre Ryckmans called China “the oldest living civilization on earth.” He explained its long duration by spiritual memory, language, and the written word, and added an interesting afterthought: “only the Jewish tradition may present a significant parallel to the phenomenon of (China’s) spiritual continuity.” This essay will discuss encounters between Chinese and Jews in old and recent times, both inside and outside of China, and add a reflection on a religious similarity between the two civilizations that has had enormous historical consequences for both.

The Jews of Kaifeng

The first long-lasting encounter between the Chinese and Jewish civilizations took place in Kaifeng, Henan Province, the ancient capital of the Song dynasty. Jews traveled and traded on the Silk Roads to China during the Tang

dynasty, but a small, stable Jewish community could be found in China only since the Northern Song dynasty (960–1127).

These Jews came from the Middle East, mostly Persia, but when exactly they arrived - allegedly invited by a Song emperor - is not known. They built a synagogue and were prosperous, and a relatively large number passed the difficult Chinese civil service exams under the Ming dynasty (1368–1644) and became Chinese officials, serving also in the military. Kaifeng synagogue inscriptions list eighty Jewish officials between 1489 and 1679. One of them, Zhao Yingcheng (1619–1657?), achieved the high, very rare jinshi rank. He held senior positions (Ministry of Justice Director, Emissary to Fujian to fight outlaws, and more). Late in his short life, he returned to Kaifeng to rebuild the synagogue that had been devastated by the 1642 Yellow River flood. In the nineteenth century, Kaifeng’s economic misery, civil wars, and assimilation greatly reduced and impoverished the community. Traveling out of Kaifeng through the bandit-infested Henan Province was dangerous, and in contrast to Kaifeng Muslims who suffered no less, the Jews... were a minuscule local island, barely visible in the vast cultural ocean of dynastic China. They incorporated China into their culture; China’s culture did not incorporate Judaism but gave the Jews a place to live and

prosper. The Jews developed over 700 years what has been called a “creative cultural interaction” with their Chinese environment. The Jews took Chinese lifestyles, dress, names, and sometimes concubines. They adopted the Chinese family lineage system through which everyone traced his or her origin to an ancestor, name, and location. If the ancestor was a Jew, the whole family was Jewish. The Jews’ accommodation to Chinese tradition allowed them to be Chinese without ceasing to be Jews.

For the Chinese, they were just one of China’s numerous religious sects with a leader, a holy book, celebrations, and dietary customs. They were not seen as a small branch of a much larger global religion. The Jews of Kaifeng adapted the biblical story to Chinese understanding and wrote that their laws were handed down by a long line of wise men. All this was perfectly acceptable to Confucians. Equally acceptable were the Jewish laws of ritual observance, because this was exactly what Confucius had demanded when he said that spiritual cultivation required the li (ritual observance). On one issue - the notion of God - Judaism could accept no compromise and no accommodation: in Judaism, God is One; he has no visible corporal form and no pronounceable name. The Kaifeng Jewish texts scorn idolatry, which should have pleased

Confucian intellectuals because they too looked down upon the superstitions and widespread popular image worship of the Chinese masses. And which term did the Jewish texts use for "God"? T'ien or Tian, "heaven," which in Confucianism is the supreme source of goodness

and virtue or the supreme law ordering the world. The corresponding Hebrew word for heaven, Shamayim, can often be found in rabbinic scripture as a synonym for God. "Everything is in the hands of Heaven (=God) except for the fear of Heaven (=God)," says the Talmud. Is the semblance of Tian and Shamayim a simple coincidence?

The Kaifeng experience is unique in Jewish history. It shows that Jews could build bridges to Confucianism, China's dominant ethical value system. They could not build such bridges to any other belief or religion during the same periods. Confucianism never asked the Jews to convert or worship foreign gods or prophets. Also, the Confucian rites of ancestor worship were compatible with Jewish religion: on their main holy days, observant Jews still say the Yiskor (remembrance) prayer to commemorate their deceased parents and families.

Only in the nineteenth century did some Jewish intellectuals in the West hear of this remote city where Jews were not discriminated against. During these years, the expanding colonial powers despised a weak, conflict-ridden China. The Jews who knew the Kaifeng story did not. Ironically, when Kaifeng's Jewry was thriving, it was virtually unknown in the wider Jewish world. Only when it was dying did it become a link

between China and the Jewish people.

The 19th and 20th Centuries: Chinese Views of Jews and Jewish Impacts

In the second half of the nineteenth century, Chinese travelers for the first time discovered that there were Jews across the world, and more importantly, they noted that in the West and Russia, Jews were often discriminated against. Some of them responded with sympathy because they saw the perceived oppression of the Jews as similar to the oppression of China by Western powers. One of China's leading reformers, Kang Youwei, wrote in 1909 that the Jews were thrown "into abuse and difficulty" because they had no country of their own. Similar feelings of affinity animated the founder and first President of the Chinese Republic, Sun Yatsen. In 1920 and 1924, he drew parallels between the fate of the Chinese and Jews, and supported the right of the Jews to restore their nation in their ancient homeland. Shortly after, China gave its support to the Balfour Declaration, the 1917 document that opened the way to the creation of the modern state of Israel.

During the twentieth century, literature and languages of the Jewish people became known to Chinese intellectuals. The first complete and accurate translation of the Hebrew Bible appeared in modern Chinese. Chinese writers, e.g., Mao Dun, appreciated the Bible not for religious reasons, but as great literature and history. However, until World War II, the national Jewish language spoken by the greatest number of Jews was not yet Hebrew, but Yiddish -

a dialect of ancient German with many Hebrew words. Yiddish had a rich literature of which a few dozen works were translated into Chinese during the 1920s and '30s. The appearance of these books in China coincided with heated debates about the need to reform the Chinese language.

Some language reformers saw in Yiddish the right model of a language that could be understood by the large masses of the people - a model that China should follow. However, the main Jewish contribution to China - if this is what it was - was indirect. A historian called the twentieth century "the Jewish century." The contributions of Jews to the civilizations of the world changed China, too. But are they "Jewish" contributions? Karl Marx was a German Jew, and Chinese Communists still respect him greatly, but Chinese communism had enough indigenous features not to be labeled as a "Jewish" development. Another example: author Franz Kafka can be read in Chinese translation. Kafka is "the Jewish writer... who may yet redefine Jewish culture for us," wrote one historian of literature. Many interpret Kafka's work as a metaphor for the alienation of Western Jews, but one of his Chinese translators proposed that his work describes the alienation of the working classes from the capitalist system - he converted Kafka back into Marx. Albert Einstein is another great name of the twentieth century, widely admired in China. Does Chinese admiration for Einstein create a point of connection between the Chinese and Jewish civilizations? There are no simple answers to these questions. The answer is

easier for American Jewish writers, such as Isaac Bashevis Singer, Saul Bellow, and Philip Roth, who first became available in Chinese in the 1980s. They introduced Chinese readers to some aspects of Jewish life and thought. Today, large numbers of Chinese have become aware of Jews and Judaism through the Jewish refugee communities that survived the Second World War in Shanghai.

The Jews are not always the best judges to understand Chinese views pertaining to Judaism. Rabbi Adin Steinsalz, widely respected in the Jewish world for his work on the Talmud, wrote after a visit to China “what [the Chinese] found in Judaism, most Jews don’t see.” For example, one of China’s main Judaic scholars justified teaching and research about Judaism as essential for China. He asserted that the Jews have modernized their civilization successfully while remaining loyal to their ancient roots, whereas the Chinese, in contrast, have failed to do so. His statement is obviously tailored for a Chinese audience. Many Jews do not see it, particularly when they watch the tensions and clashes between the ultraorthodox and the secular in Israel and elsewhere.

The 19th and 20th Centuries: Jewish Views of China and Chinese Cultural Influence

First modern Jewish reactions to China were sympathetic, as noted above. Already in 1911, in Ottoman Palestine, a Jewish author, S. M. Perlmann, published the first Hebrew book about China, *Ha-Sinim* (The Chinese). The book was translated into other languages, including Russian and English, which testified to a more widespread Jewish interest

in China. In Eastern Europe, there were many Yiddish books and newspaper articles about China. Little is known about this because the great majority of their authors, readers, books, and articles were destroyed during the Holocaust. European interest in China is old. It began at least with Marco Polo’s Asian travelogue in the thirteenth century and reached a peak in the seventeenth and eighteenth centuries when Jesuit missionaries and the leading Enlightenment philosophers, e.g., Leibniz and Voltaire, wrote extensively about China. European Jews joined the discussion much later, after the old political, social, and academic discriminations against them had begun to weaken. Thus, only in the twentieth century did German, French, and British Jews, as scholars and art collectors, play a significant role in introducing Chinese culture to the European public. In the latter half of the century, American Jews played an equally important role.

One of America’s leading China scholars, the late Benjamin Schwartz of Harvard, said that his and other Jewish scholars’ interest in China’s relationship to its past was intimately linked to their own relationship to their Jewish past. Schwartz saw a historical affinity between Chinese and Jews. The role of Jewish art collectors cannot be overestimated. Visual art is one of the most effective ways to present China to a larger public. Some of the great Chinese art collections in the museums of New York, Washington, Berlin, Paris, and London bear the names of their Jewish donors.

China and Israel

Even before Israel’s creation in

1948, and again several years later, Israel’s founding father, David Ben-Gurion, called on the Jewish people and Israel to seek links of friendships with China and India. He called them the great civilizations of Asia and predicted that they would become the world’s leading powers. Ben-Gurion used the term “civilization” deliberately: he looked at long-term historical trends, not at immediate economic or other material interests, and this at a time when very few in the West believed that China or India would ever rise to great power status. The relations between China and Israel since 1949 are too complex and multifaceted to lend themselves to quick review. Economic, cultural, and personal relations are growing. Book translations, exhibitions, TV shows, and more than ten major universities with Jewish and Israeli study centers keep increasing the number of Chinese with knowledge of Israel and Judaism.

Looking toward the future of Sino-Jewish relations, “The sky is the limit,” as they say. And what is the sky? Most of what the Chinese want to learn from the Jews and Israel is utilitarian and short term, from water technologies to fighting terrorism, or at the most vulgar popular level, how to get rich quickly. On the other side, Jews and Israel are looking for business and market opportunities, like everybody else, but there is also a strong intellectual Jewish interest in China’s culture and history. Both sides should reach higher and look further. The Chinese might want to reflect on the ethical and spiritual factors that allowed a people as small as the Jews to maintain its identity and exert its civilizational influence in the wider world. In contrast to China, the

Jews were for a long time without “hard” power or a territorial base. In turn, the Jews could benefit from reflecting on a core concept of Chinese thought, the notion of change. As *The Book of Changes* (*I Ching*) and Laozi’s *Daodejing* show, change is permanent and inevitable. All phenomena are dynamic; all situations are continuously transformed. When life and history move in one direction, the movement will stop short before it reaches an extreme and swing back into the opposite direction. This notion of inevitable change still influences Chinese thought and policy.

China’s old philosophy of history is cyclical. Dynasties rise and fall; they come and go. The universe has neither beginning nor end. In Jewish religious philosophy, in contrast, history moves forward in one direction - from a beginning to an end. Of course the Jews knew major changes, more than they asked for, which were often triggered by major catastrophes, but they were less inclined to see them as an inevitable part of life and history.

The Tension between Universalism and Particularism in Non-missionary Religions - Parallels between Judaism and Confucianism

There is more that the Chinese and Jews could learn from each other’s history. Are there similarities in the historical fate of Judaism and Confucianism linked to their religions or philosophies? Whether Confucianism is a “religion” in the Western sense or a philosophy continues to be debated in the West, as well as in China. No simple answer is in sight, least of which is because the Chinese term for religion does

not mean exactly the same as in the West. Suffice it to say here that Judaism and Confucianism are two non-missionary belief systems accompanied by ethical precepts and practical rituals. The two beliefs do not try to convert the rest of the world to their own dogmas. During some periods, Jews as well as Chinese did try to force their beliefs on minorities (e.g., the Hasmonean/Maccabean King of Judea, John Hyrcanus, who reigned 134–104 BCE, conquered the Idumean tribe and converted it by force to Judaism). Rabbinic Judaism condemned him for this. Herodes (Herod), Roman-appointed King of Judea who ruled from 37–4 BCE, was Idumean. These were exceptions, not the rule. In contrast, Buddhism, Christianity, and Islam are global missionary religions that seek deliverance from suffering for all humans in the first case, and salvation through conversion in the other two cases. The defining characteristic of a non-missionary religion or philosophy, at least in the two cultures addressed in this essay, is a strong degree of particularism. The Jews are the “chosen people”—chosen by God to be an ethical model. China is the “middle kingdom”—the most significant country and the center of the world. However, to be non-missionary does not mean indifference to the rest of the world. There is a universalistic component in non-missionary religions as well, and a concealed or open tension between particularism and universalism. The balance between universalistic and the dominant particularistic impulses is changing through history, often in response to external events. On the other hand, missionary

religions are never free of particularistic elements. Buddhism and Islam claim to bring deliverance or salvation to all humans, but India and Arabia enjoy an exalted place in the memory of the two religions simply because the founders were Indian in one case, Arab in the other, and their holy books were written in their respective national languages.

Judaism is the religion of one man, Abraham; one family; one group of tribes; one people. Traditional Judaism does not seek but accepts converts, and promises salvation to non-Jews who follow a number of Jewish laws. But universalism is woven into the Hebrew Bible from the first page on and followed up in the Talmud. The Bible starts not with the creation of the Jews but with the creation of the human race.

The self-definition of the early Chinese was apparently less ethnic than that of the early biblical Jews. During the Shang and Zhou dynasties (estimated 1556–1046 and 1046–256 BCE, respectively), the borderline between the Chinese and the “Barbarians” was not seen as ethnic or racial but as cultural. This is what allowed early China to expand by slowly absorbing and acculturating these “Barbarians.” The Chinese belief that their culture was superior to all others implied also a claim of universality. In *The Analects*, Confucius formulated succinctly his conviction that the borders between Chinese and “Barbarians” were not closed: “The Master expressed a wish to live among the nine barbaric tribes of the East. Somebody said: ‘But they are so ignorant. How is this possible?’ The Master said, ‘Where a man of culture resides one cannot speak

of ignorance!”

However, Confucian universalisms probably did not extend beyond East and Central Asia—the regions the Chinese knew and controlled during the time of their greatest geographic expansion. In later periods of Chinese history, particularistic, ethnocentric, and xenophobic positions became more prominent. When the barbaric tribes threatened the borders of Southern Song dynasty China in the 1120s, ethnic antagonism against them became a patriotic duty. Now culture could no longer override ethnic boundaries. Generally, ethnic hatred was expressed against the Mongol conquerors who destroyed the Song and ruled China during the Yuan dynasty, and again against the Manchus who created China’s last dynasty, the Qing (1644–1912). The Manchus’ eagerness to adopt Confucianism did not make them less foreign in the eyes of Chinese patriots. Over time, although Confucian intellectuals did not abandon all their universalism, popular Chinese ethnocentrism and particularism became more similar to that of the Jews. It made no difference whether particularism was primarily ethnic or cultural; in either case, it was not missionary.

Chinese Buddhists did sometimes proselytize, but in general, Chinese and Jews abstained from global missionary propaganda and expansion during most of their history. However, this did not protect them from encroachments and invasions by missionary religions - quite the contrary. It seems that non-missionary religions are particularly susceptible to invasion by their missionary competitors. Here, some similarities between

the fate of the Chinese and Jewish civilizations can be noted. In South Asia, Buddhism became missionary from Buddha’s time on (fifth century BCE or later), but it entered China only approximately in the second century CE, hundreds of years afterward. Exact dates remain controversial. From then on, the two most dynamic missionary religions of the time, Buddhism and Christianity, attacked the two non-missionary civilizations, those of China and the Jews, with irresistible force. Buddhism spread in China and became dominant in the sixth and seventh centuries. The outward-looking pluralistic attitude of the ruling Tang dynasty certainly helped Buddhism gain adherents, but there were more compelling spiritual forces at work. Buddhism was at odds with China’s traditions and indigenous wisdom. The latter apparently no longer satisfied the spiritual longings of large numbers of people. The new universalistic faith from India promised all humans liberation from suffering, and this did satisfy the longings of many. The Sui dynasty (581–618 CE), among others, strongly encouraged the spread of Buddhism. Generally, during these centuries, Buddhism was sometimes courted and sometimes attacked, both in north and south China. Finally, in the mid-ninth century, the Chinese state felt so threatened by the success of Buddhism that Emperor Wuzong of the Tang launched an anti-Buddhist sweep across the country, closed most monasteries, and expelled its monks and nuns. His edict of 845 CE on the suppression of Buddhism is a harsh indictment of the harm the new religion is accused to have done to China.

The state’s persecution did not extinguish Buddhism, but the new religion never regained the wealth and power it had enjoyed before. There are parallels and also a major difference with Jewish history. When the Apostle Paul discarded the Jewish religious laws that protected the Jews’ particularism, he turned Christianity into a universalistic faith comparable to Buddhism. Christian universalism and lack of ritual restrictions exerted great attraction for the pagan populations of the late Roman Empire, and Judaism could not compete. The new faith soon enough attacked Judaism with lethal intentions. From the fourth century on, Christianity became the state religion. The anti-Jewish edicts of Roman Emperor Constantine (of 329 CE and the following years) and later emperors aimed to humiliate and constrain Jewish religion, close or limit Jewish houses of worship, prohibit conversion to Judaism, and more. In spite of very different historical contexts, and without any direct link, the anti-Jewish hostility in Constantine’s edicts sounds strangely similar to the strong anti-Buddhist feelings in the Tang Emperor’s edict of 845. In other words, state power was essential in Chinese and Jewish religious history during the same centuries. However, in the Jewish case, the state, Christian as it was, fought for the new religion against the old; in the Chinese case, it fought for the old, against the new. The Jews could not fight back to defend the old religion. They had lost their state and independence. In later centuries, the Chinese and the Jews had to cope with additional universalistic religions with

Continued on page 35

The Shanghai Jews: Risk and Resilience in a Refugee Community

The Shanghai Jews:
Risk and Resilience in a Refugee Community
Exhibit of war-time objects, documents, and photographs.
Regenstein Library, 3rd floor.
January 15-March 30, 2019.
Open and free to all.

The Shanghai Jews: Risk and Resilience in a Refugee Community is an event series at the University of Chicago exploring the experience of nearly 23,000 Jewish refugees who escaped to Shanghai during World War II. This series opens with an exhibit (January 15-March 30th) on the third floor of the Regenstein Library, featuring

unique historical objects, documents, and photographs donated by families who lived in Shanghai during the war.

On March 13th, at 5:30 pm in Fulton Hall, the University will host Michael Blumenthal, who came of age in Japanese-occupied Shanghai and then went on to become President Carter's Secretary of the Treasury. Following his keynote conversation with Creative Writing faculty member and novelist Rachel DeWoskin, there will be a concert of war-time classical music, performed by the Chicago Symphony Orchestra's assistant concertmaster, violinist Yuan-Qing Yu, and her quartet, Civitas Ensemble.

On March 14th, a day-long symposium will be held at

the Franke Institute, featuring conversations between University of Chicago faculty and invited guests on topics including the experience of the Shanghai Jews; Iraqi Jewish business networks and the financial history of the Jewish elites in China; the literature of war-time childhood and adolescence; the role of fiction in creating and remembering history; the musical and artistic history and legacy of the Shanghai Jews; and readings of both Holocaust-era and contemporary poetry and prose.

*Nancy D. Pardee, Ph.D.,
Administrator and Director of
Undergraduate Studies, The Joyce
Z. and Jacob Greenberg Center
for Jewish Studies*

Chicago

Continued from page 34

missionary intentions. Christianity entered China while in Europe, and it continued its pressure on the Jews. From the seventh and eighth centuries on, Islam tried to convert both the Chinese and the Jews. But these efforts did not shape the history of the Chinese and the Jews as profoundly as Buddhism had for the Chinese and early Christianity had for the Jews. Only in the nineteenth and twentieth centuries did new universalistic creeds arise that had deep, history-shaping effects on Chinese and Jews: communism and socialism. Both are universalistic creeds that have their roots in the Jewish Bible's quest for social justice and

equality. The Chinese and Jewish civilizations are broader and older than the two states that are their main centers today: the People's Republic of China and the state of Israel. These two states will help decide for their nations the balance between particularism and universalism, between the pursuit of national interests alone and outreach to the wider world. If history teaches us anything, it is that it can be dangerous to ignore universalism and outreach. This is what the Chinese and the Jews could learn from each other.

SHALOM Salomon Wald is a Senior Fellow at the Jewish People

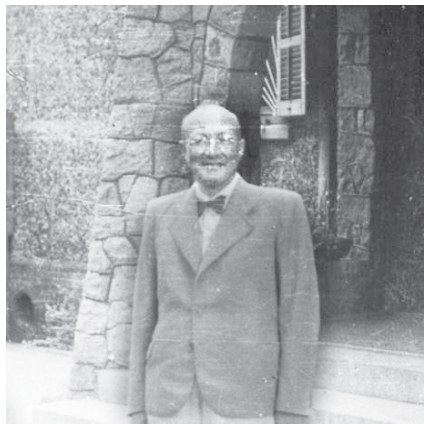
Policy Institute (JPP) in Jerusalem. He works on the history of Jewish Civilization and the links between the Jewish people/Israel and China and India. Wald was born in Italy; graduated at the University of Basel in Economics, Sociology, and History; and had a long career at the Paris-based OECD, the West's leading think tank. He specialized in science and technology policy and retired in 2001 as Head of the Biotechnology Unit.

Excerpted and reprinted from Education about Asia 23:2 (Fall 2018), with permission of the Association for Asian Studies, Inc., www.asian-studies.org/EAA.

A Doctor's Mission: The Life and Work of Ernst Kisch

Kevin Ostoyich

In advance of International Holocaust Remembrance Day, AICGS presents the story of a Viennese doctor who was released from concentration camps before the full horrors of the Holocaust, only to later die at the hands of the North Koreans. His is a story of perseverance, hope, and compassion.

Ernst Kisch, date unknown.
Photo courtesy Eric Kisch

Dr. Ernst Kisch was an opera-loving Viennese physician who was imprisoned in Dachau and Buchenwald for being Jewish. Upon his release from Buchenwald, he journeyed to Shanghai, China. He soon took up a post at a Methodist mission hospital in Changchow, where he served throughout the Second World War. As the Communists swept through China in the following years, Kisch was forced to leave the country. He immigrated to the United States, where he worked in a hospital on Staten Island. He was forced

to leave the United States due to visa issues and decided to join a mission hospital in South Korea, hoping eventually to return to China. He arrived in Kaesong near the 38th Parallel in the spring of 1950. Within weeks he was captured by the invading North Koreans. He lived in captivity for one year, during which time he was subjected to intense interrogations, a starvation diet, and a Death March. He tried to care for his fellow prisoners despite having little to no medical supplies. He died shortly after conducting a medical examination for one of the North Korean captors who had subjected Kisch and his fellow prisoners to much misery. Despite his mistreatment and weakened condition, Kisch stayed true to his mission of helping people across political borders.

Ernst Kisch was born in Vienna in 1892, the second of five children of Alfred and Emma Kisch (née Kraus). Alfred worked as a travelling representative for a paper mill. Ernst's siblings were his older brother, Edgar (born in 1891); his younger brothers, Robert (born in 1893) and Walter (born in 1896); and his younger sister, Anny (born in 1894). According to Ernst's brother Walter, the family was religious: "In our childhood we had a religion teacher who studied with us the Jewish history and as our parents were religious we learned all the prayers for the different Jewish holidays, the

prayers for every day and of course Hebrew, readings and translating. On the Jewish holidays we went always with our father to the Temple where we had our places and he was very proud of his four sons who stayed with him during the service. The celebrating of this was always kept very high."

Walter described the Austria of his and his siblings' childhood as being a place where anti-Semitism was tolerated, but Jews still "could live in peace." He remembered that there were political parties that tried to stoke anti-Semitism among the populace and that Catholic priests were particularly anti-Jewish, often commenting in their sermons that the Jews were the killers of Jesus Christ. Such sentiment had a tangible effect on the Kisch household: A woman who worked as a domestic servant for a few years gave notice shortly before Easter one year, claiming that her priest had admonished that it was a sin to serve the Jewish people. Overall, Walter remembered anti-Semitism during his and his siblings' childhood as taking hold "more in the lower class of people but of course in the high society it was more or less a struggle for a higher position in the society or in the political life." The family was able to send their first two sons, Edgar and Ernst, to Gymnasium. Edgar was artistically inclined and eventually took up fashion design. Ernst decided to pursue a career in medicine and

attended the medical school of the University of Vienna. The family could not afford Gymnasium for Robert and Walter, so they were sent to commercial school and Anny went to the Rudolfinerhaus to train to become a nurse. Immediately upon the outbreak of the First World War, Ernst was called to serve in the army. Eventually, he was transferred to a military hospital in Montenegro. The other Kisch children were also swept up into the war. Before the war, Edgar had taken a job as a dress designer in Paris. In 1915, Walter was conscripted into the army and Anny served in a war hospital as a nurse. After a few months, Walter was sent to fight on the Italian front, where he would participate in five of the twelve Isonzo battles between the Austro-Hungarian forces and the Italians. In 1916, Robert was conscripted into the army. However, due to a weak heart, he was sent to work as an office clerk in the war ministry. Eventually, Walter contracted typhus and was sent to various hospitals. Meanwhile, Ernst was evacuated in a submarine to the war port of Pula on the Istrian Peninsula (in modern-day Croatia) and eventually returned to Vienna in 1919 very sick. After the war Emma and Anny nursed both Ernst and Walter back to health in the Kisch home.

“Ernst Kisch might have been a world-famous figure, were it not for the extraordinary series of adversities that dogged his career.”

FATHER PHILIP CROSBIE

Ernst was a brilliant student of medicine. A Catholic priest, Father Philip Crosbie, later wrote of Ernst’s talents as a researcher: “Ernst Kisch might have been a world-famous figure, were it not

for the extraordinary series of adversities that dogged his career. He passed brilliantly through the medical schools of his native Vienna in the days when those schools drew students from all over the world. While still a young intern, he made the first identification of a disease which makes war on the corpuscles of the blood, and which had till then remained mysterious. The skepticism of one of his professors towards youthful learning delayed the publication of his thesis. Meanwhile a German professor made and announced the same discovery, and the disease was called by his name. The name of Ernst Kisch remained unknown in the world of medicine.”

Ernst had a lifelong love of music and often sang and played the piano. He enjoyed attending the opera, and when he established a practice in Vienna, he was able to afford prime seats in the Vienna Opera House. One of the most memorable musical events in the Kisch household was when Ernst organized a performance of Haydn’s *Kindersinfonie* to be played by the children for their mother, Emma, on her birthday with approximately fifty guests in attendance. One of the saddest moments in Ernst’s life also revolved around Emma—this being her death from a ruptured appendix in November 1928. Ernst never forgave himself for not being able to save his mother’s life—she simply had not told anyone of the pain she was suffering until it was too late.

Ernst in the Third Reich

The Anschluss of March 1938 had an immediate impact on the Kisch family. Alfred was kicked out of

the family apartment in which he had been residing simply due to the fact that a member of the SS wanted it. Although his children offered to take him in, he decided instead to get his own furnished room. Eventually, he would lose all of his belongings.

On May 29, 1938—which happened to be Walter’s birthday—both Ernst and Walter were arrested by the Nazis. Walter had been on his way to work and was apprehended on the street. He was transported to a few police stations and eventually a school. Inside the school he encountered Ernst. Walter remembered Ernst “with tears in his eyes [congratulated] me [for] my birthday and said it is not a nice birthday present what you got, but God will help us and our family.” Two days after having been nabbed by the Nazis, Walter and Ernst were sent to Dachau on an eighteen-hour train ride. Walter later noted, “It is better not to remember how this 18 hours travelling time was [spent].” While imprisoned in Dachau, Walter and Ernst were put to work building streets and forced to wear striped uniforms with a yellow star mixed with a red star to identify them as Jewish political prisoners.

On September 23, 1938, they were given new uniforms, marched to a train, and sent off to the Buchenwald concentration camp outside Weimar, Germany. Walter described the conditions that he and Ernst had to endure in Buchenwald: “This place was dirty and looked terrible. 40,000 prisoners. A very big place absolutely empty surrounded by wire fences and watchtowers and on one side barracks four in one row and six rows behind. No W.C. [rather] open latrines

in the sideways of the barracks. During the night an open barrel stand inside the entrance. I slept with my brother in one bed in a room with 120 other inmates. I don't want to talk [about] what all happened there [...], it was really terrible and best to try to forget." In Buchenwald the brothers had to work in freezing conditions. As a result, black spots started to appear on Walter's hands. When Ernst noticed this was happening to his brother, he informed Walter that he would have to operate in order to prevent him from succumbing to blood poisoning. What followed must have been nothing short of horrific. Because Jews were not allowed to receive medical care in the camp infirmary, Ernst had to perform the surgery on Walter without anesthetic using a pen knife and a pair of nail scissors. While other prisoners held Walter down to a chair, Ernst dug out the dead flesh. When Ernst finished, the prisoners took Walter, who by this time had lost consciousness, to his bed. The next morning the prisoners were awoken at 3 a.m. Despite what he had been through the previous day, Walter was not exempted from work. Later that day the same tell-tale black spots started to appear on Ernst's hands. Given that Ernst had provided medical care to the block leader—who was not Jewish—the latter gave Ernst his coat with a green triangle—the camp symbol for "criminals"—rather than the yellow and red Jewish star affixed to it, and escorted Ernst to the infirmary. There Ernst was admitted for surgery, which was conducted with anesthetic. Afterward he was exempted from work for three days. Nevertheless, Ernst was still forced to walk around outside

during those three days and became extremely ill. This time it was Walter's turn to look after Ernst. Walter remembered: "We hoped and prayed to keep our strength to overcome everything." In February 1939, Walter's camp number was called along with those of a few other prisoners. It turned out that Walter and these

Walter and Eric Kisch, September 1940. Photo courtesy Eric Kisch

men were to be released. Walter's wife, Grete had been able to secure a visa from the Chinese consulate. Walter was given twenty-one days to leave the Greater German Reich; otherwise, he would be sent back to a concentration camp. He headed for Shanghai as a visa was not required for entry into the city. Ernst stayed in Buchenwald for at least another two months. Ernst was most likely released as a result of the efforts of Walter's wife, Grete. In April 1938, Walter received a letter in Shanghai from Ernst notifying him that he too was setting out on the journey and in May, Ernst arrived. Walter and Ernst were able to go to Shanghai because Alfred had been able to secure money for their tickets from Mr. Buhrman of the Buhrman's Papier Groothandel, N.V., a Dutch paper company located in Amsterdam. Walter

decided to stay in Shanghai and started to try to get his wife, Grete, and their young son, Eric, to make the journey to Shanghai. Grete was looking after her parents in Vienna. After her father passed away in January 1940, and her mother secured sponsorship from her son for entry into Australia, Grete, her mother, and Eric made the journey to Shanghai, arriving in February 1940. Grete remembered that upon her arrival in Shanghai, Ernst informed her that Walter was having an affair with a married woman. Although he and his brother had shared many horrific experiences together in Dachau and Buchenwald, it seems Ernst did not condone his brother's marital infidelity to the woman who most likely secured his release. Naturally, Grete was terribly upset.

The War Years in China

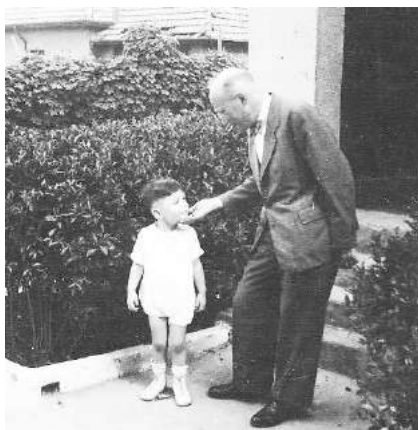
Ernst worked for a Catholic hospital in Shanghai. He decided not to stay in Shanghai, however, and moved on to Changchow (modern-day Zhangzhou) after meeting a Dr. Roman Zieher, who introduced him to the idea of working for the Methodist Stephenson Memorial Hospital. Ernst took up the challenge to administer care to the Chinese. In his brief biography of Ernst Kisch, Thoburn T. Brumbaugh, a member of the Board of Missions of the United Methodist Church for Japan, Korea, and the Philippines, described Ernst's actions on behalf of the mission hospital in Changchow. In his narrative he explains that as Ernst worked for the hospital, he gradually grew closer to the Methodist faith. Music proved instrumental for this religious journey. Brumbaugh

explains: "Ernst Kisch himself was devout in observing all the feast and fast days of his own faith, but he also liked to take part in the Christian services. He became the regular organist in chapel." Brumbaugh reports that the "hymns and ceremonies of the church appealed to [Ernst] greatly." As Ernst became more involved in the church services, he even "consented to be godfather to the child of a Chinese nurse and her husband, a pharmacist at the hospital. After the baby's baptism, [Ernst] began to talk about helping to establish a kindergarten in Changchow for the Christian training of his godchild and other children."

Growing up in Shanghai, Eric viewed his Uncle Ernst as a somewhat mythical figure who would show up wearing a pith helmet and carrying exotic fruits and eggs - rare items in wartime Shanghai

The running of the hospital became more difficult after the attack on Pearl Harbor. American workers had to leave. Eventually, only Ernst and Dr. Zieher remained "to work with the Chinese staff in serving all the stricken in both the rural and urban areas around Changchow."

Ernst occasionally returned to Shanghai to visit Walter, Grete, and Eric. Growing up in Shanghai, Eric viewed his Uncle Ernst as a somewhat mythical figure who would show up wearing a pith helmet and carrying exotic fruits and eggs—rare items in wartime Shanghai. Toward the end of the Second World War, Ernst visited after a long hiatus and said that Dr. Zieher had left for the British army and all the American doctors

***Ernst Kisch visiting his nephew Eric, date unknown.
Photo courtesy Eric Kisch***

and nurses had left as well, leaving Ernst and a Chinese doctor to look after the mission hospital. In the summer of 1946, Walter, Grete, and Eric left Shanghai for Australia. Walter tried to convince Ernst to join them in Australia, but Ernst refused because he would not be able to work there as a doctor. Brumbaugh explains that the challenges of running the hospital did not end with the conclusion of the Second World War: "[For] Ernst and the hospital the days of trial were not yet over. After the withdrawal of the Japanese troops, a new struggle began between the forces of the Chinese Republic under Generalissimo Chiang Kai-shek and the Chinese Communists who were trying to wrest control from him. Even greater confusion and disorder afflicted the country. Despite efforts of the United States and other powers to reconcile differences between the two factions, the conflict between the opposing forces continued."

An Interlude in the U.S. and Ernst's Fateful Return to Asia

As the Communists swept through the country, working at the mission hospital was no longer a viable

option for Ernst. He decided to go to the United States. Ernst arrived in New York and started to work at Seaview Hospital on Staten Island. It was in the United States in March 1950 that Ernst was baptized. The ceremony took place in the Washington Square Methodist Church under the direction of Rev. Philip S. Waters. Ernst was unable to extend his visa and was warned that he would be deported to Austria. According to Walter, Ernst resolved never to return to Austria, and decided instead to go back to Asia. According to Brumbaugh, one reason Ernst opted for Asia was that Ernst wanted to find the boy for whom he had acted as godfather. China was not an option, so Ernst decided to take up a post in the Ivey Hospital of the Methodist mission in Kaesong, South Korea. He arrived in May or June 1950 and decided to stay with the young newlywed couple of Larry and Frances Zellers. The Zellers were both teachers attached to the Methodist mission in Kaesong. Zellers remembered Kisch telling him that he volunteered "to work in Ivey Hospital in Kaesong, 'to be near my beloved China.'" Zellers remembered that to this end, "Kisch had brought many trunks full of gifts for his friends in China and stored them in our house. 'You wait,' he used to say. 'One day I will return to China.'" According to Zellers, Ernst had actually been supposed to live with a different family but had opted to stay with them because he wanted to be around their youthful laughter. Zellers later wrote that Ernst had told him, "'Larry, I wanted to live with you and Frances because I knew that I would have more fun there. You were a young couple and were

always laughing.” Zellers added, “I didn’t have to be reminded that as a Jewish survivor of Buchenwald and Dachau, he deserved all the laughter he could find.”

“I didn’t have to be reminded that as a Jewish survivor of Buchenwald and Dachau, he deserved all the laughter he could find.”

LARRY ZELLERS

Ernst figures prominently in the memoir of Zellers (published in 1991) as well as those of Catholic priest Father Philip Crosbie of Australia (published in 1953) and the captured war correspondent of The Observer, Philip Deane (published in 1953). From these memoirs as well as letters written by the missionary Nellie Dyer to Ernst’s brother, Robert, in July 1952, and Philip Deane to Ernst’s brother, Walter, in May 1953, we can piece together Ernst’s last year of life.

The Final Year

On the morning of June 25, the North Koreans crossed the 38th Parallel and quickly enveloped Kaesong. Larry and Frances had earlier attended a wedding in Seoul, where Frances got sick and was on doctor’s orders to stay in bed. Larry’s friend Kris Jensen decided to accompany Larry from Seoul to Kaesong and stay for the remainder of the weekend and then return to Seoul on Monday. Thus, when the North Koreans moved into Kaesong, Larry Zellers, Kris Jensen, and Ernst Kisch were in the Zellers’ house.

The three laid low for a few days as the North Koreans took over Kaesong. Then they went to the Ivey Hospital to look after patients. Ernst said that the North Korean soldiers would not let him touch them. According to Zellers, Ernst

said, “Even the Nazi SS sought out and accepted my medical skills when I was in Buchenwald and Dachau. These men have been poisoned against us. They will not permit me to help them.” On June 29, Zellers, Jensen, and Kisch went to the house of three American women missionaries: Nellie Dyer, Bertha Smith, and Helen Rosser.

According to Nellie Dyer, “On the morning of June 29 [the three] men came over to the missionary home where I lived with Miss Smith and Miss Rosser. Tanks had moved in very near their house and they thought it best to leave home. They spent the day with us. After supper a North Korean Communist came and told us to go down and pay our respects to the new commandant. He promised to bring us back soon but we were never allowed to return.” The six missionaries reported to the authorities in a former prison in the middle of the city. Thus started their long imprisonment. According to Zellers, the missionaries were accused of being spies and exploiters of the Korean people. They were interrogated all night and the next morning were put into a cell of “thirty men and women.” That day they were subjected to more interrogations. On July 1, 1950, they were sent to the headquarters of the National Internal Security in Pyongyang. There the three men were separated from the three women and put into a death cell. Zellers explained, “After being placed in the cell, Kris, Dr. Kisch, and I were instructed not to talk and to go to sleep at once. We would be required to arise at six and retire at ten o’clock. During the day, we would be given three

meals and allowed to use the toilet in the corner three times. Otherwise, we were to sit cross-legged and remain perfectly still in the middle of the room, facing the back wall. Except for the three small meals and bathroom calls, we had to sit still for sixteen hours each day without any back support. A powerful electric light burned continually overhead.”

Zellers was shown the place where prisoners were executed. From that time forward the three men were subjected to intense interrogations and heard the gun shots of executions at “any time of the day or night.” Zellers wrote: “From somewhere outside the cellblock came the sounds of gunfire, one or two shots at a time in perhaps five distinct groups. I did not immediately connect those sounds with what was apparently occurring. Then I suddenly realized the truth: those ‘bad men’ that the guard had told me about in the latrine were being executed. For some time I was too stunned by this startling revelation to react in any way. In our very constrained environment we were not allowed to communicate with each other. I turned my head very slowly to see whether Kris and Dr. Kisch had heard the gunfire. In the periphery of my vision I was able to see that Kris was looking at me. His face was grave. Dr. Kisch sat very still with head bowed. They must both have been aware of the tragic situation.”

Zellers remembered the interrogators informing him that they would kill him as well. It is likely Ernst was told the same.

They were each taken at various times to be interrogated. Zellers described the interrogators that he, Ernst, and Jensen faced: “They

had the training to make us pay dearly for thoughts and attitudes that were not 'correct'. These people felt that they were doing us a favor when they caused us all forms of deprivation: loss of freedom, controlled starvation, controlled fatigue, controlled fear, controlled confusion, confinement. The purpose was to assist us in learning the 'truth,' according to their definition of it." Zellers noted that Ernst, drawing from his experience at Dachau and Buchenwald, counselled Jensen and Zellers that the interrogators had already decided their fate and nothing they did or said in the interrogations would change this fate. At first Zellers believed Ernst and says in his memoir that this was actually psychologically comforting at first—for otherwise the pressure of thinking one's fate actually depended on one's performance during the constant interrogations would have been too much to bear. Over time, however, as the interrogators dangled some hope in front of Zellers, he started to doubt Ernst's advice.

Due to bombing in Pyongyang, the missionaries were moved during the second week of July. They were taken to a schoolhouse where they were joined by other prisoners. They stayed there for six weeks and were subjected to more interrogations. The number of prisoners grew to about fifty at this time and they came from countries all over the world. It was there that they were joined by the correspondent of the Observer, Philip Deane, who later published accounts of his imprisonment.

Deane wrote how he first encountered Kisch. It was about a week after being shot in the hand

and the thigh, taken prisoner, and then marched for many miles on mountainous terrain, that Deane was finally allowed by his North Korean captors to receive medical attention for his wounds. He was cared for by Ernst, who squeezed out the bullets, removed as much of the infection as possible, and packed the wounds "with some sulphanilamide powder which a French chargé d'affaires had somehow managed to bring with him into internment."

It was also in the schoolhouse that they were joined by the Australian Catholic priest, Father Philip Crosbie, who also later wrote about his captivity. On September 5, 1950, they were moved—again due to American bombing. They were put on a train to Manpo with over 500 American military prisoners of war. Regarding the American POWs, Zellers wrote, "Later we learned that the POWs numbered 726 when they left Pyongyang in the fall of 1950. Another thirty prisoners joined them later in the year. When we last saw them on October 10, 1951—more than twelve months later—their numbers had dwindled to 292[.]"

The prisoners arrived in Manpo on September 11, 1950 and were housed in "a compound that had been an old quarantine station during the Japanese occupation of Korea." Zellers explained, "We were relatively well looked after at Manpo. Thanks to the abundance of very nourishing food, the relatively freer regime of the army (as opposed to the prison system that we had known before), the adequate accommodations, the medical attention, the lack of interrogations, and the provisions for bathing, our stay was not too

bad.

In October they moved along the Yalu River to a school building in Kosan. In late October they again moved, this time on foot to Jui-am-nee, but then returned to Kosan. There they were introduced to a new commanding officer: A major they referred to as "The Tiger." Conditions under The Tiger took a decided turn for the worse. The Tiger set the prisoners off on a Death March. When learning that they would have to march, some prisoners voiced concerns that they would die. The Tiger's response was "Then let them march till they die. That is a military order."

Philip Deane wrote about how The Tiger ordered the Death March: "'I,' said The Tiger, pulling down an epaulette in a gesture we were to know well, 'am a major of the People's Army. I am to be obeyed. I have authority to make you obey. You will march to another place now.]"

Zellers described the Death March as follows: "With The Tiger as our guide, we were now moving into an existence in which the most ordinary, decent human emotions would evaporate in the face of the gun; raw power would replace conscience, and the man with the gun would become all things to all men." During the Death March the temperature was starting to fall and most of the prisoners were only wearing summer clothes. Zellers explained the group consisted of "such a ragtag collection of military prisoners, diplomats, journalists, very old missionaries, women, young children, that only a madman would even dream of conducting a march under such conditions."

Early in the Death March, The

Tiger demonstrated just what sort of leader he was when he threatened to kill American POW group leaders for allowing certain men in their group to drop out due to exhaustion. When told that North Korean guards had allowed this, The Tiger still insisted on punishment. He decided to shoot the leader of the group who had let the most men fall out during the day: Lt. Cordus H. Thornton. In front of the prisoners, The Tiger immediately put on a show trial with the North Korean soldiers acting as the “jury.” After this hasty show, The Tiger took out his pistol and shot Lt. Thornton in the back of the head.

As the group marched, they had to come up with systems in which the stronger tried to help the weaker prisoners continue marching. Given that many of the marchers were injured, extremely frail, and/or elderly, this usually only prolonged the inevitable.

They were subjected to the elements day and night and had very little food. The Tiger kept them marching day after day at an unrelenting pace. The Tiger claimed that the sick and the wounded who were unable to go on were going to be sent to the “People’s Hospital.” The prisoners soon found out what he had meant by the “People’s Hospital” when they heard gun shots from the North Korean guards who stayed back with those prisoners who could no longer march. The Tiger had ordered that all dog tags be confiscated and that there be no burial mounds left in order to hide his crimes.

Zellers remembered one time when he was marching with Ernst; the two spoke about the ability of people to sleep while marching.

Zellers apparently was capable of this. Ernst said that at one point, Zellers had started to “stray off the road” while marching asleep.

On most nights the prisoners were forced to sleep out in the open. Responding to complaints about this, The Tiger cruelly forced the approximately 800 prisoners into a small schoolhouse one night. There was not enough space for anyone to lay down. Instead everyone had to squat.

As they marched the next day, many of the missionaries and POWs were struggling. Zellers explained, “As other groups of two fell behind—one stronger, one weaker, but together trying to trade a little time in exchange for a life—each couple was assigned a guard, and the decision was his whether to tolerate the delay. Many did not. The sound of the gun was heard in the gathering darkness.

Deane described the horrors of the marching: “The eighty-two-year-old French missionary was being carried by Mgr. Thomas Quinlan. Miss Nellie Dyer, an American Methodist missionary, was carrying Sister Mary Clare, the Anglican nun, in her arms. Father Charles Hunt, an Anglican missionary, suffering from gout, was being dragged along by his companions. Commissioner Herbert Lord of the Salvation Army, the column’s official interpreter, had tied a rope around the waist of Madame Funderat—a seventy-year-old White Russian—and was pulling her along. Two White Russian women walked with crying, cold, hungry babies on their backs, holding their other young children by the hand. The children who were not being carried had to trot because the pace

was too quick for their gait. Two Carmelite nuns were coughing up blood. They were shod in rough wooden sandals they had made themselves. Norman Owen, consul at the British Legation, Seoul, had as his only footwear Father Hunt’s chasuble, divided in two with a half for each foot. The septuagenarian French fathers, obliged to stop because of their dysentery, were egged on by the guards, who fired off their rifles near the old men’s ears.”

Zellers explained that the worst part of the Death March was when it started to snow. The Tiger kept the march at a cruel fast pace because he was concerned that their destination would be closed off to them due to the snow. As the grade of their path started to rise, the snow became more and more of a problem. During this day Zellers marched with Ernst for a while because Ernst was walking with difficulty. Eventually, though, Zellers switched to helping a Catholic nun.

On this day many prisoners who could not go on were executed—their blood turned the snow red. The guards threw corpses over the side of the mountain they were climbing. Zellers described coming upon those who could not go on: “There are no words. Feelings don’t even have a name. Soon we came upon other young men who could not go any farther. They were awaiting execution as soon as our group had passed them. I could tell by looking into their eyes that they knew what was coming. I looked back a second time at the sound of another shot to behold the same wretched scene as before. I didn’t look back anymore.”

One of the men who could not

go on and awaited death from a North Korean guard's bullet sang "God Bless America" with tears streaming down his face.

Toward the end of the Death March, Ernst was ordered to sign a document that stated the cause of death of the people who had died on the march as enteritis. According to Zellers, Ernst claimed he had been forced to do the same for the Nazis in Dachau and Buchenwald. The Death March ended when they arrived in Chunggangjin on November 8, 1950. The group had started marching on October 31 and had covered approximately 110 to 120 miles during the Death March. Their ordeal was far from over, though, as The Tiger decided the prisoners now had to perform calisthenics outside in the cold. They then marched from Chunggangjin to Hanjang-ni. People continued to die from the lasting effects of the Death March and the "starvation diet." Finally, at the end of December 1950, The Tiger was removed as their commandant. Zellers summed up The Tiger as follows: "What is there to be said about The Tiger? He took life. He caused pain. He destroyed dignity. Under his control we lost our respect and our pride of membership in the human family for a time. Beyond that, he took from us only what we had ceased to value."

The new commandant came in January 1951. That month, some of the prisoners started to show signs of beriberi due to vitamin deficiency. The North Koreans treated this with iodine and aspirin, much to Ernst's dismay. According to Zellers, Ernst said, "Can you imagine treating a vitamin deficiency disease with

iodine and aspirin?" The prisoners found that the best remedy against beriberi was soybeans.

They left Hanjang-ni on March 29, 1951. Behind them they left "the bodies of 200 to 250 people, most without proper burial." They moved to "an old Japanese army camp from pre-World War II days" in An-dong.] It was in An-dong that the civilian prisoners got to interact with the American POWs. In An-dong there were communal gatherings with songs. At these gatherings, Ernst would play classical music on an out-of-tune piano. On May 10, 1951, the civilian prisoners were once again separated from the POWs because the North Koreans thought the civilians were impeding their work of trying to indoctrinate the POWs to Communism.

Zellers explained that "The political officer of the camp as well as the deputy commandant" was known to the prisoners as the Mystery Man. Mystery Man took an interest in Ernst and the two would converse through a translator. Mystery Man asked Ernst to perform a medical physical of him. This Ernst did. Shortly afterward Ernst's health started to decline. He was particularly afflicted by diarrhea. The missionary Nellie Dyer explained that Ernst's body broke down due to the diet: "Dr. Kisch had great difficulty with the diet. We had corn, millet, and beans all of which he said he could not digest. He had great trouble with diarrhea or dysentery. His body could take care of rice but we did not have enough rice to live on it solely. He suffered from beriberi because of the poor diet and grew weaker and weaker." Father Crosbie and Zellers tried to help

out by trading part of their rice portions for Ernst's millet portions so that Ernst could have more of the rice. Eventually, Mystery Man had Ernst moved to the main camp where the POWs were so that Ernst could be put under the care of the POW doctor, Dr. Alexander Boysen.

Dyer went to see Ernst on June 26, 1951. She later wrote, "He said to me then that he knew he could not go home although he wanted to go and that he had thought to give me some instructions about his will. I urged him to keep fighting for his life and not to give up. Perhaps I should have told him then to give me any farewell messages he had but I did not realize that death was so near and I did not want to encourage him in his feeling that he would not live. That was the last time I talked to him."

Zellers wrote, "We saw Dr. Kisch a few times [...] on ration detail but he seemed to be going downhill steadily. He died near midnight on June 28, 1951, one year after his arrest with me in Kaesong."

"We knew at least some of the bitterness he had tasted in life, and there was fervor in our prayer when the time came to lay his tired, worn body down: 'Eternal rest grant unto him, O Lord, and let perpetual light shine upon him.'" - FATHER CROSBIE

Ernst's death had a significant impact on his fellow prisoners. Zellers wrote, "the death of Dr. Kisch was a great personal loss to me." Father Crosbie remembered, "We knew at least some of the bitterness he had tasted in life, and there was fervor in our prayer when the time came to lay his tired, worn body down: 'Eternal rest grant unto him, O Lord, and let perpetual light shine upon

him.” Deane later sent a letter to Ernst’s brother, Walter, in which he wrote, “I am sorry, deeply sorry, that I have come out without him. He is buried in an unmarked grave near Chung Kang Djin in North Korea. He lies in good company: Near him we buried many good men.”

The prisoners most likely buried Ernst facing south. Zellers explained that they tended to bury everyone who was not Russian in the direction of the nearest non-Communist land. (They buried the Russians facing east.) When Ernst was buried in North Korea, he had already been preceded in death by his father, Alfred, who had died in Theresienstadt in 1942; his older brother, Edgar, and Edgar’s wife, Edith, who both were killed on May 28, 1943, in Sobibor; his sister Anny, who died in Ravensbrück in 1942, Anny’s husband, Richard Taub, who died in Auschwitz, and Anny’s and Richard’s children, Charlotte, Arnold, and Emilie, who were killed in Auschwitz in 1944. Only Ernst’s brother Robert and Robert’s wife, Louise (Robert having escaped from Theresienstadt and having joined the Russian army as it took over Czechoslovakia), Edgar’s and Edith’s son Peter (who had been rescued through a Kindertransport to England), and Walter, Grete, and Eric were still alive.

Who Was Ernst Kisch?

Ernst Kisch was clearly a remarkable doctor. His fellow captives remembered him having tried his best to look after his fellow prisoners and often being frustrated by having to witness the prisoners die one-by-one of ailments that could have been

Ernst Kisch, date unknown.
Photo courtesy Eric Kisch

treated if he had had the necessary medicine. The degree to which Ernst could act in his capacity as a doctor ultimately varied based on where they were and who was in charge of them at any given time. Dyer wrote, “Where we were prisoners, [Ernst] was at some periods given some drugs and allowed to administer them to the other prisoners. Part of the time he was not recognized as a doctor. He did save the lives of some people and gave help to many others. He was always very much interested in my health as I was another member of the Methodist Mission and I greatly appreciate the advice and help he gave me.” Father Crosbie, who reported on Ernst’s major research discovery as a medical student, remembered Ernst’s often frustrated attempts to get supplies for his fellow prisoners: He remembers when they were in the Pyongyang camp: “Dr. Kisch asked for medical supplies to treat the sick. A guard had him write out a long list of what he required. A month later that same guard was going through his pockets in search of something else, and out came that same list. Again, we had visits from time to time from a Korean doctor and his assistants, who took notes of the

medical condition of the prisoners and promised to send remedies next day. The remedies regularly failed to arrive.”

Crosbie remembers Ernst being much more successful when they were in Manpo. He noted that in Manpo there was a Korean doctor who visited twice a week. “It was by his efforts that we received a stock of common drugs, the first and last issue of medical supplies our captors gave us.”

In addition to Ernst there were two trained nurses: Mother Eugénie and Helen Rosser “but hitherto their efforts to help our sick had been gravely hampered by the lack of even the simplest medical supplies.” With the supplies provided by the Korean doctor, Ernst could run a daily clinic with Rosser as his assistant. Crosbie described the routine: “Every afternoon about four o’clock a bald, bespectacled little man appeared at the door of an unoccupied room, and called in a high-pitched voice: ‘Clinic time!’ Ernst Kisch, M.D. [...] was ready to see patients.” According to Crosbie, “The children in our camp had precious few distractions, but this daily announcement was one of them. They took up the cry ‘Clinic time!’ and soon became so perfect in their mimicry that the doctor seemed to be repeating himself.”

After Manpo, Ernst never was afforded such an opportunity to administer care to that degree. Dyer remembered, however, that toward the very end of Ernst’s life, his skills were recognized by the captors: “His professional skill was appreciated by the Korean who was called a “Doctor” and he asked him to help him. For the last weeks of his life he spent

much time lying on a bench in the doctor's office giving advice to the Korean medical man as he prescribed for the American soldiers who were held prisoners with us."

When reflecting on Ernst, Deane wrote: "During the captivity his greatest hardship, he said, was not being allowed to use his knowledge in curing anyone.]"

"During the captivity his greatest hardship, he said, was not being allowed to use his knowledge in curing anyone." – PHILIP DEANE

Crosbie remembered one of their number, a mining engineer from Wilkes-Barre, Pennsylvania, Walter Eltringham, having declared that Ernst had no bedside manner. Crosbie apparently agreed with Eltringham's assessment, saying "Dr. Kisch was a peppery little man, and a bedside manner would have choked him. And each [Kisch and Eltringham], in his way, was a great man." Crosbie's characterization of Ernst seems to go along with Zellers' memory of a man who "always spoke his mind."

And then there was the music. Ernst Kisch was a great lover of music. Classical music was ever present in this doctor's life, from organizing the family performance of Haydn's Kindersinfonie for his mother to playing organ for the Methodist services in China. Even in North Korea, Ernst managed to serve others with the medicine of music. Amazingly, Ernst kept his fellow captives entertained by giving complete, one-man performances of the operas he had attended in Vienna. He would sing the arias, hum the music, and narrate the plot all in complete darkness. Zellers explained, "One day I asked Dr. Kisch if he would

tell us the story of some well-known opera; he must have known all of them almost by heart. He agreed but added that he wanted to wait until after dark; later he told us that he was too embarrassed to sing opera if we could see his face. It was an arrangement that worked out in a wonderful way. Night after night we were treated to the sounds of the arias of famous operas; [Wagner's] Tristan and Isolde, Bizet's Carmen, and [Gounod's] Faust seemed to be his favorites. He would include narrations between the arias to keep us abreast of the story."

Father Crosbie summed up Ernst in the following musical terms: "A true Viennese, he loved music, and was himself an accomplished pianist. For years he would not let a week pass without visiting the Vienna Opera House, and he was familiar with every opera worth knowing. He could tell the story, recite the German words, and hum the melodies. He often entertained a group of us with recitals of this kind as we lay in the dark on long winter evenings. On these occasions he was transported back in memory to the old Vienna he loved so well, the Vienna that was still basking in the sunshine of royal patronage. But those excursions left him sad and wistful, reminding him not merely of his happiness, but also of the bitterness of its shattering."

Although Ernst and the other civilian prisoners were often kept separate from the American POWs, his life left a mark on at least one of their number. In 2010, "Tiger Survivor" Shorty Estabrook wrote about his experiences with Ernst for the Ex-POW Bulletin. As Estabrook covered Ernst's brief interlude in the United States, he

wrote: "Doctor Kisch, a man who had so much to give to mankind and a man who did not demand much from society except the chance to serve, was refused admittance into the United States of America. My country did that to this wonderful person." Estabrook recounted how the civilians and POW group, who collectively became known as the "Tiger Survivors," were subjected to the Death March. According to Estabrook's memory, "89 people were shot along the way" and that 222 died during the winter at Hanjang-ni. Estabrook continued that "At An Dong there was a hospital set up. At that place I was cooking for the hospital group and would walk with Doctor Kisch on some days. He had become weak and was in the hospital himself. He was suffering from many things and had become very frail and weighed less than 100 pounds. He looked like some of the survivors of Hitler's death camps." Estabrook concluded, "It is most sad that his passing had to go unnoticed. That is why I am writing to you now. Hopefully you can pass this on to all your friends and by so doing his memory will be kept alive. I am not Jewish but I loved this dear man who touched my life during those impossible days that left 58% of our group bleaching on the nearby hills. I am now crying and will close." Ernst Kisch left a mark on his nephew, Eric Kisch, as well. Eric is an octogenarian and retired market researcher who, for the last fourteen years, has hosted the weekly broadcast Musical Passions for Cleveland's classical music station, WCLV 104.9. Like his uncle before him, Eric likes to spread the wonder and joy of

Continued on page 46

UNIVERSITY OF HAIFA UNVEILS JOINT CAMPUS IN SHANGHAI

BY EYTAN HALON

"This is a remarkable moment of combining forces between the great Chinese nation and the start-up nation of Israel," said Education Minister Naftali Bennett.

University of Haifa to be first college to grant degrees to officers.

A breath of fresh air.

The inauguration ceremony at the Joint Translational Science and Technology Research Institute.

(photo credit:

UNIVERSITY OF HAIFA)

The University of Haifa and East China Normal University (ECNU) unveiled a joint campus in Shanghai this week, marking the Israeli institution's second academic venture into China.

The 4,500-square-meter Joint Translational Science and

Technology Research Institute, located at Shanghai's Zizhu International Education Park, will focus on biomedicine, neuroscience and environmental sciences.

"This is a remarkable moment of combining forces between the great Chinese nation and the Start-Up Nation of Israel," said Education Minister Naftali Bennett. "And I think this is a winning formula. I congratulate our Chinese partners and the University of Haifa, led by Professor Ron Robin, for the tremendous achievement."

The new campus includes advanced laboratories, computer classrooms, offices, seminar rooms and personal work spaces.

"This is a happy day, not only for the University of Haifa, but for Israeli academia and research across the board," said Prof. Ron Robin, president of the University of Haifa. "International academic cooperation between two leading universities will contribute to the economy, image, research and development between our countries. We believe that our

cooperation with ECNU will lead to groundbreaking studies in applied science, biostatistics, brain research, behavioral research and more."

ECNU, a public research university, was established in 1951 and is home to 32,000 students. It has strategic partnerships with prestigious universities worldwide, including France's École Normale Supérieure, and the University of Pennsylvania and Cornell University of the United States.

The launch of the new campus represents the University of Haifa's second partnership with Chinese academia, after last year announcing a partnership with the Hangzhou Wahaha Group and Institute of Automation at the Chinese Academy of Sciences to establish three joint artificial intelligence technology centers in Haifa, Hangzhou and Beijing.

Zong Qinghou, the CEO of Hangzhou Wahaha Group, will invest at least \$10 million over five years into the project.

Jerusalem Post

NOVEMBER 22, 2018

Continued from page 45

classical music, including opera, to others - although he will not sing arias, regardless of how dark the night. When informed that this article was being written about his uncle, Eric wrote, "You are

resurrecting a man I barely knew as a small child and keeping the flame of his life and work alive. For this I and my family will be eternally grateful." One can only hope that the flame of Ernst Kisch's

life will continue to burn. May his life and work inspire us all to stay noble and resolute in the face of barbarity and hate. May his music and medicine sooth and heal this wounded world.

AICGS APRIL 2019

LIST OF SCHOLARSHIPS

December 4, 2018

Scholarship Grants from the ALEXANDER M. and JUNE L. MAISIN FOUNDATION

AARONSOHN Shira	Haifa University	Speech Therapy
ADAR Noam	Ben-Gurion University of the Negev	Management
AGRON Maayan	The Hebrew University of Jerusalem	Education
AKOUN Shany	Herzog Academic College	Special Education & Language
ALEXI Ariel	Bar- Ilan University	Computer Science
ALEXI Ofir	Technion - Israel Institute of Technology	Computer Science
AMIR Tal	Shenkar	Industrial Engineering & Management
ASTRACHAN Guy	Ben-Gurion University of the Negev	Civil Engineering
BAR-ILAN Meirav	Haifa University	School of Public Health
BEN ALTABET Erez	Ben-Gurion University of the Negev	Mechanical Engineering
BEN HARUSH Pinchas	Tel Aviv University	Law
BOOTON Naomi	The Open University	Law Studies
BRAGIN Oren	Haifa University	Political Science
BRAGIN Shahar	Tel Aviv University	Psychology
COHEN Gal	Bar- Ilan University	Information Science & Comparative Literature
COHEN Stav	The Afeka Tel Aviv Academic College of Engineering	Industrial Engineering & Management
EAGLE Nina	Ono Academic College	Business Administration
EFRAT Keshet	The Academic College of Tel-Aviv – Yaffo	Social Behavior
EPSHTEIN Oscar	Ben-Gurion University of the Negev	Software & Information Engineering
GAISENBERG Yuval	Tel Aviv University	Mathematics
GALRON Noy	Bezalel Academy of Arts & Design Jerusalem	Art
GALRON Yaniv	Technion - Israel Institute of Technology	Electrical & Physics Engineering
GERSHON Orpaz	The College of Law and Business	Business Administration
GILAD Bar	The Hebrew University of Jerusalem	Media and Journalism / Islam and the Middle East
GINANSKY Roey	The Technological College of Practical Engineers in Ariel	Cyber
GREENER Hadar	Tel Aviv University	Exact Sciences/Physics & Management
GREENER Ziv	Tel Aviv University	Education
GRUDSKY Natali	Tel Aviv University	Psychology & Humanities
GUR Nof	The Max Stern Yezreel Valley College	Education and criminology
HACHAMOFF Nethalie	David Yellin Academic College of Education	Primary education
HALPERN Menachem Mendel	Technion - Israel Institute of Technology	Computer Science
HAREL Shiran	The Max Stern Yezreel Valley College	Sociology, anthropology and education
HAZAN Esther	Bar- Ilan University	Medicine
HAZAN Neomi	Sappir College	Animation
HURI Adi	Ariel University	Civil Engineering
ISHAY Dafna	Tel Aviv University	Social Work
ISHAY Yael	Bar- Ilan University	Public health and health management systems
ISRAELI Omer	Tel- Aviv University	Psychology & Management
Meir Hagar Ariela	Ben-Gurion University of the Negev	Physics & Mathematics
MEIRAS Eleni Shulamit	IDC Herzliya	Psychology
MILLER Tom	Ben-Gurion University of the Negev	Business Administration
NAGAR Dolev	Hadassah Academic College Jerusalem R.A	Service organization management
NAHUMSON Shlomi	Bar- Ilan University	Social Science
OLMERT Bar	Tel Aviv University	Law
ORENSHTEIN Avishag	Ben-Gurion University of the Negev	Economics & Management
SWEED Sapir	The Open University	Political Science and International Relations
TASTAS Eden	Ben-Gurion University of the Negev	Economy
TWAIG Hagar	The Gordon Academic College of Education	General studies and sciences
UMANSKY Yam	Ben-Gurion University of the Negev	Educational Guidance
VAGNER Ziv	University of Haifa	Computer Science
VANDEL Lavi	University of Haifa	Human Services & Sociology

VANDEL Lior	Technion - Israel Institute of Technology	Computer Science
VARSANO Iris	The Open University	Computer Science
VITKO Carmel	The Academic College of Tel-Aviv – Yaffo	Psychology
WEIC Revital	The Hebrew University of Jerusalem	Agriculture
WEINSTEIN Michal	Technion - Israel Institute of Technology	Civil Engineering
WINKELSTEIN Elad	Ariel University	Criminology
YAGEV Avital	Tel-Hai Academic College	Education
YAHAV Aviel	Netanya Academic College	Insurance
YOSEF Ofir	David Yellin Academic College of Education	Special Education

Scholarship Grants from the ETHEL DUNN FOUNDATION

FALK Ariel	Ben-Gurion University of the Negev	Phisycs
OZER Koral	Bar- Ilan University	English
PODOLSKY Dana	The College of Management Academic Studies	Business Administration
PODOLSKY Tal	The College of Management Academic Studies	Business Administration and Accounting
SARUSI Gal	Netanya Academic College	Law
SIMMER Ilan	Technion - Israel Institute of Technology	Civil Engineering
SOPRAVSKI Tomer	Ruppin Academic Center	Behavioral Sciences
STEPHENSON David	Ashkelon Academic College	Computer Science

Scholarship in memory of ELLA and SHLOMO LESK donated by Ilana and Giora Lesk

FAINBERG Gilad	Tel Aviv University	Medicine
----------------	---------------------	----------

Scholarship in memory of MUSSIA and DANY BERKOVICH donated by Ilana and Giora Lesk

FARHI Moran	Interdisi Plinary Herzlia	Business Administration
-------------	---------------------------	-------------------------

Scholarships in memory of FRIDA and MOSHE TRIGUBOFF donated by Harry Triguboff

CHILIBON Shani	Bar- Ilan University	Political Science
FRANSIS Sharon	Tel Aviv University	Management & Communication
KAIKOV Maya Lea	Beit Berl College	Education
KAIKOV Rotem	Ruppin Academic Center	Behavioral Sciences
KAL Matat	University of Haifa	Social Work

Scholarship in memory of JOE WAINER from the Igud Yotzei Sin Fund

KLEIN Raz	Ben-Gurion University of the Negev	Information System Engineering
-----------	------------------------------------	--------------------------------

Scholarship in memory of BELLA GOLDREICH from the Igud Yotzei Sin Fund

KALFUS Ori	Ono Academic College	Law Studies
------------	----------------------	-------------

Scholarships in memory of TEDDY KAUFMAN from the Igud Yotzei Sin Fund

KALFUS Hadar	Ono Academic College	Law Studies
KALFUS Yarden	Hadassah Academic College Jerusalem R.A	Inclusive Industrial Design
KOMBELIS Lian	University of Haifa	Geography & Environmental Studies

Scholarships in memory of TEDDY KAUFMAN from Asya Kogan Fund

SCHWARTZ Amir	Ben-Gurion University of the Negev	Computer Science
SHACHAR Lior	The Hebrew University of Jerusalem	Agriculture - Agroecology and Plant Health
SHARON Kim	IDC	Business Administration
SHKURI Bar	ORT Hermelin College of Engineering, Netania	Electrical Engineering
SHMERLING Tamir	Tel Aviv University	Mechanical Engineering
SHNAIDERMAN Sagit	The Gordon Academic College of Education	Education

ISRAEL-CHINA FRIENDSHIP SOCIETY Scholarship Fund

CHEN ZHUANG	Bar- Ilan University	Translation Studies
GU NANJUN	The Hebrew University of Jerusalem	The Bible and the Ancient Near East
JIANG NAN	The Hebrew University of Jerusalem	Modern Hebrew Language
LI LIN	University of Haifa	Global Green MBA
LIU JIYING	University of Haifa	Archaeology
LIU SHUHAN	The Hebrew University of Jerusalem	Israel Studies
LIU YELING	Tel Aviv University	Liberal Arts
MA ZENGYU	Tel Aviv University	Archaeology
SHEN JIANYU	The Hebrew University of Jerusalem	Jewish Studies
WANG YUNCANG	The Hebrew University of Jerusalem	Modern Hebrew Language
YE ANLIN	The Hebrew University of Jerusalem	Hebrew & History Electives
YUAN XIAOSHUAI	Tel Aviv University	Archaeology

IN PICTURES: 26 family stories that tell history of Shanghai's Jewish community

Annemarie Evans

A wedding reception in Shanghai in 1938. Photo:

Courtesy Ezra Hayim Cohen

Kadoories and Sassoons among those to relate sometimes delightful anecdotes in this insightful book about the lives of Baghdadi Jews in Shanghai from mid-19th century on, through two world wars and waves of refugees, until the Communist revolution that saw some move to Hong Kong. An initial flick through Maisie Meyer's book provides some very familiar names - the Kadoories, the Sassoons, all descendants of Baghdad's Jewish community, who made their way to Shanghai and

other parts of Asia to escape prejudice and pogroms back home. This is a collection of 26 biographical accounts taken from Jewish families who first came to the Treaty Port of Shanghai in the mid-19th century.

Shanghai Jewish School, Miss Zalmanoff's class, 1946.

Photo: Rebecca Toueg

Meyer interviewed a number of the 20th-century descendants herself, some of whom have since died. She also uses diary accounts and archives to provide a real family insight into Sephardic Jewish traditions, celebrations, marriages, food and worship.

Some of the earlier photos show women in Baghdadi dress with bells on little chains adorning their ankles. Meyer has written the interviews well and edited other accounts in such a way that the voice and individual character of the teller come through, even though I was confused at times whether we were in Shanghai or Hong Kong.

Refugee children enjoy donkey rides at the Shanghai Jewish Youth Association Club Fun Fair: Photo: Courtesy The Hong Kong Heritage Project

Some of the titbits and anecdotes are delightful. One describes a mother as huge but "surprisingly agile" on the

July 26
1954

RECEIVED
Dear Sir Victor

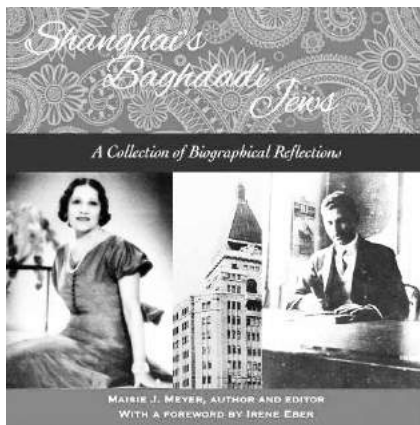
Thank you so much for your kind congratulations on Moselle's win at Ascot. In spite of all the legends of being his jockey, getting badly away and the well known beauty grip, and the other horses, he won convincingly, and it is nice to think he is such a good horse this year.

What a pity Paga could not have been in the race though you must be pleased to know that last year's form has washed out as well - Paga must however better her than he seemed to be!

With warmest thanks,
Yours sincerely
Elizabeth R

A 1954 letter to Sir Victor Sassoon from Britain's Queen Elizabeth.

Photo: Courtesy Roy Ernest Barnes

The book's cover

tennis court. Then there are the two uncles who traded in a cat's testicles to make perfume. The fun, as children, of heading to Wing On and Sincere, not for the shopping but to go up the new invention there - the escalator.

Sir Lawrence and Sir Horace Kadoorie.

Photo: Courtesy The Hong Kong Heritage Project

Sir Elly Kadoorie.

Photo: Courtesy The Hong Kong Heritage Project

Fifty black-and-white photos also illustrate life in Shanghai - family get-togethers, outings and for the upper crust, balls and socials where the hostess didn't need to lift a finger. Some accounts show how certain families lived like princes with many servants and home schooling. Others were less fortunate but, while not always getting on, they

Sir Victor Sassoon at the races.

Photo: Courtesy Roy Ernest Barnes

Ceremony preceding a marriage service in June 1945.

Photo: Courtesy Moselle Hendeles Cohen

The Calef Band. Photo: Courtesy Leah Jacob Garrick

were a community. It's an education in Sephardi Judaism, the rituals and the celebrations that at times were difficult to carry out under the Japanese occupation, when food was scarce and Jews were forced to wear red armbands and their houses and furniture became the property of Emperor Hirohito. While many of the well-known families made their fortunes in the treaty port and some lived very privileged lives, there was always an inherent racism underlying community ties. Fortunes were made, lost and remade. They also found some of the Jewish traditions of their Russian and eastern European counterparts quite curious, though there are many accounts of generosity and philanthropy shown towards traumatised European Jews who had been fortunate enough to make it out of Nazi Germany's concentration camps and onto ships to Hong Kong and Shanghai. Leah Jacob Garrick describes the civil war and Japanese occupation as times of starvation: "I recall walking to school, sidestepping packages of straw in which dead Chinese babies

*In the Hillalys' garden.
Photo: Courtesy Helen Bekhor*

*Party in D.E.J. Abraham's garden.
Photo: Courtesy David Dangoor*

*Victor Sassoon. Photo: Courtesy
Roy Ernest Barnes*

were wrapped and collected daily. I once saw a Chinese man gnawing the bark of a tree in hunger."

The accounts show how life changed forever under occupation and the later Communist revolution, when some moved to Hong Kong. These are subjective, oral accounts of the lives of this vibrant community, but Meyer provides plenty of historical background and timelines to give it context.

Shanghai's Baghdadi Jews
edited by Maisie J. Meyer
(Blacksmith Books)
With courtesy of
Maisie J. Meyer – 26.7.19

Journal of a Jewish Traveler

51

by Israel Cohen

Chapter XXIV: Peking

If ever I was impressed with the ubiquity of the Jew, it was by the experience on the railway journey from Tientsin to Peking. In my compartment, sitting opposite me, was a dark, middle-aged man, with a black moustache tinged with grey, spruce in appearance, and melancholy in manner. For the first hour both of us were immersed in our papers and books, or glanced through the window to catch a glimpse of the Great Wall, without speaking a word to one another. Then he looked up and asked: "Quelle heure avez-vous, monsieur?" I answered him in the same language, and as I had hitherto found English to be the most widely spoken European

tongue in the Far East, I concluded that he must be a Frenchman. After this overture we gradually approached a discussion of the complicated political problems of the Far East, and I saw that he was best informed of the conditions in Siberia. But he seemed reluctant to say anything that might throw light upon his own personality, and I began to wonder whether he might be a secret political agent. Just as we were nearing the Peking station, however, he grew more confidential and gave me his card, on which I read "M. Israelski". I gave him mine in return, and as our eyes met we exchanged smiles and greeted one another with the time-honoured salutation: "Shalom Aleichem". He was a Russian

Jewish mining engineer, and he was going to the same hotel for which I was bound, to meet one of my generous supporters of Harbin for a business consultation.

I arrived in Peking at night, when it almost impossible to see anything except the dancing lamps of the racing rickshaws or the grim lofty walls past which I was driven. Within the hotel, a new up-to-date European establishment, there was a sense of comfort and animation, replete with all the features of modern luxury, which would have made me completely forget I was in the capital of ancient Cathay were it not for the Chinese waiters or the books and pictures on sale at the bookstall. The spacious restaurant was an alluring spectacle of

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

smartly dressed guests sitting at daintily decked tables illumined by coloured lamps; whilst from the red-coated orchestra in the sumptuous ballroom came the languorous strains of a Viennese opera, weaving a spell over the enraptured dancers.

But outside the hotel, when I set out next morning in a rickshaw to call upon the British Minister, I felt transported a few hundred years back. There was a sense of illimitable spaciousness everywhere, as though time did not matter; the roads were unusually broad and endlessly long, traversed by motor-cars and rickshaws, by trains of dromedaries with loads of coal, and by bearers of ornate palanquins with painted ladies; but the hum of traffic was subdued, as the city was innocent of electric tramcars. Far away in the distance, what seemed like a thin line on the horizon was the wall that surrounded the entire city, measuring thirty miles in circumference. Soon we passed through one of the cavernous gateways of the massive square wall that encloses the Inner or Tartar City, a gigantic fabric thirty-seven feet high and nearly twice as wide, and as I tried to measure these stupendous dimensions with my eye and gazed at the imposing buildings in the Legation quarter, I saw myself suddenly wheeled through a more ordinary gateway and received the smart salute of a "Tommy" in khaki. I was within the precincts of the British Legation, but I felt as if in a miniature fortified city, for all around was a massive stone wall, behind which sentries paced to and fro, and I caught a glimpse of a guard-room, and here and there of guns. Within these British walls were the residences of

the Legation officials, intersected by avenues and walks, on which I passed an English nurse, clad in conventional grey garb, taking a child out for an airing.

I wished to see the Minister, Sir Beilby Alston, for the purpose of invoking his good offices in regard to three important matters with which I had been entrusted by my friends in Harbin. The first and most urgent was to obtain the release of Dr. Kaufmann, the Chairman of the Harbin Zionist Association, from his enforced detention at Urga; the second was to secure for the Jews in Harbin the right to hold their Zionist meetings without police restrictions; and the third was to render if possible for those Jewish prisoners-of-war who were being repatriated from Vladivostok and who wished to go to Palestine, to disembark at Port Said, so that they could travel by train to Jerusalem.

Sir Beilby gave me a cordial welcome, and was greatly interested in my three requests, especially as they were very much different in kind from those usually made of the British Minister at Peking. He promised to make immediate representations to the Chinese Government on behalf of Dr. Kaufmann, whose return, I urged, was essential not only for the happiness of his wife and family but also for the welfare of the Jewish community. He also promised to do what he could in regard to the liberation of Zionist meetings from capricious regulations and undertook to cable to London for instructions respecting the returning prisoners-of-war. He asked me various questions concerning the course of my tour and the developments in Palestine, and closed the interview

with an expression of good wishes for the continuance of my mission. Subsequently I learned that Sir Beilby's representations on behalf of Dr. Kaufmann were immediately successful, and that there were rejoicings in the Harbin community when the long-absent leader came home.

The only other personal visit that I paid in Peking was to a Russian Jew, whose name had been given to me in Tientsin. It was Mr. L. S. Regine, whom I found living in a flat in a block of buildings bearing his own name, which he had erected not far from the British Legation. My visit took him by surprise, for it was not often that a Jew from London called upon him. Fortunately he had read an account of my mission in the Tientsin paper, so that I was spared an explanatory introduction. He was a middle-aged man who had settled in Peking twelve years before and, after an initial struggle, had prospered. He had been the first to start the publication here of an English newspaper, the Peking Post, of which he was both owner and editor; but the paper was born before its time and expired very soon. He had perpetuated his name in this ancient capital, however, in another manner: by the presentation to the Central Park of the Regine Fountain.

Unhappily the rigour of the winter had affected his health, so he was unable to conduct me round the city. At his suggestion I first went to see the Temple of Heaven, accompanied by his native "boy". We drove in a car through the Inner City, which contains the foreign Legations, barracks, post-offices, banks and shops, past the great wall that encloses the old Imperial City, a region of

several square miles containing the Purple Forbidden Palace (no longer tenanted by the Imperial Family), with its lakes, parks, and artificial mound. Presently we passed through one of the sixteen gates, which are each protected by a semi-circular enclosure and surrounded by a tower perforated with innumerable loop-holes, and as we sped along through the Outer or Chinese City I saw at intervals along the wide thoroughfare rectangular, red-painted arches of tremendous height, in comparison with which the Arc de Triomphe was a modest goal-post and the Marble Arch a mere midget. Then we traversed a busy and insalubrious quarter, where the streets were lined with a medley of shops – here stores of mouldy curios in bronze, of rare porcelain, ivory figures, cups of jade and lamps of red-lacquered wood, and there a row of unsavoury stalls, where slaughtered cats and fried rats and divers indistinguishable pieces of meat were offered for sale, and little fat cakes of dubious ingredients were frizzled in spluttering pans.

At last we reached what appeared to be open country, with miles of park covered with snow, and here and there the stately silhouette of a distant pagoda, though further still was the great encircling belt of blackened brick. And then looming ahead I saw the bell-shaped pinnacle of the Temple of Heaven, where the Emperor used to offer up prayers on important occasions. It is a shrine of majestic and monumental proportions, built 500 years ago, and enclosed within a wall three miles in circumference. It is a colossal circular edifice in three tiers, with three concentric roofs, adorned with a band of jade below each eave, and rising above a triple circular marble terrace, over 200 feet wide, to a height of several hundred feet. Its symmetrical bulk dominates the landscape for miles with its awe-inspiring grandeur. It has nothing of the grotesque or the bizarre; its exterior is more impressive than the interior of St. Peter's in Rome, for it produces its effect more directly, instantaneously, beneath the canopy of Heaven itself, so

that all who gaze at it are hushed into a feeling of helplessness and dwarfed into mere atoms. The immensity of the conception makes the brain reel and inspires a boundless admiration for the Chinese architects and artists of five centuries ago.

Throughout my return journey the majestic fabric held my mind in thrall. When I saw Mr. Regine again he asked me what I thought of it.

"I often go to look at it," he said. "I know nothing like it and can imagine nothing like it. You will see more magnificent things in Peking, like the Summer Palace, with its villas, pagodas, and marble boat; but nothing so impressive. Merely to gaze at it makes me feel a better man, a more devout man. Of what value is prayer beside the thoughts and feelings that it arouses?" Then, after a moment, he added: "I don't know whether I shall ever see Erez Israel, but there is nothing that I would so wish as that our Temple should be as beautiful and majestic as the Temple of Heaven".

DANNY SPUNGEN ON SHANGHAI

1. Today I was at Valparaiso University (Indiana) to watch the incredible theater play by students of Professor Kevin Ostoyich. Kevin will send out the program in digital format (and the script) that can be shared. Amazing! A few weeks ago, Gary Sternberg came to Valparaiso and spoke to students. The university also had his artifacts on display (as well as from Harry Katz). **I will be taking some of this material to Poland in August for a special exhibition at**

the University of Lodz.

2. **THE SHANGHAI JEWISH REFUGEES MUSEUM** is moving forward on the expansion. I have not been in touch lately with them but saw on WeChat that a family in England donated some nice material about a month ago...exciting. There are some potentially important family documents/artifacts in the USA. Last month the Ellie Grasse family gave our Foundation important material and I had the Valparaiso

University archive team cataloging the material and when SJRM is ready, will discuss how to protect/process the material and have it accessible to students/researchers. Protecting the families is extremely important. I think **there will be nice space available for many stories of Shanghailanders in the future.**

Audrey Marcus
Received from Beverly Friend
May 2019

Shanghai is One of the Greatest Jewish Cities Ever Constructed

Its current success is a function of that History

By JULIAN and JAMES MCAULEY

Shanghai today is many things: a phantasmagoric, almost extraterrestrial metropolis, a truly global city with a truly global reach, and the world's largest city proper, home to more than 24 million people. But the city's global present rests on a decidedly global past.

Its contested history as an international trading zone carved into foreign concessions and later occupied by invading Japanese forces has been an enduring trauma in Chinese history. It also famously became a major sanctuary during World War II, when tens of thousands of Austrian and German Jewish refugees fleeing Nazi persecution sought safety within its walls. But as the city cements its twenty-first-century position as China's foremost bastion of free trade, the influence of the Jewish people on Shanghai's wealth and contemporary Chinese capitalism should not be overlooked. The city's long Jewish history, after all, has been an integral component in its astonishing present-day success. As early as 1845, when Shanghai was forcibly opened to foreign trade under the unequal treaties

that concluded the Opium Wars, a network of prominent Sephardic Jewish merchant families—the Kadoories, the Harpoons, the Ezras, the Nissims, the Abrahams, the Gubbays, and, most prominently, the Sassoons—took root in the city and eventually joined the ranks of its Western occupying elite.

Small but powerful, this Sephardic merchant class financed many of the Beau Arts mansions along the stately Bund, Shanghai's version of Vienna's Ringstrasse. Completed in 1929, Victor Sassoon's Cathay Hotel—today the Peace Hotel—was the Bund's crown jewel, the center of their cosmopolitan social world. In that sense, much of what survives today from prewar, European Shanghai is an artifact of Jewish Shanghai. When Nazi refugees arrived in the mid-'30s, Shanghai's existing Jewish community became even more visible, swelling in size to nearly 30,000.

It was in this period of traumatic conflict—in Europe and in Asia—that Chinese leaders across the ideological spectrum, relying on stereotype but not necessarily on a Western anti-Semitic vocabulary, began to discuss the Jews as a people worthy of special attention. Sun Ke, for instance, the son of Sun Yat-sen and eventually the premier of the

Sassoon Papers, DeGolyer Library, SMU

Victor Sassoon was one of many Jewish merchants who settled in Shanghai in the 18th and 19th Centuries. Sassoon's Cathay Hotel—completed in 1929—was the Bund's crown jewel

Nationalist Party, which battled with the Chinese Communist Party (CCP) for control of China after the Japanese defeat at the end of World War II, argued that “Jews were wealthy and talented; if we could make a favorable impression on them and obtain their support, it would be a great help to us.”

Ironically enough, this was a line even the Communists would eventually adopt—after an era of isolation and arbitrary rule under Mao Zedong. Mao, who saw himself as a champion of the oppressed peoples of the world, recruited Jewish individuals to his cause. (This was especially odd since anti-Semitism was rampant in the Soviet Union after 1948.) Maoist China did not emphasize “Jewishness” as a distinct

category, however, perhaps because “racial discourse” was officially banished upon the establishment of the People’s Republic of China in 1949.

After Mao’s death in 1976, the reemergence of a specific interest in the Jews accompanied the opening of China to the outside world. By December 1978, Deng Xiaoping had solidified his position as China’s paramount leader and promised sweeping market reforms. Shanghai—and, with it, China—boomed, embarking on a path of staggering economic success. But what’s often overlooked is that those successes were accompanied by a deliberate study by Chinese elites of perceived Jewish financial practices.

Deng pushed socialist China, which had a per capita GDP of only \$175 in 1978, to embrace the idea that “to get rich is glorious.” The image of Jews as a source of economic wisdom was visible at even the highest levels of the Communist Party apparatus. Although many prominent Western economists were invited to China in these years, many of whom were not Jewish, the Oxford professor Włodzimierz Brus and the Chicago monetarist Milton Friedman nevertheless formed a significant part of the delegation, the latter receiving an honorary professorship at Fudan, Shanghai’s leading university, in 1988. More explicitly, in 1991, Vice Premier Qian Qichen met with a delegation of “distinguished American Jews,” where he publicly declared that Jews were an especially “industrious” people.

China unleashed capitalist

energies that escalated at this time in a distinct and unprecedented way. Shanghai in 1980 had no skyscrapers; by 2012, it would have at least 4,000. And Chinese commentators and political leaders increasingly applauded the Jews as the world’s preeminent exemplars of precisely those energies. In 1996, a Middle East correspondent for the state-run People’s Daily, Huang Peizhao, reported to his Chinese readers: “The excellence of the Jews in business is known throughout the world.” After conceding the negative connotations of the religious identity, Huang concluded that the Chinese should find Jewish entrepreneurs to be “well worth learning from.” It has been easy for Chinese readers to follow Huang’s advice, as books on “101 moneymaking secrets of the Jews,” “the financial secrets of the Talmud,” and “the wisdom of the Jews: how to make the world’s money flow into your pocket” have begun appearing on Chinese bestseller lists. As more and more Chinese people seek to cash in on their country’s rise, the success of this genre has helped spread the image of the Jew as a model of economic sophistication.

Whether this association is philo-Semitic in its enthusiasm or anti-Semitic in its reliance on caricature is difficult to say, perhaps because the Chinese popular imagination seems to have imbued a historically negative Western stereotype with a decidedly positive meaning. At the Shanghai Jewish Refugees Museum, which commemorates the city’s hospitality during World War II, an elderly Shanghai native working as a

security guard recalled to us that he had known what Jews were as he was growing up because “Jews lived in Shanghai” and “Jews built the Peace Hotel.” He grinned broadly. “We say that a person who is very shrewd is ‘like a Jew.’” A compliment? At least in Shanghai.

The city of Shanghai today emerged from two distinct periods of explosive growth on both sides of the Huangpu River. On the Bund, there are the traces of the economic activity of the 1920s and 1930s that made Shanghai the “Paris of the East,” activities fundamentally linked to a Jewish merchant class. Across the river, in Pudong, there is the breathtaking reality of a new Chinese and global city devoted to the spirit of commerce—understood, in some part, as the spirit and “secret” of the Jews.

And some of the most successful practitioners of this spirit of commerce even see their success as exemplifying a Jewish spirit. When the Chinese tycoon Chen Guangbiao—one of the wealthiest men in the country, whose recent shenanigans on a trip to New York made headlines around the world—announced that he wanted to buy the not-for-sale New York Times early in 2014, he said that his business success demonstrated that he and the paper’s Jewish owners were “equally competent,” reported the South China Morning Post.

“I am very good at working with Jews,” Chen bragged. As a plutocrat who came of age in the context of modern China, it’s easy to understand why he considers that a plus.

June 2018

Cities of Ice

By Dara Horn

A dispatch from frozen Harbin, where Jews once flourished and melted away

A long and fascinating (and sad) story about the past and present of Jewish Harbin

One of my strange and vivid memories from my first trip to Israel, when I was 9 years old, is of a brief cartoon I watched at the Diaspora Museum in Tel Aviv. The cartoon described the travels of Benjamin of Tudela, a 12th-century Spanish Jewish merchant who documented his six-year journey traversing the known world, across the Mediterranean to Turkey, Israel, Egypt, Babylonia, and Persia, and reporting on India and China, and sharing crowded boats and wagons in-between. The Diaspora Museum has since been revamped and rebranded as the Museum of the Jewish People, but in 1986 it was a dark and openly depressing place, its dour displays all leading to a “Scrolls of Fire” atrium describing how hapless Jews were expelled or burned alive.

But the cartoon was bright and curious. Benjamin was a ridiculous bowling-pin figure with googly eyes, bobbing across the screen and cheerfully reporting on thriving Jewish communities around the world—the Jews in France who inexplicably lived in a castle, the Jews in Babylonia who had their own googly eyed king, the Jews in Yemen who joined local Arab armies and stampeded with them in a cloud of dust, the

Jews in Syria who pacified wiggly eyebrowed assassins with free silk scarves. For reasons I could not articulate at the age of 9, I was utterly enchanted.

I feel that same enchantment now when I am seduced by the travel industry’s branding of the world as an amazing place full of welcoming people who beneath it all are actually the same. My personal experience as a tourist in over 50 countries has contradicted this hopeful messaging entirely—in reality, the more time I spend in any place, the more I notice the differences between myself and the inhabitants, and the more alienated, uncomfortable, and anxious I become. Yet colorful photos of exotic places on TripAdvisor lure me every time.

So it is not surprising that I was eager to make my way to a city called Harbin in a remote province of northeastern China, south of Siberia and north of North Korea, where the temperature hovers around minus 30 Celsius for much of the year, and where every winter, over 10,000 workers construct an entire massive city out of blocks of ice. I’d seen photos and videos of the Harbin Ice Festival, which dwarfs similar displays in Canada and Japan by orders of magnitude, its enormous ice buildings laced through with LED lighting and sometimes replicating famous monuments at or near life size. It attracts over 2 million visitors a year, because it’s the kind of thing that needs to be seen to be

believed. As I considered whether a trip to Harbin was worth it, my mindless travel-industry scrolling took me to a list of other local tourist attractions, including synagogues.

Yes, synagogues. Plural. And then I discovered something deeply strange: The city of Harbin was built by Jews.

Only later would I discover that the ice city and the Jewish city were actually the same, and that I was being actively lured to both, in ways more disturbing than I could have possibly imagined. Like a googly eyed Benjamin of Tudela, I had to go.

Jews have lived in China for more than 1,000 years, which is as long as they have lived in Poland. But Harbin is a special case. The story of the Jews

of Harbin, and of Harbin itself, begins with the railroad. Before the railroad, Harbin did not exist. Like most Chinese cities you’ve never heard of, Harbin today is larger than New York, with a population around 10 million. But as late as 1896, there was no Harbin, only a cluster of small fishing villages around a bend in a river. That year Russia received a concession from China to build part of the Trans-Siberian Railroad through Manchuria—the traditional name for the vast, frigid, and at that time, barely

populated region of northeastern China. Building this route would shave two weeks off the trip from Moscow to Vladivostok, making every railroad tie worth its weight in gold. The route would also include a branch line deeper into China, requiring a large administrative center at the junction—essentially, a town. Mikhail Gruliov, a Jew who had converted to Russian Orthodoxy in order to become a general in the Russian army, selected the site that became Harbin.

With an enormous investment to protect, railroad officials quickly realized that they could not depend on local warlords or Siberian peasants to create this not-yet-existent town. They needed experienced Russian-speaking entrepreneurs. But who would ever want to move to Manchuria? That was when the railroad's administrator, General Dmitri Khorvat, hit on a genius idea: the Jews.

Russia's crippling anti-Semitic laws and violent pogroms were already driving hundreds of thousands of Jews to America, including my own ancestors. Khorvat argued that getting capital and talent to Manchuria was a piece of cake. Just tell the Jews that they can live free of anti-Semitic restrictions, he argued to the regime in St. Petersburg, without learning a new language or becoming bottom feeders in New York's sweatshops. The only catch was that they'd have to move to Manchuria. The regime reluctantly agreed. So did hundreds, and then thousands, of Russian Jews.

The first Jews arrived in 1898 and incorporated an official community in 1903, by which time this plan was working

splendidly. A 1904 National Geographic article written by a U.S. consul to Manchuria reported, wide-eyed, that "one of the greatest achievements in city construction that the world has ever witnessed is now going on in the heart of Manchuria," and that "the capital for most of the private enterprises is furnished by Siberian Jews." These Jewish entrepreneurs created Harbin's first hotels, banks, pharmacies, insurance companies, department stores, publishing houses, and more; by 1909, 12 of the 40 members of Harbin's City Council were Jewish. These initial entrepreneurs were joined by Jewish refugees fleeing the 1905 pogroms, then by even more refugees fleeing World War I and the Russian Civil War.

At its peak, Harbin's Jewish community numbered around 20,000. The "Old" Synagogue was built in 1909, and by 1921 there was enough demand for a "New" Synagogue a few blocks away, as well as a kosher slaughterer, ritual bath, and matzo bakery, not to mention a Jewish elementary and secondary school, a hospital, a charity kitchen, a free loan association, an old-age home, multiple magazines and newspapers, performances of Jewish music and theater, and Zionist clubs that were the center of many young people's lives. Harbin hosted major international Zionist conferences that drew Jews from all over Asia. Zionist parades were held in the streets.

You already know this story has to end badly. Like almost every place Jews have ever lived, Harbin was great for the Jews until it wasn't—but in Harbin, the usual centuries-long rise and fall was condensed into something like 30 years. The

flood of refugees from the 1917 Russian Revolution included many non-Jewish "White" (anti-Communist) Russians, whose virulent anti-Semitism was soon institutionalized in a fascist party that burned the Old Synagogue in 1931. That was also the year the Japanese occupied Manchuria, noticed rich Jews there, and decided they wanted their money. Conveniently, White Russian thugs were ready to help.

The Japanese gendarmerie embarked on a partnership with White Russian criminals, whom they used to target Jewish business owners and their families for extortion, confiscation, kidnapping, and murder. Later they manipulated the Jewish community for their purposes, sending Abraham Kaufman, a respected physician and the community's elected leader, off to two separate audiences with the Japanese emperor, and forcing him to publish official statements from Harbin's Jewish community announcing their love for Nazi-allied Japan. Things did not improve when the Soviets took over in 1945; the first thing they did was round up the city's remaining Jewish leaders, including Dr. Kaufman, and send them to gulags. Dr. Kaufman endured 11 years in a gulag and then five years in exile in Kazakhstan before he was allowed to join his family in Israel. He was the luckiest; no one else survived. Then again, dying in a gulag was less dramatic than the fate of some Jews under the Japanese. While retreating from the Manchurian town of Hailar, the Japanese military beheaded its Jewish residents.

By 1949 Chinese Maoists controlled Harbin. The thousand-

plus Jews still in town were gradually stripped of their businesses and livelihoods, while Israel's government made secret contact with Harbin's remaining Jews and began arranging for them to leave—a process that mostly involved submitting to extortion. As one Israeli official explained, "It is obvious that the Communist government is keen to clear the country of the foreign element. However ... the authorities make things very difficult as long as the person who wants to leave is still in funds, and lets the person go only after making quite sure that his personal funds are exhausted." The last Jewish family left town in 1962. After that, only one Jew remained in the city, a woman named Hannah Agre who refused to leave. Leaning into the crazy-old-lady motif, she moved into a tiny room in the Old Synagogue (by then the building, its interior subdivided, was being used as government office space) and died there in 1985, the official Last Jew of Harbin.

She wasn't quite the last, though. Today there is one Jew in Harbin, an Israeli in his 70s named Dan Ben-Canaan. Ben-Canaan was covering the Far East for Israeli news media when he decided to go native, getting himself a job at a local university and settling permanently in Harbin in 2002. Ben-Canaan is a busy man, not only because of his university responsibilities and his work editing local English-language news programs, but because his enormous research into Harbin's Jewish past has made him indispensable to the local government as they restore Jewish sites—the result being that he is also basically employed as the

***Instead of traveling the world
and visiting Jews,
you are visiting their graves***

semi-official One Jew of Harbin. Ben-Canaan spends enough of his time being the One Jew of Harbin that when I interview him over Skype, he has his one-liner ready: "I'm the president of the community here, which consists of me and me alone. It's great because I don't have anyone to argue with." Ben-Canaan's interest in Harbin's Jewish history, stemming from his days as a journalist, intensified when he learned that Harbin's government owns the Jewish community's official archives—and keeps them under lock and key. "I tried to get them to reopen the archives, and they refused," he tells me. "I've been given two reasons for it. One is that it contains politically sensitive material, and the other is that they're afraid of being sued for property restitution. There were some wealthy Jews here whose property was worth millions." The lack of access motivated Ben-Canaan to re-create the archives himself by collecting photographs, memorabilia, and testimony from over 800 former Harbin Jews and their descendants around the world. As a result, as he put

it, "I've become an address" for Harbin's Jewish history. When the provincial government decided—for reasons that only gradually become clear to me—to spend \$30 million to restore, renovate, or reconstruct its synagogues and other Jewish buildings, they hired him.

The One Jew of Harbin speaks with me for nearly two hours, because that's how long it takes him to describe the Jewish sites whose refurbishment he has supervised. There is, it seems, a lot to see. Being no chump, the One Jew of Harbin spends his winters in southern China. But he sets me up with a former student of his who now works as a tour guide, to see the sights.

There is a tourist-industry concept, popular in places largely devoid of Jews, called "Jewish Heritage Sites."

The term is a truly ingenious piece of marketing. "Jewish Heritage" is a phrase that sounds utterly benign, or to Jews, perhaps ever so slightly dutiful, suggesting a place that you surely ought to visit—after all, you came all this way, so how could you not? It is a much better name than "Property Seized from Dead or Expelled Jews." By calling these places "Jewish Heritage Sites," all those pesky moral concerns—about, say, why these "sites" exist to begin with—magically evaporate in a mist of goodwill. And not just goodwill, but goodwill aimed directly at you, the Jewish tourist. For you see, these non-Jewish citizens and their benevolent government have chosen to maintain this cemetery

or renovate this synagogue or create this museum purely out of their profound respect for the Jews who once lived here (and who, for unstated reasons, no longer do)—and out of their sincere hope that you, the Jewish tourist, might someday arrive. But still, you cannot help but feel uncomfortable, and finally helpless, as you engage in the exact inverse of what Benjamin Tudela once did: Instead of traveling the world and visiting Jews, you are visiting their graves. Harbin is enjoying a heat wave when I arrive, a balmy 10 below with a wind chill of a mere minus 18. I only need to wear a pair of thermals, a shirt, a sweater, a fleece, a parka, a balaclava, a neck warmer, a hat, gloves, three pairs of socks, and three pairs of pants to go outdoors.

My first stop is the city's Jewish cemetery, billed by tour companies as the largest Jewish cemetery in the Far East—except that it's not a cemetery, since cemeteries contain dead bodies, and this one doesn't have any. In 1958, Harbin's local government was redesigning the city and decided that the Jewish cemetery, home to around 2,300 dead Jews, had to go. The city offered families the option of moving their dead relatives' graves to the site of a large Chinese cemetery called Huangshan, an hour's drive outside the city, for the price of about \$50 per grave. Many Jewish families were long gone by then, so only about 700 graves were moved—and, as it turned out, only the gravestones made the trip, since city authorities saw no reason to move the bodies, too. The human remains from the old cemetery are now in what the Chinese call "deep burial"—that

is, the space containing them has been paved over and turned into an amusement park. "It is nice for them to be there," my tour guide—who I'll call Derek to keep him out of trouble—says of the dead Jews under the rides. "They are always with happy people now."

The drive to Huangshan takes about an hour through industrial wastelands and frozen fields, culminating in a grandiose toll plaza with enormous Russian-style onion domes and then several miles more of abandoned warehouses, with a few bundled people by the roadside selling stacks of fake money to burn as offerings—because Huangshan is really a vast Chinese cemetery, filled with endless rows of identical shiny white tombstones on miniplots containing cremated remains. After driving past tens of thousands of dead Chinese people, we find the entrance to the cemetery's Jewish section, pay our fee, and enter the gates.

The Jewish section is compact and stately, with gravestones elaborately carved in Hebrew and Russian, along with many modern metal plaques sponsored by former Harbin Jews whose relatives' original stones weren't moved. Many of the original grave markers have ceramic inserts with photographic portraits of the deceased, which would have been intriguing if every single one weren't shattered or removed. The damage is clearly deliberate, which might explain the cemetery employee following us around. The idea that Jewish cemetery desecration is currently in vogue in Harbin is a tad depressing, but to my surprise, this snowy Jewish Heritage Site doesn't feel at all lonely or bereft. In fact, it's rather

glam.

Inside the gate is a plaza with a massive granite Star of David sculpture, next to a two-story-high domed synagogue building festooned with more Stars of David. The synagogue's doors are locked, but through its windows I can see that the building is a shell, with nothing inside but some scattered tools and junk. When I ask what it's for, Derek laughs. "They built it for Olmert's visit," he explains. "Now it's just used by the cemetery workers to stay warm." Ehud Olmert, a former Israeli prime minister who served prison time for corruption, has roots in Harbin. His father was born here, and his grandparents, or at least their gravestones, are in Huangshan—markers that have now been outdone by a 12-foot-high black marble obelisk. The obelisk, crowned with yet another Jewish star, is carved with greetings written in English in Olmert's handwriting and painted in gold: "Thank you for protecting the memory of our family, and restoring dignity into [sic] the memory of those who were part of this community and [illegible] a reminder of a great Jewish life which a long time ago was part of Harbin." The words are a dashed-off scribble, suggesting that Olmert didn't quite expect them to be set in stone. His grandparents' gravestones have been replaced with black-and-gold marble ones to match the obelisk, outshining the plebeians with their smashed ceramic photos. Near their graves stands a trash can designed to look like a soccer ball.

Olmert's visit to Harbin in 2004 as Israel's deputy prime minister was a big deal, but the (fake) synagogue built in his honor at the (also fake)

cemetery was just one part of an enormous and expensive project on the part of the local provincial government to restore Jewish Heritage Sites. The government's explicit goal is to attract Jewish money, in the form of both tourism and investment by foreign Jews.

In our interview, the One Jew of Harbin had only praise for these efforts, in which he is deeply involved. "The restoration cost \$30 million—it's unheard of here. Everything was of the highest quality," Ben-Canaan told me, adding that Harbin's Jewish Heritage Sites have the same official designation as Chinese landmarks like the Forbidden City. One of the many sources on Harbin he shares with me is a long 2007 news article from a Chinese magazine by a journalist named Su Ling, who he describes as one of China's rare investigative reporters. The article, titled "Harbin Jews: The Truth," traces a very particular history: not Harbin's Jewish Heritage, but the Heilongjiang provincial government's attempts to capitalize on that Heritage.

The story begins innocently enough, with a social-scientist-cum-real-estate-agent named Zhang Tiejiang, who discovered the prior Jewish ownership of many historic homes that he was supposed to demolish for a city-planning project in 1992. Taking an interest, he studied the Jewish graves in Huangshan cemetery, translating their Russian text with the help of a computer program. His timing was auspicious: 1992 was the year China established diplomatic relations with Israel, and in 1999 China's premier made his first official visit to Jerusalem. Also auspicious: Heilongjiang province, long reliant on declining

industries like coal mining, had hit an economic slump. Zhang Tiejiang seized the moment in 1999 to publish his brilliant idea, in an article for a state news agency titled "Suggestions for the Study of Harbin Jews to Quicken Heilongjiang Economic Development."

This article made its way to the province's higher-ups, who dispatched an official to Heilongjiang's Academy of Social Sciences to "intensify the study of the history of Harbin Jews." A Center for Jewish Studies was established, complete with a massive budget. "Develop[ing] the travel industry and attracting business investments," the center's original website announced, was "the tenet of our existence and purpose." A boondoggle ensued, with unqualified people producing minimal research while enjoying trips abroad. In the years since, the government's \$30 million has produced more tangible results, including not only the cemetery refurbishment, but also the transformation of the New Synagogue into a Jewish museum, the reconstruction of the Old Synagogue and the Jewish secondary school, and the landmark-labeling of formerly Jewish-owned buildings in the city's historic heart.

This attempt to "attract business investments" by researching Jewish history seems, to put it gently, statistically unsound. Among the tens of millions of tourists to China each year, 40,000 annual Israeli visitors and even fewer Jewish tourists from elsewhere amount to a rounding error. And the idea that Israeli or other Jewish-owned companies would be moved to invest in Heilongjiang Province

out of nostalgia for its Jewish Heritage seems unlikely. The only way to understand this thinking is to appreciate the role Jews play in the Chinese imagination.

Most Chinese people know next to nothing about Jews or Judaism. But in a 2009 essay reviewing trends in Jewish studies in China, Lihong Song, a professor of Jewish studies at Nanjing University, points out a common pattern in what they do know. "My students' first association with Jews is that they are 'rich and smart,'" he notes. Those students didn't get that idea from nowhere. "The shelves of Chinese bookstores," Song explains, "are lined with bestsellers on Jewish subjects." What Jewish subjects might those be? Well, some of those bestselling titles are **Unveiling the Secrets of Jewish Success in the World Economy, What's Behind Jewish Excellence?, The Financial Empire of the Rothchilds, Talmudic Wisdom in Conducting Business, and of course, Talmud: The Greatest Jewish Bible for Making Money**. Song claims that this is not anti-Semitic, but rather "some sort of Judeophilia."

At a 2007 "International Forum on Economic Cooperation Between Harbin and the World's Jews," held in Harbin with dozens of invited Jewish guests who ranged from the Israeli ambassador to a group of Hungarian Jewish dentists, Harbin's mayor welcomed participants by citing esteemed Jews such as J.P. Morgan and John D. Rockefeller (neither of whom was Jewish). He then announced that "the world's money is in the pockets of the Americans, and the Americans' money is in the pockets of the Jews. This is the highest acclaim and praise to

Jewish wisdom.”

Former Harbin Jews often remember Harbin as a kind of paradise. “They owned the town,” Irene Clurman, a daughter of former Harbin Jews, told me, describing the nostalgia that many “Harbintsy”—ex-Harbiners—expressed for their beloved city. “It was a semicolonial situation; they had Chinese servants and great schools and fur coats.” Or in the words of her grandmother Roza (later Ethel) Clurman in a 1986 interview, “Harbin was a dream.”

It’s also worth noting here that Roza Clurman’s husband—Irene Clurman’s grandfather—was kidnapped, tortured, and murdered in Harbin during the Japanese anti-Semitic reign of terror, after which his lucrative business (he introduced indoor plumbing to Manchuria) and his high-end rental building were confiscated, leaving his family with nothing. But let’s focus on the positive: After all, Roza Clurman was 5 during the 1905 Odessa pogrom, hiding in an attic for days on end while the neighborhood was ransacked and her neighbors murdered. True, her husband also wound up murdered—but “my grandmother absolutely had a nostalgia for Harbin,” Irene Clurman insists. In her interview, Roza Clurman admits that “everything changed” in Harbin, but she spends far more time describing its glory: the steaks the family ate, their household staff, the children’s private lessons. The ascent from pogroms to private lessons was dizzyingly

fast, obscuring the community’s equally precipitous decline. One Harbintsy descendant, Jean Ispa, told me how her father, an orphan, made his way to Harbin alone solely to study music, since Russian conservatories didn’t take Jewish students. “He was 16 when he made this journey,” Ispa tells me in wonder. “He gave concerts in Harbin. I even have the programs he played.” Another Harbin exile, Alexander Galatzky, was 8 during the pogroms of the 1919-1920 Russian Civil War, when he and his mother repeatedly barricaded themselves in their apartment in Ukraine and listened to the screams of their neighbors being murdered and raped. When the ship fare his father sent from New York was stolen, their only hope was to go east to Manchuria. In reminiscences he wrote down for his family, Galatzky described boarding a cattle car to leave Ukraine: “Mother has a bundle of old clothes with her. The soldier on guard of the cattle car is trying to take it from her. She clutches at it, crying, kissing the soldier’s hand. We have no money or valuables and the old clothes can be bartered for food en route. Without them we would starve.” After a life like that, Manchuria was paradise.

Former Harbin Jews often remember Harbin as a kind of paradise

Of course, one could tell the same story about Russian Jews who emigrated to New York. But in Harbin, where Russian Jews created their own Russian Jewish bubble, their sense of ownership and pride was greater—and that pride turned the story of their community’s destruction into

a footnote. Of the Harbintsy descendants I interviewed, most mentioned friends or relatives who were kidnapped, tortured or murdered during the Japanese occupation. All had their family’s hard-earned assets seized by Manchuria’s various regimes. But in the next sentence they would tell me, again, how Harbin was “a golden age.” An entire organization in Israel, Igud Yotzei Sin (Association of Chinese Exiles), exists solely to connect homesick “Chinese Jews” around the world with each other through networking, social events, scholarships, and trilingual newsletters which run to hundreds of pages. Until recent years, members gathered weekly in Tel Aviv to play mahjong, drink tea, and reminisce. Teddy Kaufman, who ran the organization until his death in 2012, published a memoir titled **The Jews of Harbin Live On in My Heart**, extolling the Jewish paradise. His father was the community president who wound up in a gulag.

Harbin’s Jewish “golden age” lasted less than one generation. Even before the Japanese occupation, things were unpleasant enough that leaving was, for many, a foregone conclusion. Alexander Galatzky, the boy whose mother bartered old clothes to feed him on the Trans-Siberian Railroad, kept diaries as a teenager from 1925 to 1929 that his daughter Bonnie Galat recently had translated. The diaries reveal assumptions that most happy teenagers don’t live with: Everyone plans to leave, and the only question is where to go. He counts off his friends’ departures—to Palestine, to Russia, to Australia, to America—and waxes nostalgic about leaving, as he capitalizes in

his diary, "FOR GOOD."

Many came to recall the community's destruction as if it were almost expected, like snow or rain. Alex Nahumson, who was born in Harbin and emigrated in 1950 at the age of 3 with his family, reports only "very happy memories" discussed by his parents, like most Harbintsy I spoke with. "The Chinese never did anything bad to us, just the Russians and the Japanese," he tells me by phone in Hebrew from his home in Israel. This memory is remarkable, considering that his family's assets were plundered by the Maoist regime. "When my parents talked about Harbin, they only talked about their dacha [country home], the theater, the opera," he avers. The fact that his parents' memories also overlap with the Japanese occupation is equally remarkable. When I bring up the kidnappings, he verbally shrugs. "That's just crime," he insists. "Crime happens everywhere." Later in our conversation he mentions, almost casually, that his own grandfather was kidnapped and tortured by the Japanese.

It is hard to describe what, exactly, is wrong with Harbin's New Synagogue Jewish Museum—or as it says on my ticket, the "Construction Art Museum." One feels the overwhelming need to applaud this (mostly) Jewish museum's mere existence, to carefully delineate its many strengths, to thank the locals for their bountiful goodwill. For it does have enormous strengths and the goodwill is abundant. Still, from the moment I arrive

at the large domed building and enter its wide-open space with an enormous Star of David decorating the floor—it only occurs to me later how ridiculous this detail is, since the floor would have been covered with seats when the synagogue was in use—I feel that creeping "Jewish Heritage" unease. But then, my actual Jewish heritage kicks in, consisting of centuries of epigenetic instincts reminding me that I am only a guest. I smile, and snap pictures.

The Jewish history exhibition fills the second floor—the women's gallery of the synagogue. Here, in vast arrays of photographs, smiling well-dressed people build synagogues, celebrate weddings, attend Zionist meetings, patronize a library, pose in scout uniforms, work in a hospital, rescue neighbors from a flood, and skate on the river. The displays are informative enough, even if their translated captions sometimes descend into word salad. Beneath one portrait of a man wearing a **tallis** and a tall clerical hat, for instance, the English caption reads: "Judean assembly mark in Harbin choir leading singer gram benefit maxwell minister radical." I ask Derek what the original Chinese caption means. He smiles apologetically and says, "I'm not sure."

It's all admirably thorough, if a little garbled. But toward the far end of the gallery, on the part of the floor that has been constructed over the alcove where the ark for Torah scrolls once stood (the actual alcove for the ark is now a foyer leading to a restroom), I enter a set of little rooms whose content puzzles me. The first room is dominated by a large wooden desk, with a life-size

white plaster sculpture of a bald and bearded Western man seated before an ancient typewriter. The brass plaque in front of him reads, "Real workplace of Jewish industrialist in Harbin." Confused by the word "real," I ask Derek if this is supposed to be a specific person. He glances at the plaque and explains, "It is showing a Jew in Harbin. He is doing business." In subsequent rooms, more tableaux of frozen Jews unfold. There are life-size plaster Jews frozen at a grand piano, a life-size plaster Jew frozen in a chair with knitting needles, and two child-size plaster Jews frozen on a bed, playing eternally with plaster blocks. This, the brass plaque informs me, is "The display of the Jews' family in Harbin." The plaque continues: "At the first half of the 20th century, not only was the display of the Jews' family simple, but also practical and the children lived a colorful life there." The children's blocks, like the children, are devoid of color. Later I discover the unnamed inspiration for this display: Harbin's annual Snow Sculpture Park, full of figures carved from blocks of manufactured snow. After the rooms full of frozen Jews, the parade of mostly dead Jews resumes, dominated by photographs of "real Jewish industrialists" who "brought about numerous economic miracles" in Harbin, including the founders of Harbin's first sugar refinery, first soybean export business, first candy factory, and China's first brewery. The wall text explains how Harbin "offered the Jews an opportunity for creating new enterprises and providing a solid foundation for their later economic activities in Europe and

America." This is true, I suppose, if one thinks of Harbin as a kind of business-school exercise, rather than a place where actual Jews created actual capital that was subsequently seized, transforming them overnight into penniless refugees, if they were lucky.

One enterprise prominently featured in the museum, for instance, is the Skidelsky Coal Mine Corporation. The Skidelskys were among the "Siberian Jews" who provided the initial capital for Harbin—although "initial capital" is an understatement. In an account of his family's holdings in Prospect magazine, Robert Skidelsky, a member of the British House of Lords and a Harbin native, described how his great-grandfather Leon Skidelsky held the contract in 1895—prior to Harbin's founding—to build the Trans-Siberian Railroad from Manchuria to Vladivostok. The Skidelskys were one of only 10 Jewish families allowed to live in Vladivostok, since the railroad desperately needed them. They owned 3,000 square kilometers of timber in Siberia and Manchuria, and enough mining property to make them one of the region's largest employers. They continued supplying the railroad as it changed hands from the Russians to the Chinese to the Japanese. In 1924, Leon's son Solomon even charmed a local warlord into selling him a 30-year lease on a mine, by repeatedly and deliberately losing to him in poker.

In 1945, Solomon Skidelsky was still nine years shy of running out the lease when the Soviets sent him and his brother to die in a gulag, and Communists—first Soviet and then Chinese—seized the mines. Decades later,

Lord Skidelsky filed his claim. "In 1984," Lord Skidelsky recounts, "I received a cheque for 24,000 English pounds in full settlement of a claim for compensation that amounted to 11 million pounds." When he visited Harbin in 2005, local TV crews trailed him and presented him with flowers, which were worth somewhat less than 11 million pounds.

When I express my sense that this museum is only telling part of a story, Derek raises an issue that Ben-Canaan brought up with me repeatedly, that this museum focuses exclusively on wealthy people—thus underscoring the idea that Jews are rich. "Obviously there were poor Jews here too," Derek points out. "The building across the street was the Jewish Free Kitchen."

It is only as I am leaving, through the enormous mezuzah-less door, that I look back at what was once the sanctuary and understand what, exactly, is wrong with this museum. Above the first-floor paintings of Russian churches, the museum is dominated by an enormous blown-up photograph of a 1930s farewell banquet, its rows of Harbin Jews in their tuxedos gathered to say goodbye to yet another Jewish family fleeing, as Alexander Galatzky put it, "FOR GOOD." Suddenly the Jewish Heritage miasma melts away, and I realize the blindingly obvious: Nothing in this museum explains why this glorious community no longer exists.'

Harbin is a rather hideous city, its Soviet-style apartment blocks stretching as far as the eye can see. But the city's historic heart has been restored so thoroughly that if not for the Chinese crowds and street

There is a tourist-industry concept, popular in places largely devoid of Jews, called 'Jewish Heritage Sites'

signs, one could imagine being in Europe. The historic tree-lined

Central Avenue has been transformed into a pedestrian mall that doubles as an outdoor architectural museum, where each original building—80 percent of which were once Jewish-owned—is labeled with a plaque describing its past. The restoration also included installing loudspeakers that constantly blast high-volume Western music that someone decided was atmospheric. When I arrive, they're playing "Edelweiss": Bless my homeland forever. The music makes it hard to think.

Derek points out the various restored buildings on Central Avenue and elsewhere in the neighborhood: the Jewish-owned pharmacy, the Jewish Free Kitchen, the Jewish People's Bank, and many private homes, all now occupied by other enterprises. The "Heritage Architecture" plaques affixed to each historic building couldn't be more direct: "This mansion," a typical one reads,

“was built by a Jew.”

The most impressive Central Avenue building “built by a Jew” is the Modern Hotel, a building whose story captures the Harbin Jewish community’s roller coaster of triumph and horror. The Modern Hotel was built by the Jewish entrepreneur Joseph Kaspe, and from the moment it opened, in 1906, it was the height of Manchurian chic. The Modern wasn’t merely a high-class establishment frequented by celebrities and diplomats. Its premises also included China’s first movie theater. Kaspe also created other Modern-labeled luxury products like jewelry and high-end food. In other words, the Modern was a brand.

When the Japanese occupied Harbin, they immediately set their sights on the Modern. But Joseph Kaspe was one step ahead of them. His wife and two sons had moved to Paris, where they had acquired French citizenship—so Kaspe put the Modern in his son’s name and raised the French flag over the hotel. He assumed the Japanese wouldn’t risk an international incident just to steal his business. He was wrong.

In 1932, Kaspe invited his older son, Semion, a celebrated pianist, back to Manchuria for a concert tour. On the last night of his tour, Semion was kidnapped. Instead of paying the bankruptcy-inducing ransom, Joseph Kaspe went to the French Consulate. It didn’t help; the kidnappers upped the ante, mailing Kaspe his son’s ear. After three months, Semion’s body was found outside the city. When Kaspe saw his son’s maimed and gangrenous corpse, he went insane. Friends shipped him off to Paris, where he died in 1938.

His wife was deported and died at Auschwitz three years later. His younger son escaped to Mexico, where he died in 1996, refusing to ever discuss Harbin.

The Modern Hotel is still in operation today, though at a few stars lower than the Holiday Inn where I’m staying down the street. The large pink stone building with its glamorous arched windows and turrets still dominates Central Avenue, its girth expanding for an entire city block, Cyrillic letters spelling out “MODERN” running down one corner of its facade. Outside, a long line of people winds its way down the street toward one end of the hotel, the hordes queuing in minus-10 degrees. The line, Derek explains, is for the Modern’s famous ice cream. “In Harbin, we love eating cold foods at cold temperatures,” he grins. It’s true; the streets of Harbin are lined with snack stands selling skewers of frozen fruit. The Kaspes figured this out and created China’s first commercially produced ice cream. Passing up the frozen treats, I go inside.

The Modern Hotel’s lobby today is shabby and nondescript, except for an exhibit celebrating the hotel’s illustrious history. It begins with a bronze bust of Joseph Kaspe, with wall text in Chinese and English describing the accomplishments of the Modern Corporation and its founder, “The Jew of Russian Nationality Mr. Alexander Petrovich Kaspe.” (The “Alexander” is inexplicable; Joseph Kaspe’s actual first name appears in Russian on the bust.) As the wall text explains, this impressive Jew founded this “flagship business in Harbin integrated with hotel, cinema, jewelry store, etc.” “In recent years,” the text continues,

“the cultural brand of Modern is continuously consolidated and developed.” It then lists the numerous businesses now held by this storied company—including the Harbin Ice Festival, which belonged to the Modern Corporation until the provincial government took it over a few years ago. “Currently,” the wall text gloats, “Modern Group ... is riding on momentum, and is shaping a brand-new international culture industry innovation platform.” Mr. Kaspe’s descendants would no doubt be proud of this Heritage, if any of them had inherited it.

But let’s put the mean-spirited cynicism aside. After all, the Modern Hotel clearly honors its Jewish Heritage! Here on its walls are enlarged photos of Joseph Kaspe’s family, including his murdered son, sexy in his white tie and tails, frozen over his piano. Here, under glass, are Real Historic Items from the Kaspe family, including silver candlesticks, an old-timey telephone, and a samovar! And here, in one particularly dusty glass case near the floor, are “the Kaspe collection of household utensils of Judaism sacrificial offerings,” including an actual Seder plate!

I squat down for a closer look at this display, and see that there are two plates inside it. The Seder plate has a bronzy Judaica motif suspiciously familiar from my own American Jewish childhood. I squelch my skepticism until I see that it is carved all around with English words. The second plate, a ceramic one, sports an Aztec-ish design, with the word “Mexico” painted across the bottom—a 1980s airport souvenir. At that point it becomes clear that this display was sourced from eBay.

All I needed were long underwear, three sweaters, one fleece, one parka, a scarf, a hat, a balaclava, two pairs of gloves, three pairs of pants, one pair of ski pants, three pairs of wool socks, hand warmers stuck into my gloves and boots, and ice cleats, and I'm good to go.

I put my balaclava back on and go out into the cold again, past the hundreds of Chinese people clamoring for Kasper's ice cream, and head to the Old Synagogue, which is now a concert hall. The result of a multimillion-dollar renovation project for which the One Jew of Harbin served as an adviser, the building is part of an entire "Jewish block" that includes the music school next door, which was once the Jewish secondary school. Ben-Canaan was meticulous about the project, gathering and examining old photographs and descriptions to exactly replicate the ark with its granite Ten Commandments motif, the pillars, the gallery that was once the women's section, and the seats with their prayer-book stands. His only concession, he told me, was to make the bimah (the platform before the ark) wide enough to accommodate a chamber orchestra. When the person manning the ticket booth refuses to let me peek inside, I buy a ticket for that night's string quartet.

The Old Synagogue's interior shocks me. I don't know what I was expecting, but what I didn't expect was to be standing in a synagogue no different than every single urban early-20th-century synagogue I've ever entered around the world, from my own former shul in New York City to others as far as London and Moscow and Capetown and Buenos Aires and Melbourne,

all those buildings around the world where you walk into the sanctuary (usually after passing an armed guard) and could literally be in any synagogue anywhere. The One Jew of Harbin did a marvelous job—so marvelous that as I walk into the large hall and see the massive ark looming before me, with its familiar Hebrew inscription imploring me to Know Before Whom You Stand, I instinctively listen for what part of the service I'm walking in on, how late I am this time, whether they're up to the Torah reading yet. My thoughts about how far back I should sit finally give way to logic, and I look at the seat number on my ticket.

But when I take my seat in the third row, I still cannot shut down my muscle memory. My hands go straight to the slot in the seat in front of me, reaching for a prayer book that isn't there. I almost can't stop myself from reciting all the words I've recited in rooms like this, the words I've repeated my entire life, the same words recited by all the people who have gathered in rooms like this over the past 20 centuries, in Yavneh and Pumbedita and Aleppo and Rome and Marrakesh and New York and Capetown and Buenos Aires and Harbin, facing Jerusalem. I am awed, googly eyed. In that moment I suddenly know, in a vast sense that expands far beyond space and time, before whom I stand.

Then a Chinese string quartet walks up to the bimah in front of the ark, and instead of bowing before the ark, they bow before me. The lights drop, and they play, spectacularly well, Brahms' "Hungarian Dance No. 5," and Tchaikovsky's "Romeo and Juliet,"

and inexplicably, "Cotton-Eyed Joe."

And suddenly I am very, very tired.

Somewhere in between the synagogues, the Belle Époque-style bookstore named for Nikolai Gogol, the pool carved out of the frozen river with people swimming in minus-30-degree water, and the hundreds of dead Jews, I find myself in a "Siberian Tiger Park," where 700 of the world's remaining tigers loll behind high chain link fences or pace in isolation cells, in what resembles a tiger re-education camp. Here, after

riding the requisite bus painted with tiger stripes through bare icy yards full of catatonic-looking tigers, I am encouraged to buy

slabs of raw meat—since, as Derek explains, the facility only provides the animals with meager rations, with the assumption that tourists will make up the difference. This potent combination of novelty and guilt, which feels strikingly similar to the uncomfortable emotions I experienced at Harbin's various Jewish Heritage Sites, brings me to a woman selling buckets of raw pork slabs, which visitors feed to the tigers with tongs through the chain-link fencing. The woman selling the slabs also offers a crate of live chickens which I could alternatively purchase as tiger food; this would involve buying a live chicken and thrusting it into the tiger enclosure via a dedicated chicken chute. For the first time in my life, I buy pork.

As I struggle to pick up slippery pieces of meat with the tongs, I remember a moment in the Talmud (The Greatest Jewish Bible for

Making Money) when the rabbis claim that the last thing created during the week of creation was the world's first pair of tongs, since tongs can only be forged with other tongs—a story whose haunting image of human limits transcends its lack of logic. When I succeed in wielding the meat, the otherwise catatonic tigers pounce against the fence at me in a cartoon-like fury, rattling the Soviet-style barriers to an unnerving degree as they battle each other for the scraps of flesh. Watching these almost mythic captives feels oddly similar to my other visits on this trip, throwing guilt-induced scraps at something beautiful trapped under glass. Much later, I come across a National Geographic article claiming that this “park” is in fact a tiger farm, where these endangered animals—only seven of which still exist in the northeastern Chinese wild, outnumbering Jews in the region by 700 percent—are bred and slaughtered for trophies and traditional medicines. It all feels like an elaborate con. Or if not quite a con, a display.

The Harbin Ice Festival is the greatest display of all, surpassing my most fevered expectations. It is much, much larger and more elaborate than I imagined from the photos and videos that lured me to Harbin. I'd been amply warned by online strangers about how difficult the festival is to endure, since it requires long periods outside, at night, in punishing temperatures. But once I'm here, I'm shocked by how easy it is. All I needed were long underwear, three sweaters, one fleece, one parka, a scarf, a hat, a balaclava, two pairs of gloves, three pairs of pants, one pair of ski pants, three pairs of wool socks, hand

warmers stuck into my gloves and boots, and ice cleats, and I'm good to go. I had been told that I wouldn't be able to bear the cold for more than 40 minutes. I stay for three hours, in the company of my approximately 10,000 closest friends who are also visiting that evening, a number that in the vastness of the festival scarcely even creates a crowd.

Among the ice castles and ice fortresses clustered around a snow Buddha the size of a high school, I recognize shimmering tacky neon versions of places I've visited in real life, cataloging them in my brain like Benjamin of Tudela: the Wild Goose Pagoda of Xian, the Summer Palace outside Beijing, the gate to the Forbidden City, Chartres Cathedral, the Campanile tower near Venice's original Jewish ghetto, the Colosseum built by Jewish slaves brought from Jerusalem to Rome. I wander around and through these flashing structures, their colors changing every few seconds as the LED wiring blinks within each ice block, passing over bridges and through moon gates and up staircases and down slides that wind their way through castles of ice. China is a place full of enormous, gaudy, extravagantly impersonal monuments made possible through cheap labor, from a 2,000-year-old tomb filled with 10,000 terra cotta warriors in Xian, to the medieval Great Wall outside Beijing, to the 1994 Oriental Pearl Tower in Shanghai. The Harbin Ice Festival is the gargantuan fluorescent opposite of intimate or subtle. It is mind-blowing, and mindless. It is the most astounding man-made thing I have ever seen.

What is most shocking about the

Ice Festival is the bizarre fact that all of it is temporary. In another month, this vast city will begin to melt. But unlike what I ignorantly assumed, the ice city does not simply vanish on its own. Instead, when the melting begins, 10,000 workers return to hack apart the millions of ice blocks, remove their electrical wiring, and then haul them out and dump them in the river. Like all cities, there is nothing natural about its creation, and also nothing natural about its destruction.

Nothing simply disappears. As I leave Harbin, I think of Hannah Agre, the last Jew of Harbin—the crazy old lady who refused to leave the city after every other Jew had gone, dying alone in 1985 in an office space that she had rejiggered into an apartment on the second floor of the Old Synagogue, 23 years after the last Jewish family left. It occurs to me, as I pass through the industrial wastelands and endless high-rises on my way to the airport, that maybe she wasn't so crazy. Maybe she didn't like being told to leave. Maybe she was physically enacting what all the other Harbintsy spent the rest of their lives trying to do, as they gathered in San Francisco and Tel Aviv to play mahjong and share photos of their samovars and fur coats. Maybe she wanted to keep the castle her family had built, preserved in ice.

By the time I reach the airport, the Harbin Holiday Inn's breakfast buffet of dragon fruit and lychee nuts is a distant memory, and I'm hungry. Fortunately, right next to my gate there is a hip-looking eatery, the kind of place with historic black-and-white photos framed on trendy brick walls. Its sign reads: “Modern 1906.”

I almost can't believe it, but yes, here it is once more: Joseph Kaspé's business. As if responding to my private disbelief, a giant flat screen on a brick wall flashes a photo of Kaspé's family, then one of Kaspé's face. I stare at the photos before they blink away, looking at this murdered family and then at Kaspé, the man who built a city only to lose his son, his property, and his mind. I suddenly feel shaken by the "success" of this business that has apparently endured through magic since 1906, by the sheer chutzpah of this open bragging about a corporate "Heritage," by the enduring quality of stolen goods. It's 20 below outside, but I buy an ice cream in a flavor labeled "Original." The sweet frozen cream melts in my mouth, gone before I even put

away my Chinese change. I'm in the last row of the Air China plane leaving Harbin, and the only Westerner on board. There's an intense smell of barbecued pork as someone in the row in front of me celebrates the Year of the Pig. I think of Alexander Galatzky leaving Harbin "FOR GOOD," boarding the train to Shanghai and then the boat to Ceylon and on through the Suez Canal, nine years after he first traversed the world as a child on the Trans-Siberian Railroad, with his mother and her bag of old clothes. A cheerful animated panda on the screen in front of me explains the many safety features of this aircraft, including what to do if we should require, as the awkward English translation puts it, "Emergency Ditching." I think of the Clurmans, the Kaspés, the

Nahumsons moving between the raindrops, ditching as needed, ditching as expected. I watch the animation and remember Benjamin of Tudela, the chipper cartoon of the perilous journey around the world, where every Jewish community is documented and counted and marveled at, full of cheery animated people who never feel the need to ditch, where cities never melt away.

Within two minutes of takeoff, Harbin is no longer visible. Outside my window, I see only snow-dusted farmland and the gleam of sunlight on the frozen river. The land is vast and empty. The enormous city is gone.

**TABLET a unique brand of
Jewish journalism
April 2019**

Comments by Yossi Klein - Chairman of Igud Yotzei Sin on Dara Horn's 'Cities of Ice'

I fully agree with Dan's comments on Dara Horn's article, which is typical of Americans comparing everything to America and looking at the world through American filters. I do not think it is important to comment in detail but there is one **point in the article that is very important** for me to emphasize for the history of Harbin Jews. It concerns the transfer of Jewish graves from the old cemetery to the new present cemetery in Huangshan (including seven graves of my family).

I do not know on what basis Dara Horn based her statement: "Only the gravestones made the trip, since city authorities saw no reason to move the bodies,

too." This statement is **absolutely wrong!!** I stress these facts on the basis of:

1. Memoirs by Ziamia Agronovsky (published in the original Russian section of the Igud Bulletin (magazine) in 2002-2004, and the Hebrew translation in 2018), who was one of the last Jews who left Harbin for Israel in 1961. He was the Secretary of the Jewish community and as such took an active part in finalizing the activities of the Harbin Jews Association, including the transfer of the cemetery. In his memoirs he describes in detail the transfer of the remaining deaths, as well as the mental

and physical difficulties involved. He also wrote that in May 1958, the community applied to the Israeli Chief Rabbi Yitzhak Herzog for permission to transfer the graves and requested instructions as to how this should be carried out based on their Jewish religion. The Rabbi's reply was received on June 20, 1958.

2. At least three people who took part and witnessed the activities are still alive in Israel and can confirm what took place.

This is a very important fact for the Jews of Harbin and their descendants!!

Reviews on the article 'Cities of Ice' by Dara Horn

Beverly Friend - April 2019

One of my major regrets is that while I have seen the Great Wall of China seven times in the past 30 plus years, I only visited the fascinating city of Harbin once. Equally regretted is that during that time I did not know of the work of Professor Dan Ben-Canaan and therefore did not meet him. It was not until several years later that I learned about him during one of my annual Florida breakfasts with Rabbi Tokayer. This omission has since been somewhat rectified by our lively correspondence. With his permission, I am forwarding his latest email – his highly informative and provocative response to Dara Horn's recent article about Harbin in the Tablet – sent you a few days ago.

Many thanks to Joel Epstein for this fascinating Link:

<https://www.tabletmag.com/jewish-arts-and-culture/283410/cities-of-ice>

Joel Epstein

A long and fascinating (and sad) story about the past and present of Jewish Harbin.

Prof. Dan Ben Canaan April 2019

Harbin, a city that honors (more than any other one in China) the memory of its past Jewish community.

I differ greatly with Joel Epstein's assertion that the "story about the past and present of Jewish Harbin" is sad. What is sad is the way the subject was treated.

To the contrary!

The Jewish community of Harbin left behind a very rich and admirable legacy that is celebrated in almost every corner of the historical parts of this very different Chinese city.

The government for its reasons, which are not always in line with the way it responds to the Jewish subject, yet in a typical "Socialism with Chinese Characteristics", ergo – ultra capitalism where money is of the utmost importance, never the less has put great efforts and huge funds into the preservation of Jewish relics and buildings, something that no other entity in China did independently (and even Shanghai cannot match it).

Moreover, after the reconstruction works of the Old Synagogue, the Jewish High School and two other buildings that form a Jewish block were completed in 2014 (with investment of over 110 million Yuan), the government approved my efforts to establish the Harbin Jewish Culture Association (a government body) and awarded me with funds that enables us to publish books about the history of Jewish Harbin, and acquire historical relics for a future exhibition I am curating.

In addition, we are now in a process of establishing the Harbin biannual international Jewish music festival (including Jewish folk music, Klezmer and cantillation). We have already submitted a report on the matter which is now in the working for approval and appropriation of funds.

The sad fact is Dara Horn's way of treating the subject, to which I have received responses from those who were on the list of people I provided and were interviewed by her.

"Dara Horn's article... as too negative and lacking in a feeling for the place that was... I do know for sure that I never told her that my father could not gain entrance to a music conservatory in Russia... Now I'm wondering if Dara misheard parts of other interviewees' stories and the materials you sent her as well... And, the tombstone inscriptions are in Russian and Yiddish, not Hebrew..."

What saddened me was the negative, sarcastic, cynic, and lacking in a feeling for the place, that was the overtone of the article. And I question why it should be so. Is it because it sells more copies of the magazine?

I wrote them in return that Horn's article is a perfect example of how subjects are being treated by journalists in the West. It must carry high dose of sarcasm and cynicism otherwise there would be no point there. I always disagreed with this line of writing. What comes out is not clear enough to render a better understanding of what was, and why, and then, what is and why. If her aim was to show that Harbin did not exist or that the city's Jewish life was a waste, she succeeded. I would not suggest that someone write the story of the American Jews in such a manner.

Because the article has been

published, there was no point in arguing this matter except letting her know, in a very gentle way, of my position. Thus, here is what I wrote back to her:

“Dear Dara,

I have read your article with great interest. With several mistakes it gives a panoramic point of view that is very different.

I thought about the sarcastic over tone the article carries and felt uncomfortable. Then, I reminded myself that I am living in China where such writing does not exist, and that western journalism is not like what we have here.

In this sense, the article presents an offering of my city, the government’s aims, which in any other place will be labeled Antiemetic, and the contradictions that nostalgic memories bring.

I want also to note that ‘being’ for me is something that is almost eternal. Thus the memory of the Jews who tried to make this space their home, should not fade away, and that their being or existence here will ever be a living thing. If not, then all Jewish spaces and memories elsewhere, are doomed to be in “deep burial”. It is (therefore) that for me the Jewish legacy in this city must be

preserved and the candle of its life here should be everlasting, and this is what I have been trying to do for the past 20 years.

In his book *Der Judenstaat* Herzl writes: ‘The Jewish question persists wherever Jews live in appreciable numbers. Wherever it does not exist, it is brought in together with Jewish immigrants. We are naturally drawn into those places where we are not persecuted, and our appearance there gives rise to persecution. This is the case, and will inevitably be so, everywhere, even in highly civilized countries...’ I would add here that the Jewish question continues wherever a Jew lives as individual without appreciable numbers of his mates. And, it is true also, where there are no Jews at all. Almost all Chinese never met a Jewish person in their life, yet, their perception of us follows your description (of the Heilongjiang Academy of Social Sciences) to the letter and even more.”

I do not understand why one should put a legacy of a community on melting ice. I am sure Dara loves to celebrate the Pesach Seder in a traditional way, read the story of freedom in commemoration of the

Exodus from Egypt. I wonder what she would have written and how she would have treated the stories of the ten plagues and the parting of the Red Sea if she was there as a Western journalist at the time.

There is absolutely no wrong in conducting “heritage tours”. These, among other activities, help preserve the knowledge about and legacies of Jewish communities around the world, and there are no such undertakings by any other national communities to my knowledge.

And finally, the Harbin Siberian Tiger Safari sanctuary, is the world’s only research and preservation station, where the extremely rare tigers are being bred. From about 50 some 20 years ago there are now over 1300 of this almost extinct species here. None is being killed for its fur! I do not know where this “story” came from. To the contrary, the animals undergo special training and then are being released back to their natural habitats.

Dan

Professor Dan Ben-Canaan
Professor of Research and
Academic Writing Methodologies

Beit Hatefusot

The Museum of the Jewish People at Tel Aviv University

At the end of next month, Professor Ben-Canaan will be traveling to Israel to **donate his entire huge archives to the Beit Hatefusot, the Museum of the Jewish People at Tel Aviv University.**

This will consist of hundreds of thousands of electronic files consisting of documents, memoirs, relics, historical

photographs, historical films, collection of articles, letters, correspondences with over 800 families with roots in Harbin, official documents, government documents, and much more. The collection of physical materials will be transferred later.

For New Yorkers: part of his collection is stored at the YIVO

Institute of Jewish Research in New York.

Both collections are under the title The Dan and Yisha Ben-Canaan Collection.

The YIVO collection, along with photographs East Side of Manhattan.

Message received from
Beverly Friend

PEOPLE and EVENTS

At Igud Yotzei Sin and the Israel-China Friendship Society
2018 – 2019

Delegation from Tianjin Radio and Television in October

On October 16, 2018, a Tianjin Radio and Television delegation visited the offices of the Igud. The delegation presented a film strip about the city and interviewed former residents of Tianjin in Israel, Mrs. Mary Schwartz and Mr. Israel (Sonny) Karni-Kremchansky.

for Chinese Culture in Tel Aviv celebrated the first anniversary of its opening with a concert given by musicians from China performing with original Chinese instruments in the presence of the Chinese Ambassador to Israel, Mr. Zhan Yongxin.

Lecture by the Architect, Mrs. Maggie Yan

On January 15, 2019, a lecture was held in the Igud offices by the architect, Mrs. Maggie Yan on "Contemporary Chinese Architecture". Mrs. Yan lectured for over an hour and fascinated her listeners with her lecture in English accompanied by photos.

Lecture by Professor Aharon Shai

On March 25, 2019, a lecture was held in the Igud offices by Professor Aharon Shai of Tel Aviv University. The subject of his lecture was Israel-China relations in the light of Chinese investments in Israel. Professor Shai is a well-known researcher in Israel and in the world on the subject of China. He is one of the founders of the East Asia Studies Department and was the Rector of Tel Aviv University during the years 2010-2015.

The modest lecture room was filled with members of the Igud

who enjoyed a very interesting lecture.

Exhibition of Tianjin Jewry and Photos of Karl Friedman

On April 1, 2019, an exhibition of photos by Karl Friedman was held in the Center of Chinese Culture in Tel Aviv which documents the life of the Jewish community in Tianjin. The event was held thanks to his son Danny Friedman – a member of Igud Yotzei Sin – who also told an intriguing story about his father's journey from Austria to China.

China Independence Day

On September 16, 2018, the 69th Independence Day of the People's Republic of China was celebrated with the appearance of a folklore troupe from China in magnificent original costumes and with an exhilarating performance. The Chinese Ambassador to Israel offered his blessings and a representative of the Israeli delegation, Ofir Akunis, made a speech on its behalf.

First Anniversary of the Center for Chinese Culture

On November 26, 2018, the Center

The Secret History of the Jews from Shanghai

By Aileen Jacobson

A small but important trail of refugees fleeing the Nazis took an unusual detour through China. A new exhibit in Brooklyn marks the journey.

Shanghai was the only option. That was what my parents discovered when they fled Hitler's Germany. By the time they left, in separate journeys, they wound up in that international city in China, the last place in the world that would take in Jewish refugees. It felt a little like sailing to the end of the earth, my father often said.

My parents became part of a community in Shanghai of some 18,000 European Jews who learned to live in barracks or crowded rooms, used chamber pots, sometimes ate only one hot meal a day from a communal kitchen and walked teeming streets filled with hawkers by day and, in the early hours, trucks picking up corpses. But they also had schools, cultural institutions and a thriving social life, complete with Viennese cafes. And they survived.

This fascinating, little-known and newly relevant bit of history is getting greater attention these days. "Hello Gold Mountain," a chamber music composition inspired by the topic was performed in Nashville in February and hopes to tour New York. And most prominently there is a major project from the Brooklyn Public Library, "Jewish Refugees in Shanghai," which brings an exhibition, films and

other programs to four libraries through the month of May.

Frank Xu, the library manager who leads the project, grew up in Hongkou, the Shanghai district where Jews and Chinese lived side by side, and heard stories from his parents and grandparents. He realized that few Americans knew anything about it and thought that the "spirit of kindness" that permeated this unusual Chinese-Jewish bond could inspire a feeling of responsibility to help the refugee, when the very idea seems under attack today. "Others closed their doors," he said. "Shanghai opened the door."

My mother, named Ilse Ludomer at the time, arrived in Shanghai in 1939 at age 18 with her parents. The previous year, after the destructive rampage against Jews known as Kristallnacht, they had been forced out of their home, an apartment over the clothing store they owned, in the small German town of Koenigs Wusterhausen. They stayed with relatives in nearby Berlin and desperately searched for a way to escape Hitler's rule.

My father, Erich Jacobsohn, already had a law degree in 1939, though he was forbidden by Nazi law to practice. He returned to his parents' home in Stavenhagen, a tiny town in northern Germany, where he and his father were sent to a work camp after Kristallnacht. Other prisoners later went to Auschwitz, but Erich's mother purchased the release of her

husband and son from the Nazis before that happened. The parents then decided to send Erich away.

Sign Up for summer in the City

The best things to do in N.Y.C. during the hottest season of the year. This limited-edition newsletter will launch before Memorial Day and run through Labor Day.

And so Ilse and Erich, permitted only items like utensils, clothes and photographs and no more than 10 Deutschmarks, made their way to Italy, where they boarded ships bound for China. Shanghai had no visa requirements and, surprisingly, had a support system ready for them, largely financed by wealthy Iraqi Jews with British citizenship who had arrived centuries earlier. They created ways to house and feed the needy, a job later taken over by American Jewish agencies HIAS and the Joint Distribution Committee. Both my parents occasionally took advantage of the soup kitchen.

As it turned out, Ilse and Eric (who soon dropped the h from his first and last names) were among the more fortunate residents. Both were determined to enjoy their youths. My mother, quick to make friends, became her family's breadwinner, waitressing in bars and restaurants. My father, who knew English, became a translator and English tutor. He also taught a British doctor's son until 1943, when the Japanese occupiers interned foreigners and confined

most Jews to the crowded square mile of Hongkou. My mother worked as a nanny. My father smuggled sausages.

It was a strange existence, tougher on some people than others. "Some previously important people collapsed," said W. Michael Blumenthal, the U.S. secretary of the Treasury in the Carter administration and the founding director of the Jewish Museum in Berlin. He came to Shanghai from Germany with his parents in 1939 when he was 13 and left in 1947 - the same time span as my parents. "Others, who had little education, had inner resources and were willing to put themselves out there," Mr. Blumenthal said in a telephone conversation.

"I chafed, of course, being young and feeling a sense of impotence, that no one would ever care about this miserable place," he said. It provoked in him a desire to prove himself and to be successful, he said. "Secondly, it influenced my political views, caring for people who have nothing, who have no one to care for them."

Laurence H. Tribe, a Harvard Law School professor, a leading constitutional expert and an official in President Barack Obama's Justice Department, also credited his direction in life partly to his years in Shanghai. These were very early years - he was born there in 1941 and left at age 6. His father, who as a young man had become an American citizen, was interned, he said, and young Larry recognized the injustice. "I thought, My father didn't do anything wrong - why should he be in this place?"

Life in China seemed normal to many children, who attended a refugee school, said Lisa Brandwein, 83, who spoke at a library program. She lived in Shanghai from ages 3 to 12. "We went to school, we played," she said. "But we sensed that our parents felt helpless." Their Chinese neighbors, generally much poorer than the refugees, were always kind, she said.

Recounting the Shanghai Jewish story "is definitely a statement on the present refugee situation," said Rabbi Sholom Friedmann,

director of the Amud Aish Memorial Museum in Brooklyn, which recently had its own Shanghai exhibition and is a partner in the library's project, along with the Jewish Refugees Museum in Shanghai. The Jews "managed to set up shop and become a community there," displaying "strength, courage and resilience," he said. "The Chinese made the Jews feel welcome. You don't hear about the tension that you might hear about in other refugee situations."

As for my parents, they finally met in Hongkou during an air raid drill in 1945, shortly before the end of the war. My father, who had moved into an apartment near the one where my mother lived, had already noticed her, he told me. He made sure to stand next to her in a bucket brigade and introduced himself. Their romance began. A year later, they married. The following year, I was born.

Three months later, we were on a ship to America.

April 25, 2019

Continued from page 70

"Parliament" Meetings

"Parliament" meetings of Igud and Friendship Society members are held a number of times a year in which there are free discussions on topics raised by the participants.

Meetings of the Management Committee

Meetings of the Igud Management Committee were held on October

5, 2018 and on March 22, 2019. Details of all sessions were distributed to all the members of the committee.

A meeting of the Management Committee of the Israel-China Friendship Society was held on March 1, 2019. A protocol of the meeting was distributed to members of the committee.

Thank You For Your Support!

DONATIONS

IYS SOCIAL AID FUND

USA

From Archie OSSIN in memory of his parents Sarah and Joseph OSSIN	US\$ 250
" Balfoura FRIEND LEVINE in lieu of flowers for the IYS Social Aid Fund	" 50
" <u>Dora LEE (nee Vidumsky)</u> for the IYS Social Aid Fund	" 50
" Tania MATERMAN for the IYS Social Aid Fund	" 180
" Joe MRANTZ toward the IYS Social Aid Fund for the coming HOLIDAYS	" 100
" Ada PIVO for the IYS Social Aid Fund	" 250
" Luba TUCK for the IYS Social Aid Fund	" 118

GIFT

to the IGUD YOTZEI SIN ACTIVITY FUND
from the Estate of Frida GRAUER

US\$ 10,000

AUSTRALIA

From Roy and Gloria STEWART in memory of Gloria's dearest parents Solomon Davidovitch and Eugenia ZIMMERMAN	A\$ 70
" Vera KARLIKOFF for the IYS Social Aid Fund	" 150
" <u>Hannah STERN</u> for the IYS Social Aid Fund	" 30
" Naomi and Jesse TRACTON for the IYS Social Aid Fund	" 250

DONATION

From Harry TRIGUBOFF
for the IGUD YOTZEI SIN Activities

A\$ 10,000

ISRAEL

From Flora FREIMAN in memory of her husband Bob FREIMAN and her sister Sophie and Mark SAKKER	NIS 2,000
" Rasha KAUFMAN in loving memory of TEDDY	" 1,000
" Reuven BOMASH in memory of his mother Musia BOMASH	" 180
" Genia LEYMANSTEIN in memory of her PARENTS	" 180
" Tamar NISSANOV in memory of her parents Yakov and Fania KESLER, and her sister Batsheva GOLDSTEIN-KESLER	" 500

In lieu of flowers for ROSH HASHANA

From	ANONYMOUS	NIS	180	From	Yosef JACOBSON	NIS	220
"	Inna GLOBIN	"	200	"	Serafima RIBINICK	"	200
"	Emmanuel INGERMAN	"	300	"	Miriam YAKIR	"	100

IYS ACTIVITY FUND

ISRAEL

From	Giora and Ilana LESK in memory of Danny and Musia BERKOVITCH for Rosh ha-Shana					NIS	20,000
"	Giora and Ilana LESK in memory of Danny and Musia BERKOVITCH for Passover					"	20,000
"	Flora FREIMAN in memory of her dearest husband Bob FREIMAN, and her sister Sophie and Mark SAKKER					"	2,500
"	Israel KARNY in memory of his parents Mina and Mark KRIMCHANSKY					"	500
"	Yossi KLEIN toward the IYS Activity					"	500
"	Jacob (Yaki) MATLIN for the IYS current activities					"	200
"	Matanya Tiktinsky for Teddy Kaufman's book "The Jews of Harbin live on in my heart" (in English)					"	60
"	Eli KAMA for the IYS activity (for the annual calendars)					"	50
"	Eli ALGOR for the IYS activity (for the annual calendars)					"	50

74

SYNAGOGUE FUND

ISRAEL

From	Miriam SHAHAM in memory of her mother Riva HOFFMANN					NIS	150
"	Pnina TRAYBER in memory of her father Yakov BRANDT					"	150
"	Miriam SHAHAM in memory of her father Yakov BRANDT					"	150
"	Ruth KALFUS toward the Synagogue Fund					"	200
"	Inon PERRY in memory of his father Yitzhak (Issai) PERSOFF					"	200
"	Ariella GALANTY in memory of her mother Sophia STERNFELD					"	500
"	Genia KAUFMAN in memory of her parents Musia and Pana SAMSONOVICH					"	360
"	Rika HON in memory of FAMILY MEMBERS					"	100
"	Eli KAMA in memory of FAMILY MEMBERS					"	50
"	Esther YARHO in memory of her parents Iza (12th Yahrzeit) and Aharon (21st Yahrzeit) YARHO, and in memory of her grandparents Esther (78th Yahrzeit) and Avraham (61st Yahrzeit) YARHO, and Enya (45th Yahrzeit) and Michael (54th Yahrzeit) KONDAKOFF					"	600
"	Esther YARHO in memory of her uncle Shlomo (Monia) (50th Yahrzeit) YARHO					"	100
"	Esther YARHO in memory of her aunt Luba (10th Yahrzeit) BRUNNER					"	100
"	Baruch LEVITIN in memory of his father Alexander (Shura) LEVITIN					"	120

SCHOLARSHIP FUND

CHINA

From	The EMBASSY of the PEOPLE'S REPUBLIC of CHINA in ISRAEL for the Israel-China Friendship Society's current activities and student scholarships					US\$	20,000
------	---	--	--	--	--	------	--------

'Hello, Shanghai! I am here to find my roots'

Xinhua News

Schaefer's parents, China

"It's always been in my dreams that one day I would come to Shanghai and visit the places where my parents had spent their lives during WW II." Horacio Schaefer, the 64 years old Principal Violist of the Sao Paulo Symphony Orchestra of Brazil, told reporters on the evening of February 14th, when the Orchestra held its premiere at the Shanghai Grand Theatre for their China tour.

Unknown to the majority of the audience, Schaefer had spent the day before, accompanied by his colleague, on visiting the Shanghai Jewish Refugees Museum and

tracing his family "roots".

Schaefer has been searching his family roots for some time. His mother came from Berlin Germany, and his father was born in Poland, both had to escape the atrocity against Jews during WW II.

Schaefer's parents

They were fortunate enough to have obtained visas to China and arrived in Shanghai in 1939. While they were later constrained

in the "segregation zone", also known as the "Shanghai Ghetto", by the Japanese invaders who occupied Shanghai at that time, they managed to have survived during that most difficult period of their lives there.

In the midst of the war, Schaefer's father became very ill. His mother tried her utmost efforts to save him while they were restricted by the Japanese in the ghetto. Fortunately, his parents received some assistance from Chinese residents nearby with whom they forged a deep friendship with.

Under his mother's tender care, his father eventually recovered from his illness, and celebrated the victory together with Shanghai residents when the War ended.

Schaefer visiting the Shanghai Jewish Refugees Museum

"I was looking forward to having this 'root seeking' journey for many years. When I went on to the internet to search for information, I immediately found the Shanghai Jewish Refugees Museum webpage and learnt that the museum may help me to 'discover the past, so off I went. The museum staff were very nice

and took me to see where my parents were most likely to have lived", Schaefer said.

With the assistance of Mr. Chen Jian, the curator of the Shanghai Jewish Refugees Museum, Schaefer found the names of his parents and his uncle Alfred, among those 13,732 names

listed in the "Wall of Shanghai Jewish Refugees" - "LUDWIG SCHAEFER; SILVA SCHAEFER; ALFRED SCHAEFER".

"Although I did not have a specific address of the place where my parents used to live, Dr. Chen took me to the area where most Jewish refugees were clustered at that time. By looking at those old houses over there, I suddenly felt the emotional connections."

In 1949, Schaefer's parents left Shanghai and joined their relatives in Brazil where the young Schaefer was born in 1955. Schaefer's uncle Alfred went back to Berlin.

After Schaefer's parents passed away in 1997 and in 2001, he developed an increasing sense of urgency of root seeking. **The story should not end here, he thought.**

"Today's Shanghai is such a cosmopolitan city, so beautiful and livable. I think I will be back again very soon, maybe next year. I plan to donate all the old items my parents collected in the past to the Shanghai Jewish Refugees Museum. It's time for them to return to China where they belong."

**Writer / Xu Xiaoqing, Liu Long,
Ren Yaoti Translator / Ai Wu
Editor / Bill**

Goodbye Shanghai:

A Memoir by Sam Moshinsky

76

Sam Moshinsky spent his first 17 years in Shanghai, and as with many White Russians who fled to China, the fact of his statelessness meant that, despite the wars, change of regimes, and evolving political landscapes that formed the backdrop of his life, Shanghai, and its Russian Jewish culture and

community were his home. Sam is a terrific storyteller, weaving the details of his young life, of family life and the traditions of the Russian Jewish community, and the sweep of history that created global changes during the interwar years.

Historic Shanghai - Nov 2018

Your donations
are greatly appreciated
Many Thanks

My "Talmud Torah" days - Jewish School in Harbin

By Dina Vincow (Lichomanova)

For many of us Jewish children born in Harbin, "Talmud Torah" was the starting point of our learning and a determining factor in our lives. My memories of "Talmud Torah" belong to a different, later period. I attended this school between the years 1939 to 1947, and I would like to describe here some of my personal recollections of these years of being a student at "Talmud Torah.

Here is my earliest one. I am told that I am going to be attending kindergarten. My mother brings me to a large sunlit room with low tables and stools. Apparently, I am happy to stay there (I let my mother leave me there without a fuss). The classroom of our kindergarten is the largest and the brightest of all classrooms, the one on the first floor with its windows facing to the "Konnyaya" street. The most memorable people for me in this room are Moreh(teacher) Nadel, or as we were accustomed to address him, Ademoreh (short for Mr.teacher), and a teachers helper, Luba Slutzker, a young beautiful girl, whose hand we were all fighting to hold when we were asked to form a circle. I like making little woven mats from strips of colorful shiny paper and love to use the sticky glue.

But we also are doing some serious learning: Ademoreh takes me aside and lets me read in a book which teaches the Hebrew alphabet. I read words like" booba"-doll, "sal"- basket. Apparently I am learning to read in Hebrew. We

have posters with pictures hanging on the wall. One of the posters has pictures of animals, another one of musical instruments. Ademoreh is pointing to various items and names them, we repeat after him and are learning Hebrew words.

Music is an important part of o,' a small organ that requires pumping with feet to make the keyboard play. Our teacher Nadel plays and we stand around and sing Hebrew songs with words that we do not really understand, but we absorb them with ease.

On some of the holidays there are special stage performances, and we rehearse skits and choral presentations. For my first "Chanuka"(candle lights holiday) stage appearance, my mother helps me memorise some lines in Hebrew. Neither she nor I know what we are saying, but I remember the wonderfully festive mood of the Channukkah celebration and the blessing for the lighting of the candles on the stage as little Shurik Feingold sings them. Somehow this memory always comes back to me each Chanukah time.

I recall listening to a speech given by Doctor Abraham Kaufman on our school stage. I was quite young at the time but I knew that it was about the Land of Israel. My mother, who also listened to the speech, was full of admiration for the speaker and commented again and again about what a wonderful orator Dr. Kaufman was. (I also remember that he came to our house as a doctor. My two year

old brother was very sick. He was treated by another doctor at the time and was getting worse. Dr. Kaufman diagnosed that my brother had pneumonia and took care of him.)

The school stage brings up many memories for me. There were many occasions when I stood on that stage throughout my years at school. I will describe one particular one later.

It is winter and, while we are waiting for our mothers to come and pick us up, we put on our coats and our rubber boots over our shoes with the help of one of the two Chinese man who work for the school as the janitors and caretakers: "Vasilii" (Vasia) the tall and slim guy, and "Ivan" (Vaniya), the short and chubby one. They take care of us and of the building, serve us hot tea at lunch time as we sit at long tables and eat the sandwiches we bring from home. There is a single slice of bread that is served to each of us. I think it was done in case someone comes to school without a sandwich from home.

At home we do not keep" kosher", but I carefully instruct my mother not to give me anything that is not "kosher" for lunch. My peers are watchful and would make my life difficult, if they would see something of that nature.

There is noise in the lunch room, everybody is talking at once, but not for long. We hear our teacher" Slutzker rushing into the room with words of admonition:"Sheket

udmama!!” We quiet down for a while. After lunch the older kids are called upon to read the short version of “Birchat Hamazon” (food blessing). Only on rare occasions they call me to participate as well.

The lunch room is also the main hall where we spend our recess in the wintertime. I watch the older boys exercise on parallel bars and other sports equipment like the rings. They seem to me so grown up. The school had six grades at this time so they must have been about twelve or thirteen year old.

Moreh(teacher) Nadel was still our teacher in the first and the second grades. He was serious but not condescending. He treated us with respect. But he had some lighter moments as well. On occasion he called our attention to the fact that his two eyes were of different colors: one blue and one brown.

The very special time for me was when Nadel taught us the narrative of the holidays: Passover, Purim and more. He did it in Russian, of course. He was a master story teller. He told each story in several sessions, and we could not wait to hear the next instalment. We were so involved in the story, that we hated to hear the so of Passover when Moses is standing at the burning bush. We are told: “And then he heard...” This is when we hear the bell that announces the end of the lesson period. We are begging our teacher to go on with the story, but he tells us that we have to wait till the next day to hear the rest. Everybody sighs with disappointment but is looking forward to tomorrow.

In teaching us the Bible books, Nadel mixed the biblical text with the “peirushim” and the “Agaddah”. Many of the things I learned then stayed with me for

life.

When we were in the second grade a special event took place: on the second day of Passover we were invited to visit Moreh Nadel and his wife Rachil Isaakovna, who was our math teacher, in their apartment. The Nadels lived on the second floor behind the main school building. I was very excited and somewhat nervous about visiting the home of my teachers. But I also felt very privileged. We were given some refreshments, played games with walnuts and had a good time.

In those first two or three years we learned to read and to write Hebrew. Obviously, we did the same in Russian. While in kindergarten, we were briefly exposed to some English by Mr Elkind, but then came the war. The study of the English language was now forbidden in the Japanese occupied territory. Instead we began learning Japanese with Dinda San, a Korean woman who was probably not the best of teachers. In her culture she was accustomed to disciplined students. We, a small group of Jewish children, apparently did not meet her expectations in that regard, and she showed us her dissatisfaction. We, in turn, paid her back by misbehaving and doing mischief. Even though I was a timid soul I got into trouble with her at times. The motivation to study Japanese was somewhat lacking, but in spite of it I learned to read “katakana” script. Aside from the lessons in Japanese language, we all memorised the words of the Japanese and the Manchu- -go national anthems. We also observed a daily moment of silence in memory of the Japanese soldiers that fell in the war.

The war marched on. In the last

couple of years we sat in freezing classrooms. I remember having to wear our coats and gloves during the lessons and, on a few occasions discovering that the ink froze in the inkwell. We did not know then how lucky we were to live in that remote corner of the world named Harbin where we only had to deal with the shortages of material goods and not the disaster that befell all the European Jews.

Sometime in the beginning of the forth grade, I became sick with what was at first diagnosed as a strep throat infection, but turned out to be diphtheria. A few other children came down with the same sickness. One of them, Difa Fonaroyova died. For me, the aftermath of diphtheria resulted in many months of “complications” from the disease. I missed a good portion of the school ye on to the next grade. The one thing that I did not make up was learning to read the more advanced Japanese Hiragana script. Luckily, by the time I was in the fifth grade the war ended and a whole new era began for as at our Talmud Torah school. It was 1945. The Russian Red Army came to town. In order for it to continue to exist the school now had to restructure its curriculum in accordance with the Soviet school model. New teachers were hired. They were educated Russian émigrés who were well qualified to teach subjects like Roman History, Algebra, Geometry and Russian Grammar. The number of students per classroom was very small at this time. In the fifth grade we had only 5 or 6 students. We were getting an excellent “private” education. Our Russian teachers were caring and dedicated. I remember sometimes wondering about how they really felt about us, Jewish kids, thinking of the anti-

Semitism that was associated with the White Russians. One of them, Boris Ivanovich, was a former White Army officer. But I only remember their efforts to educate us, and I hope that they enjoyed their work. I do not remember the name of our history teacher any more, but I do recall that when her husband died during the school year and our whole class attended his funeral at the Cathedral in Noviy Gorod. There was an open casket and it made a strong impact on our young minds.

A very special presence was Galina Gregorievna -our teacher of Russian language and grammar. She was such an energetic, enthusiastic and dedicated presence. She was very strict and completely determined to make us literate in Russian. What I learned from her served me well later on in life when I as a student at the University of Washington, I myself was given a chance to teach Russian to American students.

Our education in Hebrew continued in spite of the pressures of the new curriculum. Moreh Slutsker was strict and most of us behaved in his presence. In general I think that, because we were such a tiny group of children, we were somewhat spoiled and did not learned proper behaviour in a classroom. Talmud Torah of my time was a very protective and pampering environment for us.

In the Hebrew lessons of that period, I remember studying the book of Isaiah. We were supposed to memorise each chapter by heart. This was a difficult task. Moreh Slutsker let us get away with having an open book on the desk in front of us, so that when I was asked to recite the chapter, I would peek at the lines to keep myself going with the recitation.

In addition to the Bible studies, at some point we were reading the stories by Peretz in Hebrew. This was a big stretch for us.

But later on I found out that whatever I learned as a child in "Talmud Torah" became a strong foundation for my future learning in Israel. It allowed me to begin speaking Hebrew a very short time after arriving. I am so grateful to all my teachers for what they gave me.

When we were in the sixth grade, the final grade of "Talmud Torah" at that time, all of us (parents and students) became aware of the fact that in the Soviet educational system the primary education consisted of the completion of seven grades of school. It made good sense, therefore, for our school to add another grade. We, the students, were strongly motivated to lobby for it. For us it meant staying another year in our familiar and protective environment and having the advantage to farther our Hebrew education. But how could this be accomplished? We became aware of the fact that it was a matter of funds which the school did not have. Before that situation I personally never knew how much my parents paid for my schooling but had a vague notion that the tuition in our school depended on the financial status of the family. Now we all became aware of the fact that our school existed largely because of the generosity of the community philanthropists. So we were advised by our parents and our teachers to turn to the individuals who could help us. By this time, I think, there were just the four of us: myself, Mark Goldberg z.l., Shurik Faingold z.l. and Alik Fainman. We had to convince the community leaders that it was

a worthwhile project to which they were asked to contribute. We prepared a program of part entertainment, part speeches of appeal. In the entertainment part we wanted to show how much we have learned and in the appeal part we expressed our desire to learn more in Hebrew studies. I remember standing on our stage and delivering some convincing arguments about our request. I was very nervous and I am not sure who was in the audience that day. I wish I could remember the names of the individuals who so kindly responded to the four Jewish kids who asked for a lot of money so they could have another year of the very special education that Talmud Torah had to offer. The event was a success and we were given that chance.

The building of our Talmud Torah is no longer there, but I can still see it very clearly in my mind: the way we entered it through the yard and the back door, the dark walls of the corridor, and of that corridor, the classrooms and the room that the principal German Yakovlevich and the teachers used, and finally the main hall and the stage. It all looked very big then, but probably was not that big after all. These are my beautiful memories that I share with all of those who had the privilege to have been students in the "Talmud Torah" of Harbin.

(This last summer I had the chance to meet with a few of my friends at "Beit Ponve ".With many of them, my friendship started at the Talmud Torah. It was a very happy occasion for me. It made me think of our school and our special little world).

**April 2019 - By Dina Vincow
(Lichomanova)**

Jewish studies flourish in Chinese universities

Post navigation - By Jesse Adler

NANJING, China - On Christmas Day, at the invitation of the director of China's National Institute for Jewish Studies, my Hopkins-Nanjing Center classmate Benjamin Miles and I discussed the Jewish American experience with an audience of 200 students at Nanjing University. During the two-hour talk, we first outlined the history of Jews in America, discussing various waves of immigration and what made each group unique. We shared personal insights on Jewish youth culture and identity, comparing regional and international divergences, which included a comparison of New York and Los Angeles, as well as the United States and Israel. The audience was highly engaged and particularly interested in understanding the roots of anti-Semitism in the West, as well as Jewish perceptions of China. For most people in the audience, this was their first time meeting Jewish people their own age.

Nanjing University is unique amongst Chinese universities in that the school houses a research institute dedicated to Jewish studies - one of the first of its kind to open in China. It was founded just four months after the establishment of diplomatic relations between China and Israel in 1992. Since then, about a dozen similar institutes have opened across China, in far-flung locations such as Yunnan, Henan and Heilongjiang provinces.

Jesse Adler presenting on the Jewish American Experience to students at Nanjing University (Photo credits: Lai Chuxuan, HNC '19)

But the emergence of Jewish studies in China goes back to the early 1980s. As China began experimenting with economic and social reforms, and as more Chinese students set out to study abroad, Chinese people came face-to-face with more Jews than ever before. What they encountered was a "Jewish people" who strongly valued family, their ancient history, and the pursuit of professional achievement - not unlike the Chinese themselves.

Interest in Jewish studies in China has spread for various reasons. One reason is the necessity for Chinese businesspeople and policymakers to understand Israel, a self-proclaimed "Jewish state" with a population that is three-quarters Jewish. Economic synergy between the two countries has never been stronger, with bilateral trade growing from \$50 million in 1992 to over \$13 billion as

of 2017. China is Israel's largest trading partner in East Asia and China invests billions of dollars a year in Israeli tech firms.

Another explanation for the rise in Jewish studies in China deals with complex questions of identity. Following our guest lecture at Nanjing University, multiple students privately expressed to me that Chinese people strongly envy the Jewish people because they are a "successful" ethnic group. They referred to the wide representation of Jews holding leadership positions in various industries, from Wall Street to Silicon Valley, and from Hollywood studios to centers of medical research. When a group of people that accounts for less than 0.02 percent of the world population is awarded 22 percent of all Nobel Prizes to date, the word "successful" tends to get thrown around. But who is a "Jew?"

While Israel has been called the "homeland of the Jewish people," it is not Israeli nationalism that unites global Jewry in the 21st century, but instead the sacred religious texts, passed down from generations, which shapes the notion of a common Jewish heritage. Judaism as an ethno-religion is categorically distinct from the ethno-nationalism that shapes identity in modern China. While mainstream society is dominated by the majority Han ethnic group, Chinese people are composed of

Continued on page 82

Ancient and Modern Foods from the Tarim Basin

By: E. N. Anderson

What in the World?

Painted ceramic figurines depict female servants in various stages of food preparation

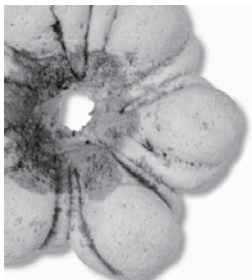
called a chuchure, is known as a traditional food in present-day East Central Asia.

From both early and late periods, we have strikingly lovely modeled flowers: a chrysanthemum, a plum blossom, and a seven-petalled flower. These flowers were probably more ornamental than edible, since they were likely made from stiff dough of wheat and water, and baked into rocky hardness. They may have served as religious offerings, since similar ornamental offering-pastries are produced in China today. Tang earthenware figurines also offer insight into food preparation in ancient East Central Asia. Women are depicted performing chores such as churning, baking or steaming, and rolling out dough. From earliest times until today, food in many areas of Central Asia was based on a classic Middle Eastern crop roster: wheat, barley, and sheep products, with cattle, horses, goats, camels, and other livestock playing important roles. Wheat was a staple, and barley was also heavily used. Barley does not bake well, but it does produce a good crop under conditions so dry or salty that nothing else will grow. Dairy products were probably far more important than meat, as in other traditional Central Asian societies. Grapes and other fruits are well known from historic sources.

Walking through the exhibition Secrets of the Silk Road, one is amazed at the well-preserved mummies and colorful textiles. But perhaps the objects that we can identify with most are the food items that may have been meant to nourish the dead in the afterlife. Is that a spring roll? A wonton? Yes, and they are remarkably similar to what one would purchase in China today.

support populations in such an arid environment, so finds of actual food products - excavated more commonly in places like Egypt - are rare. Scholars that study ancient food must generally rely on mentions in ancient texts, animal bones or seeds, or, at best, food that was thrown into a bog where the airless, acidic environment preserves organic remains.

Secrets of the Silk Road includes six small food items, all based on wheat. A fried twist of short spaghetti-like dough strands is dated to the 5th to 3rd century BCE. Such food can be found in northwest China today. One might assume that other noodle dishes, particularly soups, were regular fare during antiquity, as they have been for a long time in the area. From the Tang Dynasty (7th to 9th century CE), we have part of a spring roll and wonton, both virtually identical to modern versions of the same food. Although we do not know exactly what is in each one, both were stuffed with a filling. A similar type of wonton,

This flour dough dessert, in the shape of a plum blossom, originally contained fruit in its center. Some flowers like this may have been ornamental and not meant to be eaten

The extremely dry climate in the Tarim Basin preserved this food. Few areas of the world can

Two species of millets also came from China and were used for porridge. In Central Asia, however, they were always a minor crop,

Left, the dough in this spring roll was rolled out, wrapped around a filling then fried. Right, a wonton is made of rolled dough that is wrapped around a filling and boiled. Wontons are often found in soups

since they do not produce good baking material for bread, a staple that linked the region to the Western world. Rice, now a staple in the Tarim Basin, is not attested from early times. Judging by what is preserved, the diet in this region likely resembled that found in the most remote parts of Afghanistan and Pakistan up until a few decades ago: bread, a little yogurt, fruit, and some herbs to accompany the

meal. On a rare festive occasion, meat, cheese, and butter might have also been eaten. Wine and beer were probably available. The rivers afforded some fish, known as laks or lakse in the Tocharian languages.

Dumplings of all kinds remain important in this area. They are

This twisted fried dough, over 2,000 years old, was found in a tomb on a red lacquer table. It was made from flour and twisted by hand

usually called by some variant of the word mantu, but they are ashak in Afghanistan and momo in Tibet. Dumplings are of uncertain origin and span across Eurasia from quite an early period. The small dumpling would have been

called mantou (or mantu) in China during this time, while today its name is jiaozi.

A Persian-style flat bread - often sprinkled with sesame seeds and baked by sticking it to an oven wall - was probably the staple food in Central Asia. Its modern Farsi name, nan, is derived from the familiar pan. This bread reached China by the Tang Dynasty, brought by Iranian refugees and traders. Its descendents survive today as the shaobing, which is traditionally baked on a heated pot wall, and the huge sesame breads of northwest China, which are now steamed rather than baked. No one seems to know when the huge tander-style oven was developed, but it is certainly very old in the region.

With further discoveries of intact burials in the Tarim Basin, we will likely find more preserved food. Perhaps we will develop a greater understanding of how food traditions traveled along the many routes that made up the Silk Road.

Continued from page 34

a total of 56 ethnicities, who are bound not by a sense of shared religious heritage, but instead to the concept of Chinese nationalism as propagated by the Communist Party. For the Chinese, to desire to be a "successful ethnic group like the Jews" is to raise complex questions of identity. What does it mean to be Chinese in the 21st century?

In recent years, many bestselling business guides in China have sought to decode the Jewish people, instructing the Chinese how to emulate the best practices of Jewish businesspeople to succeed in negotiation, develop corporate

strategies and provide advice on money management. These texts reinforce stereotypes of Jews that have traditionally been found in Western countries. Chinese writers tend to stereotype Jews in a positive light, holding Jews up as a people who the Chinese should strive to emulate.

As anti-Semitism continues to resurface in the West, more Jews may begin to look east to countries that have traditionally lacked a culture of anti-Semitism as places to study abroad, work or even settle down. Already, cities such as Shanghai and Harbin have opened Jewish history museums, appealing

to Jewish tourists seeking to better understand the history of their people in China. Synagogues are tolerated in multiple Chinese cities, and China-Israel relations have only grown more robust. And for the 200 students who attended our guest lecture, they can bet this wasn't their last interaction with Jews of their generation.

Jesse Adler is a HNC Certificate '19/SAIS M.A. '20 student currently completing his Certificate at the Hopkins-Nanjing Center before starting at SAIS DC next fall.

**The SAIS Observer Staff
March 7, 2019 News**

BOOK REVIEWS

Memoirs: Russians in old Shanghai

Memoirs: Russians in old Shanghai

Shanghai's extraordinary Russian community left its mark on the city's architecture, cuisine, lore, and in richly described memoirs of an unique period in history. Ahead of our August 21 2016 walk, "Russians in the former French Concession", Historic Shanghai reviews a few of our favorite memoirs of Russians in old Shanghai.

Russian at Heart: Sonechka's Story, by Olga Hawkes with John Hawkes

Russia's turbulent Revolution has torn Sonechka Balk's family apart, and the orphaned Crimean noble flees to China en route to the U.S. - but finds herself stranded in Shanghai between the wars. Daughter Olga, who was born in Shanghai, drew

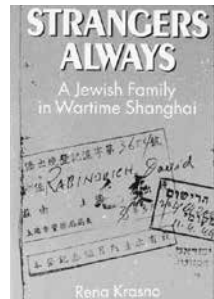

from her mother's diaries, rich memories and stories to tell Sonechka's remarkable story and that of the émigré White Russian community, in Shanghai between the wars in this richly detailed biography. Illustrated with historic photos, Russian at Heart brings to life a fascinating community at a fascinating time in history.

Strangers Always: A Jewish Family in Wartime Shanghai, by Rena Krasno

Born Shanghai in 1923, Rena Krasno tells a powerful coming of age story drawn from her own adolescent diaries, with

details that give it the freshness and immediacy of an eyewitness account. Rena tells the story of her life in the Shanghai of the 30s and 40s from the perspective of someone with deep family roots in the city's Jewish community, describing

how events were perceived and felt in this rapidly changing environment, as the Japanese occupation and the Holocaust brought a wave of refugees. First published in 2000, Rena's voice and her contemporary journals make it one of the finest books of this period of Shanghai's history. **Historic Shanghai – Nov.2018**

READING IS LITERACY IN MOTION

OBITUARIES

With deep sorrow and sadness we announce the passing of
the deputy chairman of the Igud Yotzei Sin,
the chairman of the Israel-China Friendship Society

Ran (Ronny) VEINERMAN

Passed away on June 20, 2019 in Haifa, Israel

We extend our heartfelt condolences to his entire family

IGUD YOTZEI SIN

84

I
g
u
d

Y
o
t
z
e
i

S
i
n

It is with great sadness that we announce the passing of
the former chairman of the Israel-China Friendship Society,
the former vice-chairman of the Igud Yotzei Sin

Teddy PIASTUNOVICH

Passed away on April 30, 2019, in Kefar Saba, Israel

We extend our sincere condolences to his wife JENNY and family

IGUD YOTZEI SIN

IGUD YOTZEI SIN

is deeply saddened by the passing of our lifelong member and friend

Bella GOLDREICH (nee Segerman)

We extend heartfelt sympathy to her sister Rasha KAUFMAN,
daughters ELLA, SANDRA, TANIA and their families

IGUD YOTZEI SIN

deeply mourns the passing of our lifelong member and friend

Avram GOLDREICH

We extend heartfelt sympathy to his sister-in-law Rasha KAUFMAN,
daughters ELLA, SANDRA, TANIA and their families

IGUD YOTZEI SIN

is very saddened by the passing away of our devoted friend

Dora WAINER (nee Segerman)

Passed away on July 2, 2019 in New York, USA

We extend heartfelt sympathy to her sister Rasha KAUFMAN
and the entire family in USA and ISRAEL

Heartbroken on the passing of my very beloved sister

Dora WAINER

May her soul rest forever peacefully in heaven

RASHA and family

I deeply grieve and mourn the passing of my lifelong friend

Dora WAINER

and extend my love and sympathy to RASHA, LOUISE, AUDREY
and their families

Isabel SHARON

I am very saddened by the passing of

Bella GOLDREICH and Dora WAINER

With my heartfelt sympathy and love to their sister Rasha KAUFMAN

Cecilia LYUBMAN

I am deeply saddened by the passing of my lifelong friend

Dora WAINER

and send my heartfelt condolences to her children AUDREY, LOUISE
and their families

Luba TUCK and family

We are deeply saddened by the passing of our dear lifelong friend

Dora WAINER

She will be sorely missed

Heartfelt condolences to LOUISE, AUDREY, RASHA and family

ESTHER, LANIE, ALAN and family

I am deeply saddened by the passing of my lifelong friend

Sophie SAKKER

and express my heartfelt condolences to her son SAM, daughter SHELLY,
sister FLORA and their families

Hanna STERN and family

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of

Stuart URAM

in New York, USA

and extends heartfelt sympathy to his wife Lilly LANGOTSKY

IGUD YOTZEI SIN

is deeply saddened by the passing of

Bertha ELKIN

and extends heartfelt sympathy to her daughter Ilana ELKIN JONES

IGUD YOTZEI SIN is deeply saddened by the passing of

Dora LEE (nee Vidumsky)

in Riverdale, NY, USA

and extends heartfelt sympathy to her cousin Etie GINANSKY,
and to her entire family

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of

Mira PISETSKY (nee Sandomirsky)

and extends heartfelt sympathy to her entire family

She is deeply mourned by her friends

IGUD YOTZEI SIN is very saddened by the passing of

Michael DUNKELMAN

in Netanya, Israel

and extends deepest sympathy to his daughters ANAT, TAMI and YAEL

and their families

IGUD YOTZEI SIN

is very saddened by the passing of

Shmuel GLOBIN

and extends heartfelt sympathy to his wife INNA

IGUD YOTZEI SIN

deeply mourns the passing of a lifelong friend and devoted member

Clara SCHWARTZBERG

in moshav Amikam, Israel

May she rest in peace

IGUD YOTZEI SIN deeply mourns the passing of
our lifelong and devoted friend, native of Manchuria

Hanna STERN (nee HALETSKY)

Passed away in Sydney, Australia

We extend our heartfelt sympathy to her family

In loving memory of our beloved father, grandfather,
great grandfather and uncle, native of Harbin

Aron SLOUSTCHER

1924 - 2019

May his soul rest in peace

EILAN & JACEY, EITAN & SARA
LIORA & SHALOM
and all their family

IGUD YOTZEI SIN deeply mourns the passing of a lifelong friend

Aron SLOUSTCHER

in Walnut Creek, CA, USA

and extends sincere condolences to his entire family

IGUD YOTZEI SIN

is saddened by the passing of

Nina KEREN (nee Gershgorn)

and extends heartfelt sympathy to the KEREN family

IN MEMORIAM

Ronnie [Ran] Veinerman [1940-2019]

I became acquainted with Ronnie Veinerman in 1995 when we were both at the end of the 50s and beginning our 60s! Teddy Kaufman, the mythological chairman of Igud Yotzei Sin asked us to volunteer and help him in the management of the Igud just as I and my contemporaries are asking those younger than us to do so today ...

The journey of Ronnie and his family to Israel at the beginning of 1949 took about two months across the Pacific Ocean to San Francisco, and then across the United States to New York. From there they took ship to Italy, and then a boat to Israel until at last, at the end of March, they arrived in Haifa where his family settled for the rest of their lives.

This entire long journey was done by the Veinerman family without the father – Albert, who was separated from it because the American authorities thought he might have been ‘tainted’ by Communism, and he arrived in Israel by air in advance of them. (The story of his journey from Shanghai to Israel is described by Ronnie in an article published in Bulletin 416, Sept. 2017).

Ronnie spent three school years in Kibbutz Mishmar Haemek, continued on to high school, and then took up studies in building construction at the Technion. From 1963 he began working in the profession he had acquired. In 1964 he married Hadassah, a high school teacher.

In 1970, he began a long period of work in pre-revolutionary Iran where he was employed in an Israeli construction company building civilian and military projects in underdeveloped areas of the country. Between the years 1972-1978 he was engaged in construction work in a large area of a military airfield. During this long period in Iran, Ronnie made many friends among the people with whom he worked.

Ronnie and Hadassah had two children: a daughter Tali, born in 1965, who graduated from Haifa University and works in Special Education, and a son, Dan, born in 1970, who served in the standing army, completed two academic degrees, in law and in business management, and works in a large law firm.

On his return to Israel, Ronnie worked in a kibbutz construction company during the years 1978-1995, after which he was engaged in acquiring international quality standard certification for large construction companies in Israel with the help of the Standards Institute of Israel. Ronnie continued working in this field independently after his retirement, and according to my impression he enjoyed it very much. As in

all his working life, Ronnie made many friendly contacts with people!

Besides our regular jobs, we both continued our volunteer activities in Igud Yotzei Sin as deputies of Teddy Kaufman, the veteran chairman with his wide-ranging knowledge of China Jewry, and both of us enjoyed the many, fascinating stories he told us.

Ronnie and I were in China in 2007 as members of a delegation to a conference organized by the Chinese authorities in Harbin, and we also visited Shanghai. At the moment Ronnie set his foot on Shanghai land he was in the seventh heaven! He was intensely overjoyed to return to the places of his childhood and remembered in detail the area in which he had lived and the names of his neighbors.

We cooperated, Ronnie and I, for about 25 years in Igud Yotzei Sin, and always knew how to solve problems and find solutions or good compromises, and I do not recall a single misunderstanding between us.

I miss you very much, my dear friend!!!

**Yossi Klein - Chairman
Igud Yotzei Sin**

**Ran we miss you
Rest in peace
Flori Cecilia Inna**

IN MEMORIAM

Theodor [Teddy] Piastunovich [1934-2019]

Teddy's father, Lev Piastunovich, arrived with his family at the railway construction area in China at the very beginning of the 20th century when everything there was being built up from the ground up. His father, Joseph, built a factory for the production of sausages in Harbin, but his son Lev, dreamed of medical studies and was sent by his father to study at the University of Tomsk in Russia. During this period, Lev was instilled with a sense of Jewish nationalism and began his Zionist activities which he passed later on to his son Theodor (Teddy).

When Lev returned to Harbin, he became an activist in Beitar – the Zionist youth movement, which had begun its activities in the independent region of the railway construction in Manchuria. Lev Piastunovich was quickly chosen to be the captain of Beitar in Harbin. In 1932 he married Hannah Kushnir and they went to live in Tianjin (Tientsin). There he quickly found his way into Zionist activities and in 1933 was appointed by Jabotinsky as the representative of Beitar in China. In time, he was also appointed chairman of the Jewish community in Tianjin.

In 1934, his son was born and was, of course, given the Zionist name of Theodor. When he attained the right age, Teddy began studying at a Jewish school where teaching was conducted in the English language. In addition, they studied Russian and Chinese, and Teddy was assisted by a private tutor in

learning Chinese. He also gained the knowledge of basic Hebrew, the Bible and Jewish history, and the family retained the observance of Jewish traditions. Russian was the language spoken within the family circle.

During the years under Japanese occupation of Tianjin there was a building for Japanese intelligence officers near the Piastunovich family home, and many Japanese lived in their neighborhood. This enabled Teddy to learn Japanese as well.

When the Second World War ended and the State of Israel was established, a mass emigration of China Jewry began. The Zionists wanted to reach Israel, and Jews in general wanted to be reunited with their relatives in the free world and to live tranquil lives. Lev, Teddy's father, flew to Israel in 1948, and a year later returned to Tianjin. In 1951, when the family moved to Israel, Lev became one of the founders of the Association (Igud) that was then called "The Association of China Immigrants" and was elected as the first Chairman of the Association until he moved to Japan where he worked in the Eisenberg companies.

At the age of 17, Teddy enlisted in the Nahal Brigade, and a year later joined the Air Force. He served for 14 months as an aircraft

mechanic. After his discharge, he worked for five years as a mechanic in El Al. In 1960 he married Jenny who had studied pharmacology in Belgium. And in 1964 he completed his studies in electronics in London and was offered a job in the Eisenberg companies in Tokyo, Japan, working there together with his father. But in 1976 he left the Eisenberg business empire and moved to Hongkong where he opened two restaurants.

His daughter, Karin, after completing her university studies in Israel, now lives in Japan with her husband. She has an M.A. degree in Ecology. Ariela is also a university graduate in Israel with degrees in Psychology and Social Work, and is now living with her husband and son in San Francisco. Throughout the years of life and work in the Far East, Teddy was active in Jewish community affairs in the cities in which he lived. He cooperated with Igud Yotzei Sin, and among other things, initiated the establishment of the first Internet website of the Igud.

Teddy will be remembered in Igud history as the one who brought modern computerization to the Igud.

Teddy will be remembered for introducing modern computerized technology to Igud Yotzei Sin.

**Teddy we miss you
Rest in peace
Flori Cecilia Inna**

In Memoriam: Denise Yeh Bresler, z'l

By Eric Rothberg

A Tribute

Denise Yeh Bresler, cherished wife of Jack Bresler; beloved mother of Michael (Rivka), Daniel, and Gabriel Bresler; and longtime SJI Managing Board member; died on October 19, 2018. May her memory and activism on behalf of the Kaifeng Jews be for a blessing.

I was greatly saddened to learn of the passing of Denise Yeh-Bresler, z"l. I knew her as Hemei Ayi (Aunt Hemei).

Denise and I worked together on many projects aimed at aiding the Jewish community in Kaifeng. It is hard to sum up the work that we did, but suffice it to say that we spent long tireless hours on it. We sacrificed our time to try and make a difference. We had a great deal of optimism for Kaifeng Jewry during those years.

Denise was one of the pivotal figures in our group of volunteers. She found many people to join our volunteer efforts. In the summer of 2010, I returned from Kaifeng and began a regular regimen of online remote teaching at the school. Denise joined me after a few months and we began taking turns teaching biweekly. She helped me to transition into expanded volunteer efforts. Soon, enough volunteer teachers appeared that both of us could discontinue teaching and move on to other pressing issues.

Early on, I had struggled as one of the few Chinese-speaking

native English speakers involved in intensive volunteer services. Denise came as a gift from Hashem (God), and took a huge weight off my shoulders. I don't think I ever thanked her fully enough for her contribution. We were equal partners as remote volunteers/teachers. She was a driving force in our work. She was responsible for so much. Together we solidified Jewish cultural knowledge amongst our students, organized monetary and logistical support for the Beit Hatikvah school and its members, and embarked on an untold number of other projects. Denise and I made so many plans for our avodah (work/service) to the Kaifeng Jewish community, but we will never be able to fulfill them now. We succeeded in building up the Beit Hatikvah school into a strong, thriving communal institution. Built upon the alliance of the three clans (Ai, Zhao, and Li), this school experienced significant achievements.

As a board member of SJI, Denise was a true diplomat. Back then, we did our best to work with two other organizations, Kulanu and Shavei Israel, to maintain Beit Hatikvah's success. Together, our three organizations made for a thriving educational environment. Denise helped me to work between organizations, though we had both become SJI board members. Denise wanted the best for Kehillat Kaifeng, and she did

an amazing job in her work. She lobbied for our success, working with multiple organizations, rabbis, generous donors, and fellow volunteers.

While I might talk about the work I did, I would be a fool if I mentioned it without first thanking people like Denise who made it possible. If I failed in any way in Kaifeng, it was because I left the counsel of those like her - people wise beyond their years. While I have called Denise my fellow volunteer for all these years, she was really my mentor and dear friend.

After we had endeavored for some time on behalf of the kehillah, times came when things began to fall apart. This saddened everyone. I was not strong enough to continue our work. But, Denise never gave up, and never lost hope.

Though I mentioned some of the events and trials that we went through, what really matters to me isn't what we did or didn't do in our avodah (work/service). Today, I look at what really was. I look at the passion we had for what we did. I gaze into a past of hopes and dreams. What was most important? It was the times we shared together in such unbounded hope. The energy we gave to our work will never disappear, as long as the tiniest memory of it remains.

Denise made things REAL for me. She helped me to connect

the dots. We talked about life. We discussed the future. She was an amazing individual. Denise was incredibly driven and focused. Now I realize that people like her helped me to do whatever I did. We made history... NO, Denise made history. I wasn't from China, so I couldn't entirely understand my students. But Denise? As someone born in Taiwan, she could understand more completely. But, her understanding was not merely cultural or linguistic. Far from it! She had great kindness and compassion. Denise could really understand a person.

She looked into people's hearts and comprehended. She was an amazing and kind person, someone really fun and inspiring to work with. Denise explained things so clearly to our students. She could teach in ways that I couldn't. Her wisdom brought everyone together. Denise's dedication brought us to great heights. She represented everyone fairly. She served as a liaison to Kaifeng Jewry and helped them to broadcast their voice to the West. With all the time I spent with her over phone or computer, I regrettably never met her in

person. It's rather amazing that someone made such a difference in my life without ever meeting me physically.

Denise, I will remember you fondly. You helped me so much. You worked hard for a cause you believed in. I wish I had gotten back to you when I had the chance. I am only thankful that I was able to hear your voicemail message once more yesterday. Denise, everything seems like a lifetime ago. I'll try to remember the good times. I deeply miss you Hemei Ayi. God bless you. May you be remembered for a blessing! Amen ve'amen!

In Memoriam: Irene Eber

Irene Eber, née Geminder, was born in 1929 in Halle, Germany and died on 10 April 2019 in Jerusalem. An eminent Israeli Sinologist, she was the Louis Frieberg Professor of East Asian Studies (emeritus) at the Hebrew University of Jerusalem and Senior Fellow of the Harry S. Truman Research Institute. A beloved teacher, she was the author of some 13 books and over 50 articles, including *Chinese and Jews: Encounters Between Cultures*; *Voices from Shanghai: Jewish Exiles in Wartime China*; *The Jewish Bishop and the Chinese Bible: S.I.J. Schereschewsky (1831–1906)*; *Bible in Modern China: The Literary and Intellectual Impact*; *Confucianism, the Dynamics of Tradition*; pioneering studies of Yiddish literature influence in China and various essays on the sinification of the Kaifeng Jews. Her book, *The Choice - Poland, 1939-1945*, is a psychological analysis of coping with the destructive forces that engulfed her young life in wartime Europe.

**When someone becomes a memory
The memory becomes a treasure**

ISRAELITES IN CHINA

By Tiberiu Weisz

This topic of the Israelites in China has puzzled scholars and researchers ever since a limelight was shone on the remnant of the Jewish community in Kaifeng in 1605. On that day, a Chinese Jew named Ai Tian walked into the office of Mateo Ricci, a Jesuit priest serving in Beijing, and revealed that he was a descendant of Chinese Jews. It caught Ricci totally by surprise, and he was in disbelief. Nobody in the West had the slightest indication that Jews lived in China, let alone Jews of Chinese origin. After that meeting, a swirl of activities surrounded scholars, diplomats, missionaries, and Jewish travelers and adventurers in the West who embarked on a search for the Chinese Jews. They wrote reports, articles, and books that were cycled and recycled to explain this strange event in Western media, but none came close to explaining the story of the Chinese Jews. It did not help that the translation of the Kaifeng stelae by Bishop White (1873-1960) could not find any trace to biblical references in the Chinese text, nor did it help that the Jewish artifacts found in Kaifeng could not provide conclusive results of their origin (attributed to late 17th-18th century imports from Persia).

And of course it did not help that the dynastic Chinese language was very difficult to interpret, let alone make sense of in translation. The Chinese characters **youren** 猶人 for Israelites [Jews] appeared

in the earliest Chinese literature. They were a tribe and treated as such, but never occurred to Westerners or translators to verify their roots, though some Chinese commentators suggested biblical origin. Unlocking the mystery of the community without a thorough knowledge of literary Chinese proved to be elusive.

We almost got a break in the mystery of the Chinese Jews with the introduction of the term **youtairen** 猶太人 into the Chinese vocabulary. This combination was attributed to an article written by Dao Guang (1821-1851), and had been hastily accepted as the official term for Israelites/Jews. But prior to this, **youtairen** had no history. Yet, the tribe of youren had a recorded history in Chinese literature, and “by any other name” they were Israelites.

Neither Chinese lexicographers nor commentators found an appropriate definition to the term of **youren**. Though this term was used in the writings of Laozi (7th century BCE), Confucius (551-479 BCE), and later in dynastic histories, it was translated as either “other people” or “as if, like...” It frustrated Chinese commentators to the point that the most famous commentator Zhu Xi, (d. 1200) declared that there was a “defect in the text.” These sages were the bedrock of Chinese civilization, yet when they encountered youren, they did not realize that they faced people of a tribe who followed biblical customs. Only the sage Mencius (372-289 BCE)

left us a fragmented description of some of their customs that I found to make sense in a Sino-Judaic context. But spiritual belief in China was a matter of tribal privacy.

So who were the **youren** and how did they find their way to China? Their identity is revealed for the first time in my book **A History of the Kaifeng Israelites** that digs deeply into Chinese literature, in Chinese, to trace their presence and activities.

The earliest reference to China in Western literature can be traced to King Solomon in biblical times (9th century BCE). According to biblical history, King Solomon’s agents purchased war horses in a place called Kve/Kue: “...and the king’s traders bought them [fine horses] from Kue/Kve at a price” (1 Kings 10:28). Until recently, Kve was believed to be a place in Anatolia [Turkey today] but when juxtaposed with comparative Chinese literature we learn that the market place for the finest warhorses was in Kucha [Kocha] in the Western Regions (south Azerbaijan today). Kucha was famous for breeding the finest “Heavenly Horses” (as the Chinese called them) and traders from “the four corners of the world” had come to purchase them. Incidentally, allowing for linguistic variations, the Hebrew name for Kue was identical to the Chinese name of Kucha. In other words, King Solomon’s agents purchased warhorses in the same place where the Chinese military

purchased “Heavenly Horses”. Even if trade often was conducted through intermediaries, each side could have heard, or even come in contact with each other.

Almost simultaneously, a reference to a biblical God in Chinese literature was enshrined in a ballad of a tribe; descendants of the Shang Dynasty in the **Book of Songs**, (ca. 7th century BCE) called the “Black Bird”: “The Ancient God commanded Adam (Wutang) to occupy the four corners of the world”.

In rendering this translation, I followed the Chinese commentaries that pointed out that “since everything originated in Heaven, God can be called Ancient God, therefore it referred to the Israelite biblical God. Wutang was the Chinese name for biblical Adam.” Other translations had overlooked the connection between Ancient God, and Wutang to the biblical God and Adam. Yet, these clues were important indicators that the ancient Chinese had been aware of biblical stories just about the time that the Prophet Isaiah mentioned the “Land of Sinim” (Isaiah 49:12) (7th century BCE). The word “Sinim” is the Hebrew word for China.

Was it a coincidence?

In re-reading early Chinese literature (**in traditional Chinese characters**) I noticed that the characters **youren** had also been used in the Chinese sage literature as early as the 7th century BCE, if not earlier. In the writing of Laozi, a mythological figure in the 7th century BCE, and the founder of Daoism, he clearly referred to the religion and activities of **youren** when he said: “How could a belief survive if it did not have

enough followers? The teachings (religion) of **youren** [Israelites] were sacred, and people would say that they [**youren**] acted just as like us, the natives” (**Guodian: Laozi**). Evidently, Laozi was aware of the religion of the **youren**, he had either heard of them, or perhaps even encountered them in his travels. Even Confucius mentioned **youren** when he talked about court proceedings and praised them for their debating skills (**Lun Yu**). While these two sages referred to **youren** directly, Mencius had an apparent encounter with a Western tribe, whose features seemed to him to be that of **hanren** (Chinese), but with very strange attributes and customs. Only when the text was framed in Sino-Judaic context, it became evident that Mencius described the conduct and activities of Israelite priests, or *cohanim* in Hebrew. This is perhaps the first sighting of **youren** as Israelite priests in China in 4th century BCE, and had already been Sinicized, according to Mencius.

Yet, the word **youren** was not entered the Chinese lexicography. It had neither dictionary form nor definition. Perhaps due to the lack of dictionary entry, scholars, translators, and Chinese commentators found this combination troublesome. In modern Chinese it means “still, as if, like” but in Classical Chinese it is a different matter.

To give you an idea of how words in Classical Chinese change, I will illustrate this point with a recent example. A colleague of mine who had lived and taught in China for a long time, asked three Chinese scholars to help him translate a text on an ancient vessel. When

he got the translations back, there were three different versions. He was puzzled and asked me how it was possible. My answer surprised him. I acknowledged that all three translations could be correct, depending on how the text was segmented, measured and punctuated. It was an eye-opener for him. Doing research on China based on translations, or with only a rudimentary knowledge of the language carries its own perils.

But, segmentation did not apply to the identification of people, tribes, religions, etc. in Classical Chinese. Characters for a place, country, nationality, or religion followed by the character *ren*, (people, person) were quite straightforward and meant the person, people, tribes from that place, country, religion. Thus, a Chinese person was called **hanren**, a mongol was **manren**, an arab was **huiren**, a teacher of religion was *jiaoren*, but when it came to **youren** these rules seemed to evaporate. For lack of a proper definition, translators usually rendered **youren** as “other people” or otherwise omitted it. Not only was **youren** lost in translations, so were the texts of the four Kaifeng stelae. Bishop White, a missionary with the Anglican Church, rendered the most comprehensive translation of the Kaifeng stelae into English in the 1920s. Almost instantly it became the “official” translation. Unfortunately, the translation missed several critical Chinese historical markers, and the use of local vernacular, that later led to major misunderstandings. He also missed the Neo-Confucian style of the 1512 inscription, and any references to Judaism

contained therein. This particular inscription frustrated scholars to the point that they asked, "Why was this written?". Aggravating the problem was that Chinese scholars did not have enough knowledge of Judaism to recognize the distinctive Jewish characteristics of the texts. It followed that misconceptions became so ingrained in Western circles that they were convinced that Jewish traders were the original settlers in the Song Dynasty (960-1279 CE). But, a reading of the Kaifeng stelae in both native Chinese setting and Sino-Judaic context, offered a completely different picture. Perhaps "Western cloth" was contributed by Jewish merchants, but those who presented their case to the Song Emperor were descendants of a long line of Israelite Cohanim/Levites (priests) who had established sanctuary in China since biblical times. Their presence was interrupted by their expulsion in the Tang Dynasty in 845 CE, along with all other non-native Chinese religions, but with the establishment of the new Song Dynasty in 960 CE, they returned at the invitation of the emperor. The eloquent Chinese presentation of the Israelite priests to the Emperor cannot be conveyed in translation. They were well-versed in both Jewish and Chinese customs, rituals and court proceedings. They also had a good command of the Chinese language, and followed the proper protocol that was indistinguishable from that of any high-ranking Chinese official. It was impressive by any standards, and even the emperor was in awe of the erudition of the Israelites. He bestowed upon them land to build a place of worship (details

in **Kaifeng Stone Inscriptions**).

They were the **youren**, or the **youshang** (Israelite priests) as they were called in the local Kaifeng literature. Priests had a special status in Chinese society and irrespective of their beliefs, they were granted equal rights. Emperors bestowed land on priests to build their temples, a benefit that did not apply to other classes, certainly not to merchants. Traders were the lowest class in the Chinese social ladder, below the status of the uneducated farmers. The Jews of Kaifeng came into the limelight when Prime Minister Li Gang (1083-1140?), a Chinese Jew, assured the emperor in 1127 that the "Israelite monks (**youshang** 猶商) were utterly loyal to the empire and would die defending Kaifeng." What Li Gang called **youshang** in local Kaifeng dialect was what Laozi and Confucius called **youren**. In other words **youshang** 猶商 and **youren** 猶人 in Chinese literature were synonyms, meaning Israelite monks, priests. I devoted an entire chapter to the story of the Chinese Jew and Prime Minister, Li Gang in my book, **A History of the Kaifeng Israelites**.

In summary, a group of **Cohanim** and Levites (Priests) seemed to have found sanctuary in China after exile (6th century BCE), while a Chinese tribe, descendants of the Shang Dynasty had immortalized the biblical Israelite God in one of their ballads. Chinese sages highly respected the **youren** for their erudition, medical skills, and musical abilities. In addition, since the beliefs of **youren** were congruent with the Chinese, their integration was followed by rapid sinicization. The **youren** had already lost its original

meaning in antiquity as the Chinese considered them natives and indistinguishable from **han** Chinese. Only their faith remained a private affair that survived the vicissitudes of history. For over 2500 years, Jewish minorities lived in China in the shadows of the Han people, but their spiritual life was like water without a source, a tree without roots" 无源之水, 无本之木 **wu yuan zhi shui, wu ben zhi mu** (Mao Zedong: **On Practice**), but their legacy is not extinct, and a day may still come that they may celebrate their faith in the open.

About the author:

Tiberiu Weisz is an independent scholar of Chinese. He pursued his interest in Classical Chinese and comparative cultural studies of Judaism and China for 40 years. He taught Chinese and served as an in-house China consultant to a Minneapolis based company, while continuing to write and translate from Chinese. He has authored three books and published over a dozen articles about Judaism and China. This article is based on his latest book, *A History of the Kaifeng Israelites* (2018). Currently, he holds workshop classes on Chinese calligraphy in retirement.

APRIL 25, 2019

**The US- China Review
Published in The US-China
Review, Spring 2019 vol LIII, 2**

**WE NEED YOUR
SUPPORT!**

Please make a donation to Iguid
Yotzei Sin
Your donation enables us to do
our community work

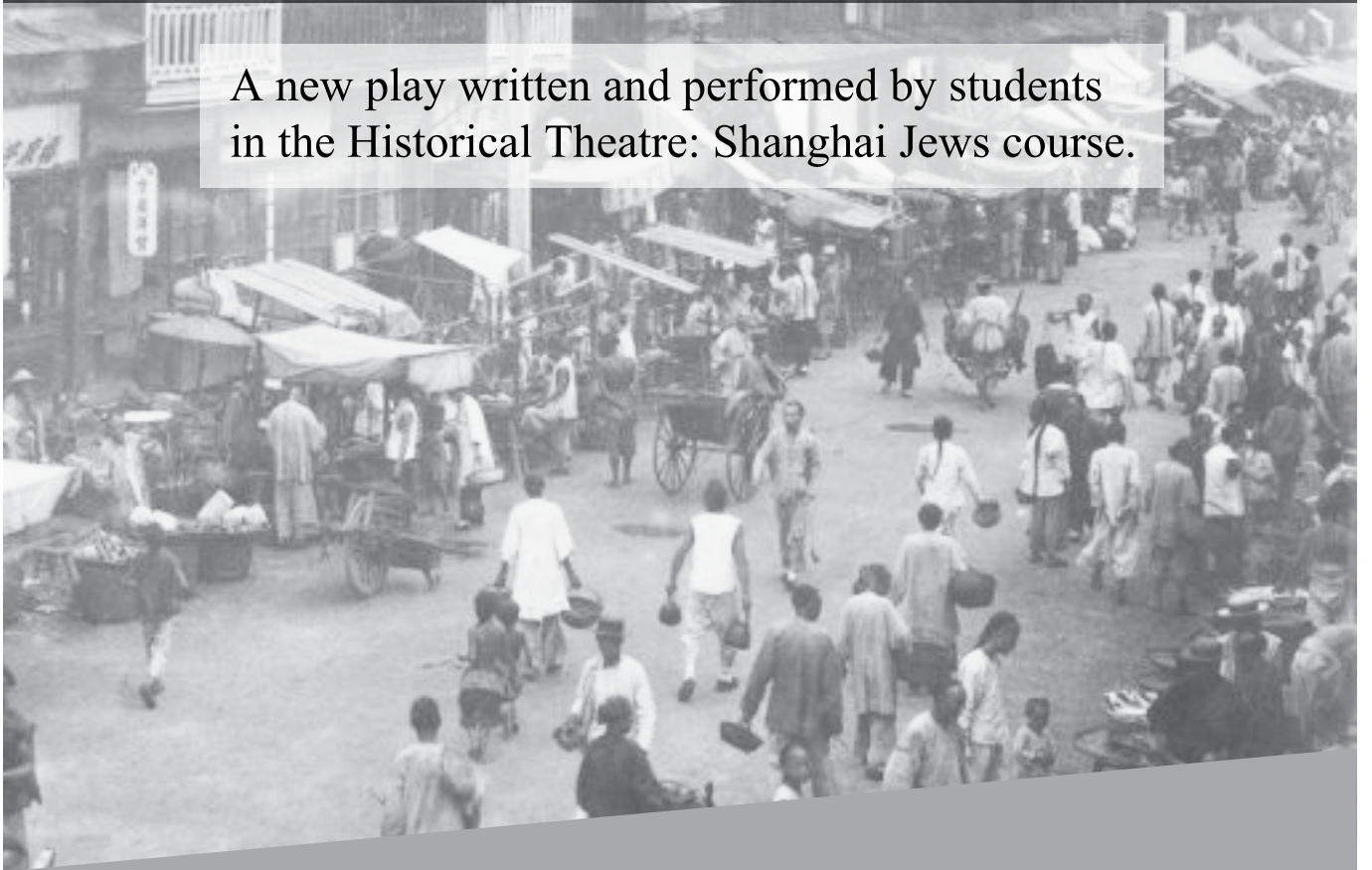
THANK YOU!

VALPARAISO
UNIVERSITY

SHANGHAI CAROUSEL: WHAT TOMORROW WILL BE

A new play written and performed by students
in the Historical Theatre: Shanghai Jews course.

STUDIO THEATRE, VU CENTER FOR THE ARTS
TUESDAY, MAY 7 10:30 – 11:45 A.M.
FREE ADMISSION

Made possible, in part, through a grant from Pi Kappa Lambda,
the national music honor society.

SHANGHAI CAROUSEL: WHAT TOMORROW WILL BE AND HISTORICAL THEATRE: THE SHANGHAI JEWS

The play *“Shanghai Carousel: What Tomorrow Will Be”* centers around the real experiences of Jewish refugees and their lives in Shanghai during WWII. Every character in the play is a composite of Jewish refugees in reality. Written by the students and professors in the *Historical Theatre: The Shanghai Jews* course, material is based on interviews from the surviving Jewish refugees conducted by Dr. Kevin Ostoyich, the chair of the history department. Dr. Ostoyich and Dr. Kari-Anne Innes, program director and lecturer in the Arts and Entertainment Administration graduate program, co-teach the course.

According to the syllabus: “The production [is] based on the history of the Shanghai Jews. The Shanghai Jews were refugees from Nazi Europe who wound up in Shanghai because it was the only place left in the world that would take them. Once in Shanghai these Jewish refugees created their own community. In 1943 the occupying Japanese forced the Jews into a ‘Designated Area’ (often referred to as the ‘Shanghai Ghetto’) where they stayed until the end of the Second World War.”

Professor Kevin Ostoyich says: *“Historical Theatre: The Shanghai Jews* is a course that brings together undergraduate students, graduate students, and faculty from various disciplines to produce an educational experience that cannot be produced in any one discipline individually. The goal is to produce a total learning experience that involves in-depth investigation of a historical subject, the translation of the historical material into a theatrical drama, the performance of both authentic period music and/or new compositions based on the musical styles of the time, and collaborative research projects.”

Historical Theatre: The Shanghai Jews is a significant and meaningful course at Valparaiso University. Not only do students write formal papers, during the course of a single semester they create and perform their own historical production from scratch. This semester, coincidentally, all of students are female, and some of the students portray both female and male characters on stage.

АССОЦИАЦИЯ ВЫХОДЦЕВ ИЗ КИТАЯ В ИЗРАИЛЕ

основана в 1951 году

БЮЛЛЕТЕНЬ ИГУД ИОЦЕЙ СИН

• Сентябрь 2019 • 66-й год издания • No. 418 •

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о Харбине. Ю.Граузе	3	Холодный сапожник. Ц.Д.Осипенко	27
Страна небесного изобилия. Е.Терлецкий... 6		Значение цифр для китайцев. «История математики». М. Дю Сотой	28
Воспоминания о детстве. М.Лихоманов	10	Международный контингент врачей в Китае в военное время. 1937-1945	29
Семейные истории студентов	21	Фотовыставка «Жизнь в Тяньцзине»	30
На Ханукальной встрече земляков	23	Памяти Софи Саккер. С.Саккер	31
Важные события в жизни ИИС и ОДИК ... 24		Почтовый ящик 13139	33
Светлой памяти Рони и Тедди	25	Церемония вручения стипендий	34
На ханукальной встрече молодежь	25		
Тридцатилетие Ассоциации «Харбин»	26		

Старейший в Израиле журнал на русском языке
1-й номер «Бюллетеня ИИС» вышел в свет 6 мая 1954 г.

ПРАВЛЕНИЕ ИГУД ЙОЦЕЙ СИН В ИЗРАИЛЕ ПОЧЕТНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИИС В ДИАСПОРЕ

ИГУД ЙОЦЕЙ СИН

Председатели ИИС

со дня основания:

Лев Пястунович (1951-1952)

Борис Коц (1953-1971)

Тедди Кауфман (1972-2012)

Правление ИИС:

Иоси Клейн - председатель ИИС

Ран Вейнерман - зам.председателя

Яков Матлин - вице-председатель

Эли Кама

Алекс Нахумсон

Ави Подольский

Эран Розен

Юдит Сандел

Контрольная комиссия:

Моше Лихоманов - председатель

Ариэль Эльдор

Почетный юрисконсульт:

адвокат Дэниел Фридман

Почетные представители ИИС:

Эстер Вандель -

в Хайфе и на севере

Ави Подольский -

в Иерусалиме и на юге

SYDNEY, AUSTRALIA

Hon. Representatives

Jesse and Naomi Tracton

2 Oaks Place

North Bondi 2006, Australia

Tel. 61-2-91302575

The AMERICAN FAR EASTERN SOCIETY, New York, USA

Board of Directors:

Lily Klebanoff-Blake – President

Luba Tuck – Vice-president

Rose Britanisky-Peiser – Treasurer

Leona Shluger-Forman – Secretary

Sally Berman

Lilly Langotsky

Odette Rector-Petersen

Address:

The American Far Eastern Society, Inc.

Lilly Langotsky

160 West 66th Str. # 55B

New York, NY 10023, USA

Hon. Representative

Rose Peiser

7400 SW 170, Terrace

Miami, Florida 33157, USA

E-mail: rpeiser@aol.com

IGUD YOTZEI SIN IN ISRAEL

Association of the former residents of China

31, Habarzel Str., Tel Aviv

Address: P.O.Box 13139

Tel Aviv, 6113101, ISRAEL

Tel.: 972-3-5171997 Fax. 972-3-5161631

E-Mail: igud-sin@013.net www.jewsofchina.org

Главный редактор: Иоси Клейн

Редколлегия: Цецилия Любман, Инна Бакшеева

СЛОВО О ХАРБИНЕ

Юрий ГРАУЗЕ

Мне, уроженцу Харбина, захотелось поделиться своими мыслями об этом городе, который в мгновение ока вырос на берегах мутной реки Сунгари, в далекой Маньчжурии, пережил много бурных событий, был одним из русских культурных центров за рубежом и ушел в небытие как русский, европейский город, став многолюдным, но уже вполне китайским городом. Обращаюсь я в основном ко всем бывшим харбинцам, в рассеянии сущим...

«На этом старом железнодорожном кладбище нашли вечное упокоение многие из первых деятелей по постройке и охране Китайской Восточной железной дороги. 13 июля 1920 года, в день 20-летия отбития атаки боксеров на Харбин, воздвигнут крест сей в память о самоотверженных подвигах и трудах, совершенных почившими.

Да не изгладится в потомстве благодарная память об этих отважных пионерах русского культурного дела и да сохранятся их могилы в неприкосновенности на вечные времена.

Да стоит крест сей незыблемо и да напоминает о почивших носителях русской культуры».

Так гласила надпись славянской вязью на большом железобетонном кресте, стоявшем за невысокой, из китайского серого кирпича, оградой Старого кладбища на Большом проспекте в Харбине. Старое кладбище, называвшееся так в отличие от открытого несколько позднее Успенского нового кладбища, находившегося за городом, было тихим зеленым оазисом среди

шума и движения в центральной части Харбина.

Пишущему эти строки пришлось видеть фотоснимок Старого кладбища, датированный 1902 годом. В то время оно было далеко за городом, а впоследствии, с ростом Харбина, Старое кладбище со всех сторон обступили дома, мимо него пролег широкий и оживленный Большой проспект, и заросшее густой растительностью кладбище стало уголком застывшего прошлого, молчаливым свидетелем навсегда ушедших в историю первых лет Маньчжурской эпопеи.

За ажурными чугунными воротами высилась часовня из серого камня, легкая, устремленная ввысь, воздвигнутая в память пионеров края. В годы, когда в Харбине было еще много русских, на могилах вечерами зажигались лампы, симпатично и приветливо светившие прохожим. В сонетах, посвященных Старому кладбищу, харбинский поэт Арсений Несмелов писал:

*А ночью там мерцают огоньки,
Горят неугасимые лампы,
Их алые и голубые взгляды
Доброжелательны, ясны, легки.
Отделены от городской реки
Чертой тяжелой каменной*

ограды,

Они на жизнь взирают без

досады,

Без горечи, тревоги и тоски.

В жаркий летний день, когда улицы Харбина залиты беспощадным маньчжурским солнцем, так хорошо было зайти на Старое кладбище, побродить по тенистым аллеям и посидеть на скамье у старой могилы.

Там можно было встретить одного из «построечников», как называли в Харбине престарелых участников постройки железной дороги в Маньчжурии. Одетый непременно в старомодный чесучевый китель, с тростью в руке, но бодрый и подтянутый, такой старичок охотно вступал в разговор и, заметив у собеседника интерес к харбинскому прошлому, готов был часами рассказывать о невозвратных годах, когда первые изыскатели и строители прибыли в пустынную Маньчжурию, чтобы проложить стальную магистраль к берегам Тихого океана...

С незапамятных времен Маньчжурию населяло племя тунгусов, появившихся на исторической арене первоначально под именем сушэней. Китайские летописи повествуют, что за 2225 лет до Р.Х. сушэни пришли ко двору полулегендарного китайского императора Шуня и принесли в дар лук и стрелы. Сушэни занимали обширные земли от горного хребта Чанбошань (в части Маньчжурии, прилегающей к Корее) до реки Амур, и столица их находилась в долине реки Сунгари.

Были они неутомимыми и меткими стрелками, жившими охотой на дичь, которой в ту эпоху кишели лесные дебри Восточной Маньчжурии. К началу XII века до Р.Х. усилилось племя чжурчжэней, название которых, по мнению многих ориенталистов, является видоизменением названия сушэней. Их вождь Агуда подчинил своему влиянию Маньчжурию и основал

государство Айжинь (Золотое), по-китайски, Цзинь. Государство Цзинь просуществовало с 1115 по 1260 год, подчинив своей власти и Северный Китай, и было завоевано монгольскими войсками при преемнике Чингис-Хана Угэдзе.

В период царствования в Китае монгольской династии Юань чжурчжэни находились лишь в номинальной зависимости от монгольских властей, они управлялись по своим законам, придерживались своих обычаев и вели охотничий образ жизни.

Монгольскую династию в Китае сменила национальная китайская династия Мин (1368 – 1644), в период царствования которой власть Китая в Маньчжурии также была номинальной, несмотря на наличие ряда китайских укрепленных пунктов. Потомки Цзиньской (Чжурчжэньской) династии первоначально жили в городке Одоли, на восточном склоне гор Чанбошань, а затем переселились в город Хэту-Ала, к востоку от Мукдена, где и родился объединитель тунгусских племен и основатель Маньчжурской династии Нурхацци.

Его дед и отец были вероломно убиты китайскими войсками во время карательной экспедиции против тунгусских племен, и Нурхацци с юности затаил глубокую ненависть к китайской империи. Гордая своим могуществом и престижем, империя Мин и не предполагала, какого непримиримого врага она имеет в лице Нурхацци. Волевой, смелый, давший клятву покарать китайцев, Нурхацци сначала создал небольшой отряд стрелков, а затем подчинил своей власти почти все тунгусские племена и основал новую династию, назвав ее Маньчжу.

В 1616 году Нурхацци был уже правителем средней Маньчжурии и принял титул императора

(по-маньчжурски – Эндуринге-Хань, т.е. «Священный государь»), сделав своей столицей город Хэту-Ала.

В дальнейшем маньчжуры завоевали город Шэньян, дав ему название Мукден («Священная столица»), а затем маньчжурские войска заняли Пекин, последний император Минской династии повестился, и с 1644 года на пекинском престоле воцарились маньчжурские императоры. Этим началась история Маньчжурской династии, которой суждено было в течение 267 лет управлять огромной империей, причем собственно Китай входил в эту империю лишь в качестве составной части.

Но маньчжуров ждала участь, нередко постигающая завоевателей, покоряющих народ более высокой культуры. Воинственные бродячие охотники из дребрей Восточной Маньчжурии могли покорить древнюю китайскую империю, но сопротивляясь ассимилирующей силе китайцев и их культуры они были не в состоянии.

Для поддержания власти маньчжурских императоров во всех крупных городах Китая были расположены маньчжурские гарнизоны: с течением времени маньчжурские солдаты окитались, сами императоры и чиновники восприняли китайскую культуру, а Маньчжурия опустела. Все попытки маньчжурских императоров закрыть Маньчжурию для китайской колонизации не увенчались успехом.

В последние десятилетия XIX века китайские крестьяне, гонимые малоземельем и голодом, результатом частых в Китае стихийных бедствий, начали неудержимо просачиваться в Мукденскую провинцию и оседать там, распахивая неприкосновенные до этого коронные земли Маньчжурского царствующего

Дома и императорские охотничьи заповедники.

Опасаясь усиления русского влияния на Дальнем Востоке, пекинское правительство к концу прошлого столетия стало даже благосклонно смотреть на переселение китайцев в Маньчжурию. В заселении Маньчжурии китайскими земледельцами правительство видело средство предотвратить возможное проникновение в Маньчжурию русских, которые к этому времени охватили своими владениями Маньчжурию с запада, севера и востока, после приобретения от Китая Уссурийского края в 1860 году.

Древняя империя слабела и дряхла, и в войне 1894-1895 гг. Япония нанесла ей ряд сокрушительных ударов и продиктовала в Симонсеки условия мира, согласно которым, в частности, Китай уступал Японии южную часть Ляодунского полуострова с крепостью Порт-Артур.

В дальнейшем развернулись бурные события, связанные с проникновением России в Маньчжурию и сооружением ею Китайско-Восточной железной дороги, на пересечении которой с рекой Сунгари и был заложен в 1898 году поселок Сунгари, получивший позднее название Харбин.

Харбин рос и развивался исключительно быстрыми темпами, став административным центром строившейся железной дороги. В 1900 г. он пережил трудные дни осады, оказавшись отрезанным и окруженным со всех сторон полчищами «боксеров» - участников антиевропейского восстания. В память того, что немногочисленный русский гарнизон отбил атаку «боксеров» на город, и был воздвигнут крест на Старом кладбище, надпись на котором я привел в начале этой статьи. Русско-японская

война способствовала развитию города, так как Харбин был тыловым центром русской армии в Маньчжурии, для снабжения которой было создано много предприятий.

После десятилетия спокойствия началась Первая мировая война, затем Октябрьская революция, вскоре после которой русские войска в Харбине и во всей полосе железной дороги были разоружены китайскими войсками и была введена китайская администрация. Началась новая страница в истории Харбина. С одной стороны, Харбин формально перестал быть русским городом, в административном отношении, но с другой стороны, стало быстро возрастать русское население за счет беженцев, искавших в нем спасения от революции и гражданской войны. Расцвела культурная жизнь. От-

крылись эмигрантские высшие учебные заведения – Юридический Факультет, Ориентальный Институт, музыкальные школы; начали выходить газеты – «Заря», «Рупор», журнал «Рубеж», издавались книги местных русских писателей и поэтов.

В феврале 1932 г. в Харбин вступили части японской армии. Перевернулась еще одна страница в жизни города. Русская культурная жизнь стала переплетаться с политическими событиями, горизонт стал покрываться темными тучами. Вторая мировая война в Европе и на Тихом океане не предвещала ничего доброго русской эмиграции. И, наконец, август 1945 года. В Харбин вступили части Красной Армии. Всем стало ясно, что двадцатипятилетнее существование русской эмиграции в Харбине пришло к концу. В 1954

году было объявлено о том, что всем бывшим эмигрантам разрешается выехать в СССР на освоение целинных и залежных земель. Очень многие решили вернуться на родину, но не все. Не желавшие ехать в СССР устремили свои взоры в другие страны – в Австралию, Бразилию, США, Канаду, Израиль. Начался разезд европейского населения Харбина, так как оставаться было незачем. Русский Харбин прекратил свое существование. Китайские коммунистические власти уничтожили в Харбине все иностранные кладбища, в том числе и Старое железнодорожное, воспетое Арсением Несмеловым.

Из книги
«Китайские фрагменты»,
Иерусалим, 1976 г.

Кому знакомы эти имена?

Мой дедушка, родившийся в Харбине, был расстрелян в СССР в 1938 году. У меня имеется металлический жетон, который, очевидно, в знак признательности, был вручен деду какой-то харбинской еврейской организацией.

На жетоне нет даты, но есть имена. Я прилагаю здесь изображение на обеих сторонах жетона. Возможно, кто-то из старейших членов организации сможет определить название организации, установить личности членов правления или, возможно, моего деда.

Любая информация будет принята с благодарностью. С уважением,

Авидгор РОТЕМ
054-4372769
avigdor@pausa-inn.co.il

СТРАНА НЕБЕСНОГО ИЗОБИЛИЯ

Ефим ТЕРЛЕЦКИЙ

ЧЕТЫРЕХРЕЧЬЕ

Помните, каким успехом пользовалась когда-то поставленная в Москве режиссером Юрием Любимовым пьеса «Добрый человек из Сезуана?» И было любопытно: что это за место такое – Сезуан? Автор пьесы писатель Бертольд Брехт, естественно, творил на немецком языке, а переводчики написали название довольно известного китайского места «Сычуань» как «Сезуан». И вот я, так и не попавший на это шумевшее представление, испытывал нечто вроде мстительного удовлетворения, подлетая к Чэнду – главному городу этой самой Сычуани, одной из крупнейших и богатейших провинций Китая.

Перечисление всех прелестей Сычуани с упоминанием климата, рельефа, полезных ископаемых, водных ресурсов, промышленности и сельского хозяйства напомнило бы нам уроки старой доброй школьной географии. И все же чуть-чуть уточнений не помешает.

Сычуань – край необыкновенно красивой дикой природы. Он окружен горами, на западе это Тибет. По территории провинции течет знаменитая река Янцзы. В нее впадают еще четыре крупные водные артерии – Миньцзян, Тоцзян, Цзялинцзян и Уцзян. Они-то и дали название этому краю: «Сычуань» означает «Четырехречье». А может быть, такое имя несправедливо? Судите сами: на территории провинции находится более 1400 рек, и

только через Чэнду их протекает более сорока. А что говорить о природных богатствах! Сычуань издавна славится залежами разных металлов, особенно серебра и золота. Интересно, что только в этом крае водятся большие панды, снежные леопарды и золотые обезьяны. Климат Сычуани субтропический. Здесь выращивают почти все сельскохозяйственные культуры, известные в Китае.

Еще в III веке до н.э. в Сычуани, на равнине близ Чэнду, была сооружена ирригационная система Дуцзяньян, проектирование и организацию строительства которой осуществили государственный чиновник Ли Бин и его сын, за что посмертно были удостоены княжеских титулов. А неподалеку от древнейшей дамбы высится храм Двух князей. Благодаря системе Дуцзяньян, успешно действующей до сих пор, землепользование в Сычуани организовано так, что эта провинция дает самые обильные урожаи в Китае. Поэты издавна воспевают изумительную красоту этого плодородного края с его неисчерпаемыми недрами, тучными стадами, прекрасной кухней и благополучной жизнью. Недаром такую благословенную землю с давних пор называют «Тянь фу чжи го» - «Страна небесного изобилия».

ГОРОД КИТАЙСКОЙ РОЗЫ

Итак, Чэнду. Раскопки древнего поселения Саньсиндуй и руин

Цзиньша на месте этого города показали, что он был политическим, культурным и торговым центром уже более трех тысяч лет назад. В течение тысячелетий Чэнду является столицей многих китайских царств. Еще до нашей эры он славился выработкой парчи и имел вполне «производственное» название «Цзыньчэн» - «Город парчи». А впоследствии его стали именовать еще более поэтично – «Город гибискуса». Об этом существует следующая легенда. Тысячу лет назад, в период пяти династий, на месте Чэнду находилось царство Поздняя Шу. Царствовал там Чен Мэн, который был страстным цветоводом. Его увлечение разделяла любимая принцесса, которую он ласково называл «Женщина-бутон».

В ее честь он чуть ли не в каждом уголке своих владений насадил кусты изумительного цветка гибискуса, который известен также как китайская роза. За яркие и чрезвычайно красивые цветы гибискус прозвали цветком прекрасных женщин. Интересно, что на Гавайях местные красавицы втыкают гибискус в свои волосы, в Индии этот цветок вплетают в свадебные венки, на островах Фиджи в праздник Огненного гибискуса выбирают королеву цветов и яркими гирляндами украшают дома. Да, умным человеком был этот любитель прекрасного – правитель Чен Мэн. А мы из сказки возвращаемся в действительность.

Современный Чэнду – семимиллионный мегаполис, крупнейший центр экономики, торговли, финансов, науки и техники, зона развития высоких технологий. Здесь находятся предприятия металлургической, химической, текстильной и пищевой промышленности, а также заводы по производству автомобилей и аэрокосмической техники.

Можно сказать, что на «унавоженной финансами» почве тут родилась гигантская индустрия с фантастической урбанизацией. И мы бы считали, что по аналогии с гибискусом такую распутившуюся агломерацию позволительно назвать новоявленной китайской розой, сохранив это название за Чэнду.

Однако посещение промышленных шедевров не входит в наши планы, как и многое другое, и мы проходим мимо. Сказывается вечная спешка этих организованных туров, где шаг в сторону считается побегом. И мы проходим мимо древних храмов, буддийских монастырей, старинных парков, не удостоив внимания даже статую Мао. А спешим мы к пандам.

НАЦИОНАЛЬНОЕ КИТАЙСКОЕ ДОСТОЯНИЕ

В Китае сохранились чрезвычайно симпатичные и редкие животные – бамбуковые медведи, или большие панды. Обычно их называют просто пандами. Это милые неторопливые существа, которые постоянно жуют бамбук, но не брезгают и мясом. Численность панд катастрофически снижается, и Сычуань является одним из последних мест, где они обитают в природной среде. Будущее этих животных остается под вопросом, что чрезвычайно беспокоит китайцев. Они всячески стараются сохранить потомство этих уникальных медведей: панды провозглашены нацио-

нальным достоянием Китая, и за их уничтожение грозит смертная казнь. Есть еще и малая панда, тоже живущая в Китае, – рыжий зверек чуть больше кошки. За это англичане называют его огненной лисой, хотя к лисам он никакого отношения не имеет.

В Сычуани и сопредельных провинциях Шэньси и Ганьсу, где еще обитают, как полагают, около тысячи особей панды, было организовано более сорока заповедных зон. Для связи отдельных участков проживания этих животных и облегчения контактов между ними было создано двадцать биологических коридоров. Предполагается, что такие внушительные мероприятия побудят этих инертных созданий к размножению.

С той же целью был создан Исследовательский центр по выращиванию панд в Чэнду. В 150 километрах от него расположен национальный природный заповедник, резерват Волун, где водится множество редких животных. Здесь находятся и обширные заросли бамбука, который, как известно, растет очень быстро, – раздолье для бамбуковых медведей, куда некоторых из них и поместили для «санаторного» проживания. Сюда мы и прибыли для знакомства с этими милыми зверюшками.

Удивляет невероятно трогательное, даже трепетное отношение китайцев к пандам. Эти животные пугливы и застенчивы, не переносят шума. В их присутствии все должны ходить на цыпочках. Этим недотрогам готовят специальные пирожки с начинкой из бамбука.

Сотрудники заповедника, удостоившиеся чести ухаживать за детенышами панд, облачены в костюмы, изображающие взрослых особей. Это делается для того, чтобы не травмировать малышей и чтобы они не привыкали к

людям. Когда панды вырастают, их выпускают из заповедника на волю. Нет ничего удивительного в том, что полный пансион одного такого бамбукового медведя обходится в пять раз дороже, чем содержание одного слона.

Стоит отметить, что именно изображение панды является символом Всемирного фонда дикой природы.

В ПРЕДГОРЬЯХ ТИБЕТА

В предгорьях Тибета находятся два природных заповедника – Цзючжайгоу и Хуанлун, включенные ЮНЕСКО в Список всемирного наследия. Здесь произрастают диковинные растения и обитают редкие животные: панды, золотистые коротконосые обезьяны, тапины – парнокопытные, похожие на быка, но близкие родственники барана, белогубые олени и красивейшие серебристые куриные фазаны. Все они находятся под защитой государства. Это популярнейшие туристические места в Китае. Для удобства посетителей всюду проложены тропинки, мостики и гати, а также построены дороги для туристических автобусов. Есть даже беседки для отдыха и неспешного созерцания окружающего пейзажа – и какого! густые леса, красивейшие озера, водопады!

ЦЗЮЧЖАЙГОУ

Название «Цзючжайгоу» означает в переводе «Долина девяти деревьев». Именно такое количество тибетских поселений находилось в этой долине. Цзючжайгоу расположена в 360 километрах от Чэнду, туда меньше часа лету. Это лучше, чем трястись больше десяти часов в автобусе хотя бы и по живописным дорогам.

Удивительно, но этот отдаленный район в предгорьях Тибета был открыт, говорят, лесоруба-

ми и учеными, занимавшимися поиском больших панд, только в начале 1970-х годов. Долина Цзючжайгоу расположена на высоте 2000 метров над уровнем моря.

Цзючжайгоу объединяет три долины – Шучжэн, Жицзэ и Цзэчава – общей протяженностью более 50 километров. В плане эти долины составляют причудливую фигуру в виде трилистника – эмблемы известной корпорации «Мицубиси».

Но особенно восхищают озера – их здесь сто восемь. Они образовались как запруды, когда тающие горные ледники подпирались обломками скал. Местные горы сложены из карбонатных пород – доломита и известняка, а также из песчаника и сланцев. И что самое интересное – озера эти разноцветные, при определенных условиях их цвет меняется. Считается, что всему виной отложения углекислого кальция и разноцветные водоросли. Однако местные тибетцы с этим не согласны. Они утверждают, что согласно легенде, богиня Воносмо уронила свое волшебное зеркальце, подаренное богом Даге, и оно разбилось на множество осколков, превратившихся в озера. В этих озерах совершают омовение богини: когда их румяна расплываются по водной глади, тогда и меняется цвет воды. Неужели среди множества этих изумительных водоемов нет Лебединого озера? Представьте, есть и такое!

В селениях Цзючжайгоу проживают представители народности байма. Они не буддисты, как другие тибетцы, а поклоняются божествам гор, у них имеется своя письменность. Вдоль Главной дороги местное население предлагает туристам различные ремесленные поделки, сувениры и еду. В деревнях продают хадак – узкие длинные полосы ткани, несколько похожие на шарфы,

изготовленные из неокрашенной ткани — хлопчатобумажной или шёлка, которыми местные жители традиционно приветствуют гостей. При покупке безделушек, выполненных по тибетским мотивам, стоит обращать внимание на качество изделия и обязательно торговаться.

ХУАНЛУН

Примерно в 130 километрах к югу от Цзючжайгоу находится, пожалуй, еще более живописная местность, которая известна не только своими озерами, но и травертиновыми террасами из известкового туфа. Это тоже долина, она находится на отметке 3000 метров над уровнем моря, что выше Цзючжайгоу. Земля здесь покрыта светло-желтым осадочным травертиновым слоем, отчего и получила свое название «Хуанлун», что означает «Желтый дракон».

Тысячелетиями талая вода стекала с горных ледников и растворяла породы, насыщаясь находившимся в них карбонатом кальция, который выпадал и оседал на разных поверхностях. Таким образом создавались травертиновые налеты на порогах водопадов, в пещерах и озерах. Любопытно, что по краям озер образуются травертиновые обрамления, своего рода ограждения, поэтому кажется, что вода находится в своеобразных блюдцах.

Об изумительных красках озерной воды мы уже говорили. Она прозрачна настолько, что дно просматривается до мелочей. Среди леса шумят потоки, бегущие с гор, образуя на порогах невероятные водопады. Пока все это не увидишь своими глазами, невозможно представить себе причудливую изобретательность природы.

Наше путешествие в предгорья Тибета не закончилось созерцанием прекрасных ландшафтов.

В завершение мы остановились у местного селения и попали на ярмарку тибетских товаров – одежды, мехов, ковров и всякой прочей всячины. От неожиданности увиденного и изобилия красок разбежались глаза.

Китайцы говорят: «В Сычуани всегда пасмурно, и лишь выглянет солнышко, собаки заливаются лаем». Вот и сейчас, во время этого праздника покупок, вдруг появилось солнце, но не было слышно лая собак. А на фоне небесной синевы, как будто на волшебном экране, над нами появился истинный суровый Тибет.

ГОРЫ ЭМЭЙШАНЬ

Путешествие по провинции Сычуань мы закончили в городке Лэшань, примерно в 120 километрах от Чэнду. В его окрестностях нам предстояло подняться на горы Эмэйшань, освященные даосскими монахами и облюбованные буддистами, а также насладиться зрелищем гигантской статуи сидящего Будды. Эти объекты также включены ЮНЕСКО в Список всемирного наследия.

Гряда Эмэйшань тянется на 200 километров и состоит из четырех гор. Самая известная и красивая из них – Большая Эмэй с вершиной Ваньфодин – вершиной Тысячи Будд, имеющей высоту 3099 метров. От Лэшаня ее отделяет расстояние приблизительно 30 километров. Своими очертаниями горы напоминают лицо девушки с чудесными дугообразными бровями. По-китайски «Эмэй» и означает «Прелестные брови красавицы».

Китайцы считают, что Эмэйшань – не просто горы. По их мнению, эти вершины как и природа вообще, таинственно влияют на характер человека. Перед их величием он чувствует свое ничтожество. Паломники поднимаются к вершинам пешком, испытывая лишения от непогоды,

перепада температур и отбиваясь от нахальных обезьян. Мы же в своем «стерильном» туре поднимаемся на канатной дороге. Зачем лезть на макушку этой самой Эмэй? Из-за прекрасных видов? Нет! Каждый втайне надеется днем увидеть здесь нимб Будды, а ночью – священные огни (результат фосфоресценции, известное явление «блуждающие огни»). Но древние монахи верили, что это священный огонь буддийского мира.

Нимб Будды – любопытный оптический феномен, вызванный преломлением солнечных лучей в капельках тумана. Можно видеть силуэт человека с цветными концентрическими кругами вокруг головы. На самом деле это отражение самого смотрящего. Древние монахи верили, что эти явления доказывали силу буддийского мира. Если прыгнуть в пучину такой тени – посуществу, прямо в пропасть, – то попадешь в нирвану, высший предел мечтаний буддиста. Говорят, что последний такой случай был лет десять назад. Везде висят таблички с предупреждением не прыгать, если вам дорога жизнь.

В период бурного расцвета буддизма здесь, в горах было построено 170 храмов, из которых сегодня осталось около тридцати. Мы посетили один из них на отметке 1020 метров под названием «Ваньяньсы» – «храм Десяти тысяч лет», старейший в горах Эмэйшань. Он посвящен покровителю этих гор – бодхисатве Самантабхадре, или, как его еще называют, Пусяню. Бодхисатва – это буддийский учитель, наставник, ведущий по пути внутреннего просветления к состоянию Будды – нирване, высшему состоянию счастья.

Над квадратным залом храма висит огромный купол. Внутри находится величественная фигура Пусяня. Увенчанный золотой

короной, облаченный в буддийское одеяние, он восседает на цветке лотоса, расположенном на спине белого слона с шестью бивнями. В руках он держит золотой жуи – изогнутый жезл с резьбой, символ исполнения желаний и счастья. Пышное изваяние Пусяня – цельнолитая бронзовая, видимо, даже позолоченная скульптура семиметровой высоты. Слон, на котором она размещена, действительно белый, но из какого материала он выполнен, непонятно.

Самое удивительное, что это изваяние было создано в 980 году, его вес 62 тонны. Но почему слон именно белый и почему у него именно шесть бивней? Нам объяснили, что белый слон с шестью бивнями – это, согласно легенде, отец Будды. У буддийцев белый цвет означает смирение, а число шесть считается священным. Шесть бивней соответствуют шести направлениям пространства – вверх, вниз, назад, вперед, вправо, влево. А еще есть старинная примета: если потерять заднюю ногу этого слона, вас ждет удача.

САМАЯ ВЫСОКАЯ СТАТУЯ БУДДЫ

В отрогах гор Эмэйшань находится самая высокая статуя Будды. Она высечена в скальной породе горы Линъюньшань. Неподалеку от города Лэшань, при слиянии трех рек: Миньцзян, Даду и Цинъюньцзян. Сам город расположен на правом берегу реки Миньцзян, а Большой Будда – на левом, несколько ниже по течению. На созерцание этой циклопической фигуры мы отправляемся по реке на катере.

Давным-давно три реки возле Лэшани, известные своим бурным течением, слившись воедино, доставляли людям много бедствий. В этом месте существовали водороты и часто случались кораблекрушения. Суда с разными

товарами налетали на скалы и разбивались. Как гласит легенда, некий монах Хай Тун догадался, что всё это проделки злых духов и что для их изгнания в этом месте необходимо соорудить солидную скульптуру верховного божества.

Двадцать долгих лет этот благочестивый монах потратил на сбор пожертвований для святого дела. Наконец в 713 году, созвав многочисленных мастеров, Хай Тун приступил к работе, которая длилась 90 лет, из них 30 под его руководством до самой смерти. За это время в скале вырубили гигантскую фигуру сидящего Будды высотой 71 метр. Почему именно 71 метр? Говорят, что такая высота равняется 360 китайским сажням. Число 360 вообще символично для китайцев: столько дней, согласно их исчислению, содержит год, и такое же количество жизненных точек, как они утверждают, находится на теле человека.

Интересно, что только длина носа этого Будды достигает 5,5 метра. Уникальность статуи заключается в том, что Будда выполнен сидящим на троне, а это большая редкость в буддийской традиции. Поражают не только размеры, но и пропорции этого колосса, а также то, что внутри изваяния предусмотрена схема водоотвода, предохраняющая его от сырости и разрушения. Сначала Большой Будда сверкал золотом и был покрыт защитным сооружением – павильоном Великого образа, или Дасинге. С течением времени павильон был разрушен. И теперь, глядя на этот символ упорства и трудолюбия китайцев, начинаешь верить: да, такое чудесное изваяние могло изгнать любых демонов!

«Мир путешествий»

ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ

Моше ЛИХОМАНОВ

I. Мальчик из Харбина

В воспоминаниях о прошлом особое место всегда принадлежит детству, когда ребенок делает свои первые в жизни шаги. Мои детские годы в Харбине я помню прекрасно, помню каждую деталь, как будто всё это происходило только вчера. На самом же деле с тех пор как я пошел в школу «Талмуд-Тора», на Конной улице, прошло более полувека. Учился я в «Талмуд-Торе» около пяти лет: два года ходил в детский сад, затем почти три года был учеником начальных классов. В конце апреля 1950 года мне пришлось оставить школу в связи с отъездом нашей семьи из Харбина в Израиль, куда мы прибыли в июне.

Я хорошо помню учителей, друзей, помню наши шалости и наказания, которые мы за них получали. Тогда всё это казалось мне таким значительным и пугающим, вероятно, из-за детского восприятия окружающего мира. Учительница, Галина Григорьевна, внушала нам страх. Она строго следила за порядком и дисциплиной в классе и слишком кричала на нас - детей младшего возраста.

Помню, как я испугался наказания, которое мы с друзьями заслужили за ссору и разбитое окно в классной комнате. Нас тогда отстранили от занятий в школе на три дня, но я чувствовал себя так, будто наступил конец света. У меня сохранились теплые воспоминания об учителе еврейских предметов Наделе как о добром человеке, который пришел на помощь в трудный момент, заверив меня и мою

*В школьной форме.
1-й класс
еврейской школы
«Талмуд-Тора»
1947 г.*

маму в том, что администрация школы решила отстранить нас всего на три дня, а не навсегда, как объявила нам наша «ведьма» - учительница. Теперь же я вспоминаю прошлое с улыбкой и даже втайне от всего сердца благодарю нашу «ведьму», которой обязан тем, что сегодня свободно говорю на русском

языке.

В нашей школе на все еврейские праздники устраивались праздничные мероприятия и музыкальные представления, в котором участвовали учащиеся всех классов. Учитель Надель пел и играл на фортепиано, а также руководил постановкой пьес на школьной сцене. Я был музы-

*3-й класс еврейской школы. На снимке (слева направо) сидят: Моня Езерский, Рафаэль Рашинский, Софа Иосилевич, Израэль Гальперин, Моше Лихоманов;
стоят: Витя Аграновский, Дина Тригубова, педагог Галина Григорьевна Подставина, Юдит (Дифа) Клейн, Юдит (Дифа) Карлик*

*Отец перед входом в нашу фотографию в Новом Городе.
1949 г.*

Отец и китайский фотограф у черного хода в нашу фотографию

кальным ребенком, любил петь, учился играть на скрипке, мне нравилось слушать музыкальные записи на пластинках.

В конце лета 1945 года окончилась Вторая мировая война. Однако с окончанием войны для еврейской общины наступили тяжелые времена. Начиная с момента вступления в город частей Красной Армии, освободивших Харбин от японского режима, началось трагическое разрушение еврейских семей в результате депортации многих евреев, в том числе председателя общины доктора Кауфмана, в трудовые лагеря в СССР.

Мой отец, иммигрант, нелегально покинувший Россию, в то время жил в постоянном страхе. Он всячески избегал контактов с советскими солдатами, приходившими фотографироваться к нему в фотостудию под названием «Сталинград». Я помню страшную историю, которую он рассказал нам дома.

Как-то раз какой-то пьяный советский офицер пришел в фотостудию, чтобы сфотогра-

фироваться. Мой отец подвел его к стойке, где под толстым стеклом были представлены образцы фотографий разного размера. На одной из фотографий офицер увидел китайку и стал утверждать, что у моего отца в фотостудии висит фотография японки - «врага китайского народа». Отец пытался объяснить, что на фотографии не японка, а китайка, дочь китайского служащего студии, но никакие аргументы не помогли. Офицер достал пистолет и выстрелил в стойку. Стекло разбилось вдребезги, весь пол был усеян осколками. Мой отец был уверен, что следующая пуля будет выпущена в него. К счастью, китайскому служащему удалось успокоить офицера и увести его подальше от фотостудии отца.

Мне вспоминаются и более приятные моменты послевоенного периода. С приходом в Харбин советских воинских частей отделения крупного универсального магазина «Чурин» заполнились товарами из СССР, нехватка которых ощущалась

на протяжении всей войны. На прилавках появились шоколад «Линкор» и «Северный полюс», зубная паста, крем для бритья, рубашки, свитера, носовые платки, носки, иголки и нитки для шитья и пр.

Советские фильмы и популярные военные песни создавали ощущение, будто наступили новые прекрасные времена. В детстве я любил петь. Поэтому, услышав новые песни, я вскоре выучил их и даже выступил в большом зале перед большой аудиторией на вечере молодых артистов, который был организован в благотворительных целях для нуждающихся детей. У меня не было страха перед аудиторией и, стоя на сцене, я пел «Марш артиллеристов» и «Катюшу» сильным голосом, как известный в то время певец, испанский мальчик Хоселито.

Я вырос в традиционной еврейской семье. Мои родители тщательно следили за соблюдением субботы, запрещали нам с сестрой писать, готовить уроки, не говоря уже о поездках или

каких-то других видах работ. Каждую пятницу вечером я ходил с отцом в Новую синагогу, где у нас было почетное место рядом с бимой. Это место досталось отцу от дяди моей матери Якова Лифшица, который был известным фотографом в Харбине в 1930-е годы.

В большие праздники мы, дети, носились по синагоге, играли в догонялки, поднимались на второй этаж, на балкон, где находились места для женщин. Там мы однажды увидели несколько божьих коровок, ползавших по перилам балкона. Один легкий толчок - и божьи коровки упали с перил вниз, прямо на специальный стол, у которого в тот момент молился кантор, произнося молитву «Шахарит». Это был мой первый «грех». В другой раз, помнится, в Йом-Кипур мы кинули несколько хлопущек в фанзу китайца-работника, который жил во дворе синагоги. Это был уже великий грех с любой точки зрения.

Антисемитизм в Харбине существовал в основном среди «белых русских», которые передавали его своим детям. Моя встреча с этим явлением произошла на детской площадке, или в летнем лагере, Советского клуба, куда меня отправили родители. Там я познакомился с русским мальчиком по имени Фёдор, и мы быстро подружились. Он спросил меня, где я учусь. Я ответил, что учусь в еврейской школе. «Не может быть! - сказал Фёдор. - Ты такой хороший парень, ты не можешь быть евреем!» Китайские дети, напротив, не умели отличать евреев от русских и любого называли «ламоза».

Когда заканчивались уроки в школе, я обычно шёл домой со своими друзьями, которые жили в том же районе: Моня Езерский - на Саманной улице, а Виктор

Мы с отцом и сестрой Диной на балконе нашей харбинской квартиры на Короткой улице

Аграновский - на Ямской. Дальше я продолжал идти один, поскольку наш дом находился на Короткой. По дороге иногда мы встречали русских детей-антисемитов, которые начинали бросать в нас камни, выкрикивая при этом: «Бей жидов!», -- то, что они, несомненно, слышали дома от своих родителей. Мы, конечно, не молчали и в ответ тем же путем возвращали им их камни в качестве награды. Иногда китайские дети с криками «ламоза» бросали камни в нас, а также в русских. Я понимал, что для китайцев мы были одинаковыми, русские или евреи - все были «ламозы», и это служило мне слабым утешением.

Летом многие евреи снимали дачи на противоположном берегу реки Сунгари. Дачный сезон длился два месяца. Летние деревянные домики, поля с пасущимися коровами, свежий воздух вместо городской жары и пыли - для детей это был рай. Мы бегали, играли в догонялки, загорали и купались в реке, но всегда следили, чтобы случайно не наступить на «мины», оставленные коровами на дороге.

Каждое утро мой отец отправлялся на работу, пользуясь лодочной переправой через реку, а вечером тем же путем, на лод-

ке с лодочником, возвращался обратно к семье. Помню изрезанный берег реки и большой Солнечный остров. По воскресеньям, когда отец не ходил на работу, мы иногда бродили по берегу в тихих местах или проводили целый день на пикнике, купались и рыбачили.

Отец любил играть на фортепиано. У него была коллекция пластинок с записями классической музыки и мелодий из известных оперетт, таких как «Принцесса чардаша», «Графиня Марица» и «Веселая вдова». Дома был патефон, с прямой ручкой для завода и металлическими иглами для прослушивания пластинок, который в то время считался чудом техники. В детстве у меня был хороший слух. Я подбирал все мелодии и мог назвать музыкальный фрагмент по этикетке на пластинке. Конечно, я еще не умел читать и не мог прочесть надпись на этикетке, но это было «шоу» для родственников и знакомых.

На память приходит печальный случай, который произошел в Харбине в 1944 году, в период японского правления. Мне было тогда четыре с половиной года. Я гулял с мамой по улице, где ходили трамваи. Вдруг мы увидели, что люди толпятся возле стоявшего на путях трамвая, который как оказалось, сбил насмерть китайского мальчика. Прибывший на место происшествия японский полицейский заметил, что у погибшего в желудке был рис, который китайцам запрещалось употреблять в пищу: только японцам, господам, разрешалось есть рис. Вместо того чтобы помочь бедной матери, японский полицейский начал избивать ее за то, что она посмела кормить рисом своего ребенка. В то время жестокости японцев по отношению к китайскому населению не было пре-

дела.

Помню еще один случай, когда меня чуть не сбил грузовой поезд. Вдоль набережной реки Сунгари к мастерским была проложена железнодорожная ветка. Однажды мы втроем - отец, сестра и я - решили прогуляться по набережной, к которой вела главная улица города - Китайская. Когда мы дошли до набережной, оказалось, что дорогу нам преградил остановившийся на путях длинный грузовой состав. Я по глупости побежал вперед, собираясь пролезть между вагонами, но в этот момент поезд неожиданно тронулся. Услышав крики отца и сестры, я в последний момент отскочил назад, и это спасло меня от неминуемой гибели.

В конце апреля 1950 года мы всей семьей сели в поезд, который доставил нас в город Тяньцзинь, откуда мы отправились дальше, в Эрец Исраэль. Харбин остался в прошлом, в воспоминаниях, а впереди нас ожидала новая жизнь.

II. Детские впечатления

Вот и всё! После 36-часового полета утром 6 июня 1950 года наш самолет приземлился, наконец, в израильском аэропорту Лод.

В небольшом пассажирском терминале, построенном британцами, мы стали в очередь, чтобы пройти паспортный контроль. Новыми иммигрантами занимался служащий Еврейского агентства «Сохнут»: проверял паспорта и визы, выдавал иммиграционные сертификаты. Не было никакого шума - все устали после долгого полета и ночи, проведенной в самолете.

У нас при себе были деньги, 70 долларов - сумма, которую мы смогли получить в иностранной валюте в Харбине перед поездкой. Мой отец хранил все деньги

в ботинке, опасаясь кражи или доноса. В то время вывозить из Китая любую иностранную валюту было запрещено. Когда мы прибыли в Израиль, отец попросил обменять доллары на местную валюту и получил за них 23 израильских фунта, или лиры. Какая твердая валюта была тогда в Израиле! Фунт был эквивалентен трем долларам США!

И вот мы в автобусе оливкового цвета, принадлежащим компании «Эгед», едем в сторону Хайфы, мимо фруктовых садов и апельсиновых плантаций. Повсюду преобладает зеленый цвет. Прекрасное утро начала новой жизни в новой стране. На горизонте уже видна гора Кармель. Мы приближаемся к Хайфе. Автобус поворачивает направо и останавливается перед большими воротами центрального транзитного лагеря для иммигрантов «Шаар ха-Алия». Это бывший британский военный лагерь, который был превращен в лагерь иммигрантов в первые годы их пребывания на Святой Земле.

На территории лагеря стоят бараки и множество «индийских» палаток, рассчитанных на десять спальных мест. Мы получаем одну палатку на две семьи. У нас не так много багажа, всего два чемодана. Все ящики с вещами, которые мы упаковали в Харбине, придут морем через шесть месяцев.

На берегу моря жарко и влажно. По громкоговорителю все время передают сообщения и инструкции, приглашают всех к обеду. Мы предпочитаем взять наши порции картошки с мясными консервами и поесть у себя в палатке, чем сидеть в столовой среди большого скопления людей за длинными, не очень чистыми столами.

В офисе нам объясняют, что

«Шаар ха-Алия» - это закрытый лагерь, где мы должны оставаться в течение девяти дней, а затем мы переедем в открытый транзитный лагерь в Атлите, откуда можно будет свободно ходить куда угодно. Наступает ночь. В палатках нет освещения. Мы все устали от нелегкого путешествия, от непривычной обстановки на новом месте и рано ложимся спать. Отец снимает брюки и вешает их на веревку, которую мы натянули в палатке. Наконец наступает тишина. Мы спим на кроватях с матрасами, набитыми соломой, которые предоставило нам Еврейское агентство. Снаружи, между палатками, натываясь на веревки, ходят какие-то люди, в соседней палатке слышен разговор. Наконец все засыпают. Первый прожитый в Израиле день окончен.

Наутро следующего дня, 7 июня, отец встает первым и ищет свои брюки, которые он повесил прошлой ночью на веревку в палатке, но их нет. Он спрашивает маму, не видела ли она его брюки. Нет, она не видела, да и другие тоже не видели. Что делать? Как выйти из палатки в нижнем белье? Мы привезли с собой в чемодане мало одежды. Сосед по палатке достает штаны из своего чемодана и передает их отцу. Все идут завтракать. В столовой беспорядок. Мы стоим в очереди и наконец получаем хлеб, джем, творог и чай со вкусом рожкового дерева. Я вижу какого-то человека, который стоит в очереди, а на нем папины штаны. Я хочу закричать: «Вор, вор!», но папа заставляет меня замолчать и говорит: «Не обращай внимание, у него, вероятно, тоже украли брюки. Не стоит из-за этого кричать».

Прошел ещё один день. Сегодня 8 июня, мой день рождения. В Харбине мы заранее всей семь-

ей готовились к этому событию: приглашали гостей, накрывали на стол, заботились о подарках. Я думал про себя, какой подарок получу на этот раз от родителей. Выйти из лагеря невозможно, а вокруг нет ни одного магазина. Проблему решил продавец мороженого, который подъехал к воротам лагеря на велосипеде. Моя мама просунула продавцу через отверстие в заборе пять центов и взамен получила большую порцию шоколадного мороженого. «Вот тебе, сынок. Это всё, что я могу купить тебе сегодня на день рождения!» Я принялся облизывать мороженое - жадно, но с полным пониманием ситуации!

Девять дней карантина в лагере пролетели быстро, и вот прибыл грузовик, чтобы отвезти нас в лагерь иммигрантов в Атлите. Мы вновь увидели бараки, в которых не так давно содержались нелегальные иммигранты, задержанные британцами. По всей территории лагеря длинными рядами тянулись многочисленные палатки, вдвое больше обычных. Здесь было много людей из разных стран: румын, венгров, поляков, марокканцев, иракцев и... мы - несколько «русских» семей, приехавших из далекого Китая. Никто не мог понять, никто не верил, когда моя мама отвечала на вопрос, откуда мы приехали. Что это такое? Китайские евреи? Ха-ха-ха...

Мы, дети, довольно быстро освоились на новом месте. Была группа детей из Румынии и мы, группа детей из Китая, против них. Между обеими группами сложились напряженные отношения, не было общего языка, поэтому одни провоцировали других, что приводило иногда к дракам. Кроме того, между группами существовала тайная конкуренция, например, кто

соберет больше «молотков», которые представляли собой ножи железных кроватей, разбросанных по всей территории лагеря. Целыми днями мы бегали в поисках этих «молотков».

По субботам мы отправлялись с родителями на пляж купаться. Для желающих в лагере был кружок по изучению языка иврит («ульпан»). В десять часов утра приезжала машина «Тнуба» и привозила детям шоколадный напиток «Шоко», очень-очень вкусный. Постоянно гремели громкоговорители: на языке идиш приглашали людей в офис для участия в различных мероприятиях. Все вокруг казалось мне большим летним лагерем.

Примечательным местом на территории лагеря была главная асфальтовая дорога, вдоль которой по обе стороны ровными рядами росли пальмы. Дорога соединяла лагерь со старым шоссе Хайфа-Тель-Авив. По субботам люди гуляли по этому бульвару, покупали в единственном киоске стаканчик мороженого за 2,5 цента или выпивали стакан газированой воды с малиновым соком за 1,5 цента. У людей в то время не было денег, но они вели себя тихо и были гораздо спокойнее, чем люди сегодня.

Новым иммигрантам были предложены на выбор два варианта устройства на новом месте: один из них - мошав, т.е. участие в строительстве нового поселения, которое занимается сельским хозяйством; другой - жилье в городе, т.е. небольшая квартира в городском районе того времени. Мои родители решили поселиться в мошаве, чтобы семья была обеспечена свежими продуктами и, как говорила моя мама, чтобы у детей всегда была еда.

Мой отец вместе с другими главами семей, которые одновременно с нами приехали в Изра-

иль, отправились осматривать несколько предложенных мест, в том числе мошав Амикам возле Биньямины, который был основан иммигрантами из Харбина. Амикам находился далеко от побережья, от какого-либо поселения городского типа и к тому же не имел подходящей подъездной дороги. Предлагался также мошав Цахал - сельскохозяйственное поселение, которое основали уволенные в запас солдаты, примерно в семи километрах к северу от Нагарии, между Рош ха-Никра и заброшенной арабской деревней Ахзив. В итоге мой отец, как и остальные девять отцов «китайских» семей, выбрал именно его.

Главы семейств в первую очередь должны были заниматься строительством домов и подготовкой почвы для земледелия. Никто из них, в том числе мой отец, никогда прежде не занимался ни строительством, ни сельским хозяйством, но все вместе они очень активно взялись за выполнение задачи и внесли большой вклад как в строительство поселения, так и в подготовку почвы. Всю неде-

Мы с отцом в лагере иммигрантов в Атлите летом 1950 года

лю наши отцы работали в мошаве, а по выходным возвращались к нам, в лагерь иммигрантов «Атлит».

В начале сентября 1952 года мы, захватив с собой ящик консервов, матрасы и одеяла, которые нам выдали в лагере иммигрантов, забрались на грузовик и отправились на север, к месту проживания, подготовленному для нас нашими отцами.

Я очень хорошо помню извилистую дорогу к северу от Нагари, ведущую к заброшенной арабской деревне Ахзив, о которой впервые услышал, когда ехал на грузовике, доставившем нас, две семьи иммигрантов из Харбина, в мошав Цахал (в наст. вр. Лиман).

Рувен Кротер, в то время мой единственный друг, успел уже побывать в этом поселении прежде. Поэтому он, будучи «знатоком», сидел поверх наших вещей в передней части кузова грузовика и время от времени рассказывал мне о местах, которые мы проезжали: вот поворот, а вот большое дерево, и т.д. Мне ничего не оставалось, как слушать и принимать комментарии Рувена - в конце концов, он там уже побывал, он «знаток» и оттого даже вырос в моих глазах. Именно этого Рувену и хотелось больше всего, потому что он был на три года младше меня. Мне очень нравилась окружающая местность. Дорога вилась между огромными эвкалиптовыми деревьями, и чем ближе мы подъезжали к мошаву, тем меньше хотелось слушать надоевшие рассказы Рувена о пустынной арабской деревне Ахзив, в которой дома разрушены, но, возможно, арабы, убегая, спрятали золото среди развалин, и его можно найти...

Наконец мы доехали до двойного поворота дороги перед въездом в кибуц Гешер ха-Зив. Это

означало, что мы добрались до деревни. Грузовик проехал по аллее эвкалиптовых деревьев, и деревня Ахзив предстала передо мной во всей своей красе. В центре деревни стояло центральное здание с арками, которое мы назвали «дворцом», полагая, что это дом Мухтара, а крыша мечети рядом с ним добавляла восточной экзотики всему окружающему пространству. Забегая вперед, скажу, что впоследствии мы несколько раз пытались найти «сокровища», которые якобы были спрятаны арабами, но, конечно, безрезультатно. Вокруг было много разрушенных домов, каменных, но без крыш, а между ними росли колючие кактусы и чертополох. Наш грузовик проехал по кругу и остановился возле красивого дома с балконом справа от дороги. «Мы приехали, - объявил Рувен. - Это кооперативный магазин!» -- «А где мошав?», - спросил я. - «Мошав начинается отсюда», - ответил Рувен тоном знатока.

На левой стороне дороги, напротив кооперативного магазина, несколько женщин ожидали своей очереди у колонки с ручным насосом, чтобы набрать воды для домашних нужд. Недалеко, на холме, стоял красивый каменный дом, где жили несколько семей «египтян», прибывших сюда раньше нас и занявших жилье. В одном из старых домов, отремонтированном специально для этой цели, находилась поликлиника мошавы. Кстати, каменный дом существует по сей день, и в нём находится гостиница и музей Эли Авиви, о котором речь впереди. Все старые дома, разбросанные по территории примерно в радиусе двух километров, уже заняли члены мошавы. Мы, десять семей «китайских русских», оказались последними, завершив таким образом формиро-

вание группы возвращенцев из диаспоры.

В состав членов мошава входили «венгры», «египтяне», «голландцы», «французы» и «немцы». Самой большой была группа «венгров», они составляли большинство в комитете мошава. Почему-то они невзлюбили нас, «русских»: новые иммигранты, только что прибыли в страну, привезли с собой ящики с вещами, и им, «этим буржуйам», тут же положено всё!

«Французы», наоборот, были дружески расположены к нам. Эта группа молодых людей приехала в Израиль, увлекшись идеями сионизма. Среди них были пары и одиночки, с французскими именами: Роже, Пьер, Шарль, Арлетт и Жанетт. Они держались сплоченной группой и поселились в домах, где прежде жили офицеры британской армии, прямо на берегу моря. Все остальные этнические группы жили в арабских домах, каменных или бетонных, построенных по всей территории, в садах и вдоль главной дороги.

Для нас, прибывших последними, в эвкалиптовой роще возле дороги, примерно в километре к северу от продуктового магазина, соорудили несколько барачков из жестяных листов, размером 4х6 кв.м каждый. Барачки были без полов, без воды и без замков. Во дворе гордо стоял водопроводный кран, один на всех. А как же туалет? Ха-ха-ха! Чего вдруг? Идите в сторону, за кусты, и уединяйтесь с природой...

Поблизости находилось еще одно красивое здание из обтесанного камня, в котором когда-то была школа для детей британских офицеров, служивших в военном лагере на берегу моря недалеко отсюда. Теперь в этом доме проживала местная элита - «немецкие» семьи: Зеев

Шварц, секретарь мошава, Яков Шницер, отвечавший за безопасность, Цви Левин, водитель одного из двух грузовиков поселения, Иоахим Вермут, который позже заменил Шницера в качестве офицера безопасности в мошаве.

Вот в таких условиях мы начинали строить новую жизнь, совсем не похожую на ту, к которой мы привыкли в Харбине. Все это сборище евреев, изгнанных из разных стран, сплотила в единую семью одна общая цель - открыть новую главу в истории народа, и люди были готовы помогать друг другу, приносить личные жертвы, очень усердно трудиться, чтобы добиться успеха в решении стоявшей перед ними задачи.

В те дни каждый из нас учился радоваться, никто ничего не требовал, мы были благодарны за всё, что получили, и справлялись со всем. Людей не интересовала материальная сторона жизни, и они отдавали предпочтение духовным интересам, имея для этого больше времени. Ни у кого не было денег - обстоятельство, которое более или менее уравнивало людей, что в свою очередь сближало и объединяло всех.

Раз в неделю, по вечерам в субботу, комитет мошава предоставлял членам поселения два сельских грузовика, и тогда любой желающий мог отправиться в Нагарию провести вечер. Одни шли в кинотеатр, другие сидели в кафе «Пингвин» или «Гинати» («Мой сад») -- два кафе, которые пользовались популярностью у членов мошава.

Как уже говорилось, «виллы», которые мы получили, представляли собой бараки из жести площадью 24 кв.м для каждой семьи. Мы прожили в них около восьми месяцев, включая дождливую зиму, пока строящиеся

в то время дома в мошаве еще не были готовы к заселению. Известна притча о человеке, который пожаловался раввину на тесноту в комнате, где проживала его семья. Раввин посоветовал ему впустить в комнату корову, затем козла, а когда стало совсем тесно, велел вывести животных из комнаты и вернуть их назад, на прежнее место. В нашем случае это не имело значения. Всё наоборот! Наш лозунг был: «Всем добро пожаловать!»

В нашем бараке было четыре кровати и ящики с личными вещами. В углу стоял большой ящик с пианино, которое мы привезли с собой из Китая. В центре барака оставалось около четырех квадратных метров свободного пространства, и мы «выложили» его досками от нескольких ящиков. В результате получился пол, вполне пригодный для танцев. Любители культуры, собиравшиеся у нас по вечерам в пятницу, а таковых бывало от восьми до десяти человек, слушали музыку. Отец играл на пианино и желающие танцевали танго, вальс или новый танец самбу, в то время очень популярный. Слух о «Пиано-баре» отца быстро распространился среди членов мошава, и к нам стали приходить люди, которых мы едва знали. Большинство тех, кто приходил к отцу на «танцевальную вечеринку», толпились снаружи, потому что внутри не было места даже для козла...

Настал день, когда мы переехали в наш новый дом из двух комнат и кухни, в котором не было внутренних дверей, электричества, туалета и душа, но зато площадь его была около 40 кв.м и пол был выложен плиткой. По сравнению с маленьким бараком, наш дом теперь выглядел, как дворец. По пятницам на

отцовские «вечеринки» собирались уже по 15-20 человек и сидели, тесно прижавшись друг к другу.

Что делать молодым людям темными вечерами? Вы догадались! Они разговаривали и занимались любовью. В те времена любовь была все еще свободна и не зависела от интересов, как сегодня. Любовь процветала среди жителей поселения свободно и открыто. Пары возникали и распадались, флирты и романы среди женатых людей или одиноких партнеров расцветали, как грибы после дождя. Все происходило на глазах у всех, и никто не видел в этом ничего необычного. Всё было просто и естественно. Человеческая природа никогда не меняется. Предательство и разочарование всегда существовали и будут существовать в будущем. Бывали также случаи, когда флиртовали сознательно, у всех на виду, при молчаливом согласии, как в поговорке, «всё остается в семье»...

«Пиано-бар» отца фактически закончился с открытием местного клуба. По сравнению с маленькой комнатой в нашем доме, это помещение казалось огромным залом. В нем могли поместиться все члены поселения, около 200 человек, но лишь стоя плечом к плечу. Вот в такой обстановке состоялся первый в мошаве большой танцевальный вечер - Пуримский бал. Новый зал был переполнен. Все жители поселения были в «свообразных» костюмах: мужчины замаскировались под женщин, а женщины - под мужчин. Из-за нехватки средств это был единственный способ нарядиться и провести праздник Пурим вместе.

По случаю праздника комитет мошава согласился пригласить аккордеониста и выделил на это

значительную по тем временам сумму - 8 фунтов стерлингов. Мой отец пригласил молодого человека, который приехал в Израиль вместе с нами и был известен в Харбине как преподаватель фортепиано и аккордеона. Парень вышел на сцену с аккордеоном и стал играть, желая порадовать публику, заполнившую маленький зал клуба. Но в зале было шумно, музыка только утомляла и слушать аккордеониста было невозможно. Спас положение родственник одного из членов мошава. Он вышел на сцену с аккордеоном в 120 басов и начал играть веселую музыку для танцев. Все очнулись и принялись танцевать с большим энтузиазмом, а потом аплодировали аккордеонисту Азриэлю, который сохранил праздничную атмосферу первого бала мошава в 1952 году.

Иногда из отдела культуры профсоюза присылали в мошав исполнителя песен в сопровождении аккордеониста, чтобы порадовать людей знакомыми мелодиями с их родины, в том числе и русскими песнями, которые согревали душу иммигрантам. По пятницам приезжал передвижной кинотеатр, и тогда на наружной стене клуба, служившей экраном, демонстрировались кинофильмы и вестерны тех лет. После просмотра фильма устраивались танцы под радио-патефон «Бен-Галь» израильского производства, купленный комитетом мошава для клуба. Эли, который отвечал за культурные мероприятия в поселении, предложил мне, пятнадцатилетнему подростку, знакомому с популярной музыкой, исполнять обязанности диджея, и я с радостью согласился. Клуб был важным объединяющим фактором в жизни членов мошава, и я очень гордился тем, что мне выпала возможность

Родители у нашего дома в мошаве Лиман

принимать в этом активное участие.

Заброшенная арабская деревня Ахзив... Когда я слышу «Ахзив», сразу вспоминаю прекрасный период своей молодости. С Ахзивом у меня связано много воспоминаний и курьёзов, происходивших там в разное время, начиная с поиска «тайников», которые якобы спрятали арабы в домах, когда мы приехали в начале 1950-х, и кончая сногшибательными развлечениями в Средиземноморском клубе, который был создан в этом районе в 1970-х годах.

Любой, кто когда-нибудь бродил по руинам деревни вечером, кто смотрел на море, на закат на широком горизонте, между утесом Рош ха-Никра на севере и горой Кармель на юге, тот понимает, о чем я говорю. Среди тех, кто был очарован местными достопримечательностями, был и наш знакомый Эли Авиви. Приехав в этот район в 1952 году, он решил поселиться здесь и открыть музей и хостел для туристов. Спустя некоторое время он окружил территорию забором и дал ей название «Государство Ахзив».

В те времена поведение Эли полностью противоречило ми-

ровозрению жителей мошава, которых переполнял дух новаторства и желание работать, ведь они приехали сюда, чтобы строить новое поселение. И тут вдруг появляется странный парень, бродит по развалинам деревни в трусах для плавания, не работает и целыми днями только копает землю в поисках древностей и фрагментов керамики. Парень заявляет, что он одиночка, живет на каких-то развалинах, как первобытный человек. Сегодня мы привыкли к всевозможным странным типам, которые живут в отдаленных местах на природе или в заброшенных домах. В то время его считали заражённым, и все относились к нему как к паразиту и сумасшедшему.

Правда, впоследствии оказалось, что Эли не был таким уж затворником, он любил комфорт и не чуждался материальных благ, но больше всего на свете любил женщин. Он всегда утверждал, что тело женщины есть самое совершенное творение природы, поэтому следует восхищаться женским телом, изображать его и прославлять гениальность Творца.

И действительно, когда у меня однажды была возможность

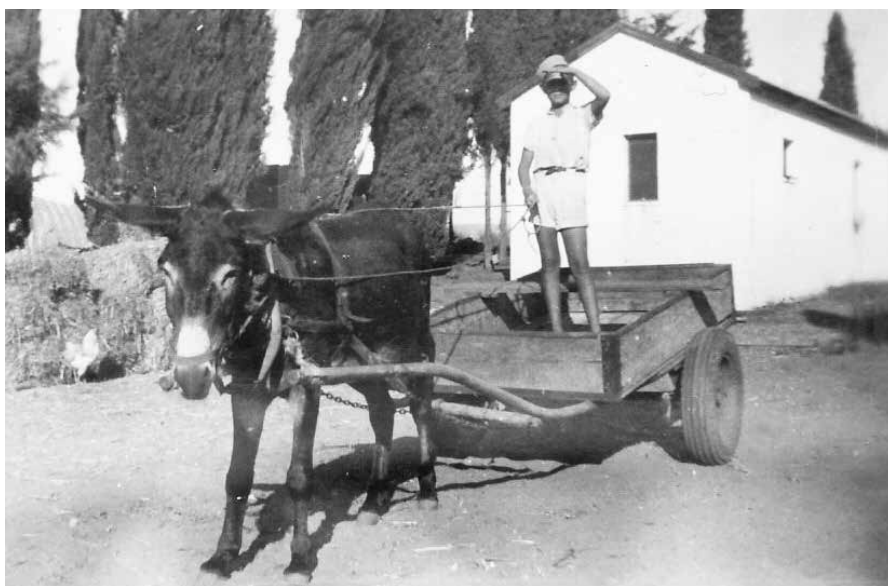
заглянуть в фотоальбом Эли Авиви, который лежал рядом с гостевой книгой в его хостеле, я понял, что женщины любят фотографироваться и что они не всегда строго относятся к выбору позы или платья, когда фотограф расхваливает их фотогеничность и красоту, даже если они выглядят как «коровы Башана»¹...

Эли иногда бывал в нашем поселении. Однажды он появился в нашем доме с явным намерением ухаживать за моей сестрой, в то время молодой девушкой, получившей образование, которое, конечно, полностью противоречило взглядам Эли Авиви. Он пришел в коротких трусах для плавания, босиком и с цветком в руке. У нас сложилось впечатление, что человек немного не в своем уме и его следует выпроводить из дома как можно скорее. Моя сестра, насколько я помню, была неприветлива с ним, но это его не беспокоило, и он продолжил наносить визиты еще несколько раз, пока в один прекрасный день отец не указал ему на дверь, отказав от дома. Кто знает, что моя сестра «потеряла» в жизни! Возможно, она могла бы стать Первой леди «Государства Ахзив»...

Ш. Ферма в мошаве

Я хочу рассказать читателям, каково было быть фермером в мошаве в период нашей иммиграции в Израиль в начале 1950-х годов. Членами поселения были в основном молодые люди, которые приехали в Израиль во время Войны за независимость или по окончании военных действий. Они прибыли из европейских стран, таких как Франция, Голландия, Германия и Венгрия:

¹ Книга пророка Амоса, гл. IV: «Слушайте это слово, вы, женщины Самарии, разжиревшие, как коровы Башана, вы, притесняющие бедных...» (Прим.ред.)

Я во дворе дома со своим ослом Ферри

одни пережили Холокост, другие прониклись сионистскими идеями. К ним присоединились и мы, десять китайских «русских» семей, тоже ставших членами мошава.

Всех объединяли два обстоятельства: во-первых, все хотели построить поселение и начать новую жизнь в Израиле; во-вторых, никто не знал, как обрабатывать землю и заниматься фермерством. Тем не менее, все энергично взялись за работу. В итоге подготовили участки для строительства домов и почву для земледелия, стали строить дома, и по окончании строительства каждый участник получил небольшой дом из двух комнат и кухни, но без туалета, электричества и водопровода.

Кроме того, мы получили корову и курятник с 40 цыплятами. Нам обещали, что мы получим лошадь или мула с телегой на каждые две семьи, но позднее. Через некоторое время нам действительно сообщили, что наши лошади прибыли на пароходе прямо с Дикого Запада Соединенных Штатов и что вскоре мы их получим. Услышав об этом, я сразу вспомнил сцены из фильмов о Диком Западе, в которых

по прерии несется табун мустангов, а за ним скачут ковбои или индейцы и бросают лассо, чтобы заарканить одного из них. Оказалось, что я почти не ошибся: лошадь, которую мы получили и назвали Нелли, была дикой. Как только мы попытались запрячь её в телегу, она встала на дыбы и как сумасшедшая умчалась в открытое поле, как будто перед ней была техасская прерия. Через несколько дней мы обнаружили нашу лошадь, бродившую в поле, но ни одна попытка с нашей стороны поймать её и вернуть домой не увенчалась успехом. Стало ясно, что необходимо искать опытного ковбоя, умеющего бросать лассо. Учитывая это обстоятельство, мы отказались иметь с ней дело.

В детстве я воспринимал окружающий мир относительно легко. У меня не было никаких забот о завтрашнем дне. Каждый день приносил что-то новое, воодушевлявшее меня. Так, однажды, когда у нас уже был курятник с цыплятами, я нашел там одно маленькое яйцо. Воодушевленный находкой, я помчался домой, чтобы показать маме первое яйцо с нашей фер-

мы.

Забота о корове, естественно, выпала на долю моего отца. Корова, которую мы получили, была швейцарской, светло-коричневой, и мы назвали её Сильвой в честь героини знаменитой оперетты. Сильва была спокойная, но не давала молока до тех пор, пока не родила свою первую телку. Какая радость! Мы все собрались вокруг маленькой телки, как будто в нашей семье появился новорождённый ребенок, и позаботились о том, чтобы телка находилась в уютном месте рядом со своей матерью. Отец впервые в жизни стал доить корову, чтобы обеспечить телку молоком.

Вскоре нам стало ясно, что невозможно зарабатывать на жизнь одной коровой и маленьким курятником. Крайне необходимо было также заниматься овощеводством, что, собственно, и делали большинство членов мошава. Поскольку никто не знал, как выращивать овощи, нам прислали инструктора по сельскому хозяйству, который должен был помочь членам мошава научиться работать в этой области. Прибывший инструктор был не очень опытным и предложил почти всем выращивать баклажаны. Что мы знали о баклажанах? Ничего. Наблюдая, как маленькие баклажаны росли и становились пурпурными, мы с удовольствием потирали руки в надежде, что скоро разбогатеем, как говорил нам инструктор.

Когда пришло время, мы собрали созревшие баклажаны и разложили их по коробкам, подготовив к отправке. Наши сердца были переполнены гордостью, и мы надеялись получить хорошую выручку за прекрасный товар, который выращивали с такой любовью. Но, как обычно, надежды - это одно, а реаль-

Моя мама кормит корову

ность - другое. Какое разочарование постигло нас, когда через некоторое время нам сообщили, что наши баклажаны вообще не достигли рынка, потому что рынок в то время был наводнен баклажанами! Нашу продукцию отправили на корм коровам в какой-то кибуц. Однако стоимость каждого килограмма оказалась настолько жалкой, что в итоге мы не смогли окупить вложенные нами финансовые средства, не говоря уже о затраченных усилиях и времени.

«Не беспокойтесь, - сказал нам инструктор, - на этот раз не сработало, но в следующий раз вы добьетесь успеха! Помидоры, господа! Будущее за помидорами! Инвестируйте в выращивание помидоров - и вы преуспеете!»

Выбора не было, и мы принялись снова пахать, удобрять, сажать - словом, делали все, как говорил нам инструктор. И вот, наконец, настало время собирать урожай. Нам было сказано заполнить ящики и отправить их в «Тнуву»². Оставалось лишь

² В те годы «Тнува» была сельскохозяйственным кооперативом, принадлежавшим Союзу кибуцов и мошавов, который занимался сбытом сельскохозяйственной продукции. - (Прим. ред.)

дождаться установления цен на рынке. «На этот раз мы добьемся успеха, - думал я. - Мы должны добиться успеха!» Но нам опять не повезло: рынок был наводнен помидорами, и вырученная сумма оказалась довольно низкой, что никак не соответствовало нашим планам. Мы стали обвинять нашего инструктора в том, что он опять выбрал для нас неподходящий вариант, но он вновь попытался успокоить нас, предложив выращивать уникальные овощи, такие как кольраби, цветная капуста и арахис. Хотя эти овощи требуют особой обработки, но цена на них высокая и спрос есть всегда.

Никто из нас понятия не имел, как выращивать кольраби. Однако слова инструктора звучали заманчиво. Мы сказали себе: «Если мы дважды потерпели неудачу, у нас есть все шансы, чтобы добиться успеха в этот раз!» Сказали и сделали. Мы засадили участок земли рассадой кольраби. Рассада хорошо прижилась и красиво разрослась. Вот уже появляются маленькие кольраби и подрастают день ото дня. Еще немного, и можно будет приступить к уборке урожая.

В глубине души я предвкушал успех, но в таких случаях обычно находится желающий войти в компанию. Вот и у нас появился невидимый «компаньон» -- крот, которому, вероятно, понравились кольраби, решил присоединиться, чтобы полакомиться. На самом же деле он за ночь прорывал множество подземных кормовых ходов. Всё наше поле было покрыто кучками земли, которые он при этом выбрасывал наверх. В поисках дождевых червей, которые служили ему пищей, он повреждал своими кормовыми ходами корни выращиваемых нами кольраби.

Мы были в отчаянии, не зная, что предпринять, как избавиться от нежелательного «компаньона». «Купите пушку и ликвидируйте «компаньона», - посоветовал инструктор. - «Какая пушка? Как это делается?» - спрашивали мы. - «Нет проблем, я принесу вам пушку», - сказал гид. Он вернулся, держа в руке что-то похожее на короткую трубку с ножками. «Это пушка, - сказал он, - с ее помощью вы избавитесь от «компаньона». Купите себе несколько патронов для дробовика, вооружитесь пушкой и идите спокойно спать. Завтра утром у вас больше не будет «компаньона»!

Хотя из пушки несколько раз стреляли и несколько кротов были уничтожены, через некоторое время мы снова обнаружили кучки земли и поврежденные овощи. Мы решили, что у кротов, вероятно, были родственники, которые поспешили завершить работу.

Так что и на этот раз у нас не было большой прибыли от так называемого успешного выращивания кольраби. И всё же мы узнали кое-что важное: во-первых, неудача - это сиротство, а успех - это всегда «партнеры»; во-вторых, лучше синица в ру-

Мой отец с одной из наших коров

ках, чем журавль в небе. Это утверждение привело нас к выводу, что выращивание овощей не принесет нам большой прибыли. Поэтому мы решили сосредоточить усилия на молочном производстве. Это была очень тяжелая работа, но она не зависела от сезонных цен на продукцию или от каких-либо «партнеров».

Наша первая корова, Сильва, вырастила молодое поколение, и её потомство продолжало плодиться. В итоге в нашем коровнике было уже двенадцать молочных коров, которые требовали ухода с утра до ночи. Весь день мой отец был занят дойкой, приносил коровам овощи и еду, снова доил и снова кормил их. Это была очень трудная и крайне утомительная работа, не дававшая ни одного дня отдыха, но в результате поговорка о синице в руках и журавле в небе подтвердилась.

Коровы знали только моего отца - он был единственным человеком, который заботился о них и никому не позволял приближаться к ним. Я испытал это на себе, когда однажды вошел во двор коровника, где они гуляли,

и одна из них, по имени Аида, бросилась на меня и боднула рогами. Мне с трудом удалось бежать с места происшествия, но с серьезной раной на животе. Именно в тот момент я отказался от мысли стать знаменитым тореадором в Испании. Вполне хватало того, что я помогал отцу кормить коров, развозить молоко, но физического контакта с коровами я избегал.

Для меня, мальчика, жизнь в мошаве была полна удовлетворения и приключений. Какой городской мальчик устаивается права сидеть у костра на арбузном поле в лунную ночь и развлекаться? Какой городской мальчик может самостоятельно ехать в телеге с запряженной лошастью? Какой городской мальчик имеет возможность участвовать в охране, вооружившись настоящей винтовкой с пулями?

С общественной точки зрения, все жители мошава жили одной большой семьей, помогали друг другу, радовались вместе, разделяя радость со всеми, и это было настоящее веселье!..

Пер.с иврита Ц.Любман

IV. От редакции

Вместо эпилога мы публикуем замечательный снимок, который прислал нам вслед за рукописью автор «Воспоминаний о детстве». Спустя много лет Моше Лихоманов и его сестра Дина навестили родной город и нашли дом на ул.Короткой, в котором когда-то жили с родителями, чудом сохранившийся типичный образец харбинской архитектуры того времени.

На снимке: Моше и Дина на фоне дома, где прошли их детские годы. Рядом с Диной её муж Гершон и дочь Мишель.

Харбин, 2006 г.

СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ СТУДЕНТОВ

Наши студенты-стипендиаты в большинстве своем являются представителями третьего поколения выходцев из Китая. Вот уже несколько лет, принимая от студентов заявки на

получение стипендий на Хануку, мы обращаемся с просьбой к претендентам присылать нам небольшие рассказы о своей семье – о дедушках и бабушках, проживавших в Китае,

об их иммиграции из Китая в Израиль в 1950-х годах и о том, как они устраивали свою жизнь в новой стране. Ниже мы публикуем некоторые из них.

Мой дедушка Гарри Уманский

Ям УМАНСКИ

Мой дедушка Гарри Уманский родился в Харбине 24 августа 1930 года в семье Баруха и Сони Уманских, приехавших из России. Он был их единственным сыном. В 1950 году Гарри самостоятельно приехал в Израиль с намерением найти работу и место жительства, чтобы затем принять здесь своих родителей. По прибытии в Израиль его на-

правили в лагерь «Шаар Алия» в Хайфе, который служил транзитным лагерем для новых иммигрантов. Через несколько дней Гарри покинул лагерь и пошел работать на стройку простым рабочим. Он приходил утром на строительную площадку в костюме, переодевался в рабочую одежду, а в конце тяжелого рабочего дня снова надевал костюм и возвращался в квартиру, которую снимал – это, безусловно, было необычным

зрелищем среди новаторских пейзажей Израиля тех дней. Спустя несколько месяцев до Гарри дошли сведения о том, что группа приехавших из Китая собирается основать новое сельскохозяйственное поселение около Биньямины. Гарри увидел в этом возможность включиться в жизнь страны, реализовать идею сионизма и в то же время подготовить почву для приезда к нему родителей, которые оставались в Китае, ожидая воз-

возможности выехать в Израиль, и решил присоединиться к группе основателей поселка Амикам. На первых порах, когда он вместе с другими членами группы занимались созданием инфраструктуры для поселения и подготовкой почвы, все жили в палатках. Позднее члены группы переселились в дома, поставленные Еврейским агентством, и стали жителями поселения Амикам. Родители Гарри, моего дедушки, приехали к нему из Китая через полгода.

История моего деда Сассона Якоби

Хагар ЯКОБИ

Мой дедушка Сассон Якоби родился в мае 1918 года в Шанхае. Он был сыном Иезекииля Якова, который служил раввином в синагоге евреев из Багдада «Охель Рахель» и удивлял всех своим канторским голосом. Сассон рос в семье, где их было шестеро братьев и сестер. Он учился в британской школе в Шанхае, а потом изучал журналистику в американском университете. Став журналистом, он работал репортером и редактором местной газеты на английском языке. Вместе с двумя братьями он состоял членом отделения «Херут», которое было создано Мордехаем Ольмертом, отцом бывшего премьер-министра Израиля Эхуда Ольмерта. На фоне такой деятельности можно понять решение трех братьев уехать в Эрец Исраэль – страну Израиля в 1949 году, когда в Китае к власти пришли комму-

В 1951 году еврейское государство уже заботилось о том, чтобы маленькие дети в Амикаме получали образование, и потому в поселение прислали молодую воспитательницу, Сарру, из Рамат-Гана, которая только что окончила курс.

Жители поселка забеспокоились, согласится ли воспитательница остаться – дома в поселке маленькие, туалеты отдельно во дворе, дороги не асфальтированы, почти нет говорящих на иврите, да и участ-

ка для детского сада еще нет. И тогда они попросили красивого молодого человека по имени Гарри, который в то время жил один, принять воспитательницу и помочь ей привыкнуть к сельской жизни... Свадьба состоялась через полгода.

Мой дедушка Гарри Уманский построил великолепный дом в Рамат-Гане, и они с бабушкой Саррой произвели на свет троих детей, которые подарили им восемь внуков и четырех правнуков.

нисты.

Сассон приехал в Израиль в рамках программы «Добровольцы из заграницы» и поселился в сельскохозяйственном кооперативе – мошаве Рамот-Мэир близ Реховота, затем перешел в мошав Бней-Дрор в Шароне, занимался сельских хозяйством.

Из Рамот-Мэира он был призван в Армию Обороны Израиля, служил разведчиком. После демобилизации он женился на Хане Леви – моей бабушке, с которой встречался во время обучения в мошаве Рамот-Меир. Молодая пара нуждалась в средствах к существованию. Тогда Сассон принял предложение своего друга Джорджа Леонова использовать опыт работы в качестве журналиста и приступить к работе вместе с ним в единственной ежедневной газете, выходившей тогда в Израиле – «Джерузалем Пост». Редакция газеты находилась в Иерусалиме, и Сассон с женой Ханой по-

селились в столице.

Мой дедушка был редактором и репортером газеты на протяжении тридцати трех лет. Он использовал свои знания в области журналистики и языка иврит, чтобы преуспеть в своей работе. Дедушка работал репортером в агентстве «Франс-Пресс» и редактировал раздел “Israel Messenger” для сефардских евреев в журнале Ассоциации выходцев из Китая в Израиле. Он писал об истории евреев Китая, в частности, иракских евреев, сосредоточенных в Шанхае, где он родился.

Мой отец, Иезекииль, единственный сын дедушки и бабушки, родился в Иерусалиме. Он тоже выбрал профессию журналиста, но на сей раз выбор пал на израильское телевидение. Дедушка умер в июне 2006 года в возрасте 88 лет и похоронен в Иерусалиме. Он оставил жену, сына и трех внуков: Анвара, Хагар и Галя, стипендиатов ИИС.

НА ХАНУКАЛЬНОЙ ВСТРЕЧЕ ЗЕМЛЯКОВ

4 декабря 2018 года состоялась ханукальная встреча земляков, на которой по старой доброй традиции были вручены стипендии студентам. Как и в прошлые годы, встреча проходила в аудитории «Бней Цион» Музея диаспоры «Бейт ха-Тфуцот» (кампус Тель-Авивского университета).

К назначенному часу стала собираться публика: старшее поколение наших земляков, гости, молодежь – внуки и правнуки членов Игуд Иоцей Син и студенты из Китая, которые учатся в Израиле. Как всегда организаторы встречи позаботились о легком угощении. Все приехавшие радовались встрече с друзьями и знакомыми, беседовали друг с другом в непринужденной обстановке, завязывали новые знакомства. Некоторых студентов сопровождали родители, бабушка или дедушка, что говорит о имеющей место преемственности поколений в семьях выходцев из Китая.

На встречу прибыли почетные гости из китайского посольства во главе с поверенным в делах г-ном Цай Вэймином, который был приглашен в президиум. Вместе с ним места в президиуме заняли председатель ИИС Иоси Клейн, представитель отдела стран Азии Министерства иностранных дел Израиля Амир Латти, Раша Кауфман, Илана и Гиора Леск, зам.председателя ОДИК Галь Фурер.

Вечер открыл член правления ИИС Алекс Нахумсон. После приветствия он предоставил

слово председателю ИИС Иоси Клейну. Затем с приветственным словом к собравшимся обратился поверенный в делах Посольства КНР в Израиле Цай Вэймин. Перед аудиторией также выступили Амир Латти и Галь Фурер.

После официальных выступлений на сцену вышла исполнительница популярных песен на иврите Шула Хен в сопровождении музыканта Игоря Порецки.

Их выступление было тепло встречено аудиторией. В музыкальной программе принимал участие также Ави Корен.

По окончании музыкальной части состоялась церемония зажигания третьей ханукальной свечи, в которой приняли участие две студентки – Лиан Комбелис и Шарон Франсис. Затем ведущий программы вечера Алекс Нахумсон пригласил на сцену представителей студентов: от имени китайских студентов выступила Цзян Нань, от имени израильских студентов – Зив Гринер.

Началась церемония вручения стипендий. К столу президиума

сначала были приглашены студенты из Китая, а за ними один за другим стали подниматься на сцену израильские студенты. Стипендии вручали поверенный в делах Цай Вэймин, представитель ОДИК Галь Фурер, Иоси Клейн, Раша Кауфман.

Всего было выдано 98 стипендий, из которых 86 получили израильские и 12 – китайские студенты.

Из фонда Александра и Джун Мейзиных стипендии получили 60 студентов; из фонда Этель Дан – 8; из фонда Гари Тригубова – памяти Фриды и Моше Тригубовых – 5; из фонда ИИС: памяти Джо Вайнера – 1, памяти Беллы Гольдрайх – 1, памяти Тедди Кауфмана – 3; из фонда Аси Коган памяти Тедди Кауфмана – 6. Илана и Гиора Леск пожертвовали на две стипендии – памяти Эллы и Шломо Леск и памяти Муси и Дани Беркович.

Стипендии из Фонда Общества дружбы Израиль-Китай получили 12 студентов из Китая, которые учатся в ведущих университетах Израиля: Тель-Авивском, Хайфском, Бар-Иланском и Еврейском университете в Иерусалиме.

По окончании церемонии студенты-стипендиаты вновь поднялись на сцену и по традиции на память сфотографировались с членами президиума. В заключение ведущий Алекс Нахумсон пожелал всем студентам-стипендиатам здоровья и успехов. До следующей встречи на Хануку в декабре 2019-го!

ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ В ЖИЗНИ ИИС И ОДИК

16 сентября 2018 г. по случаю 69-ой годовщины образования КНР состоялось выступление фольклорного ансамбля из Китая, впечатляющее представление в великолепных оригинальных костюмах. Посол КНР в Израиле Чжань Юнсинь приветствовал артистов, а от израильской публики с приветственным словом к ним обратился Офир Акунис.

16 октября 2018 г. в офисе ИИС представители Тяньцзиньского радио и ТВ демонстрировали киноленту, посвященную городу, а также интервьюировали бывших жителей Тяньцзиня Мэри Шварц и Исраэля (Санни) Карни-Кримчанского.

26 ноября 2018 г. отмечалась 1-я годовщина открытия в Тель-Авиве Китайского культурного центра. В концерте, на котором присутствовал посол КНР в Израиле Чжань Юнсинь, принимали участие китайские музыканты, исполнявшие произведения на китайских народных инструментах.

4 декабря 2018 г. на традиционной Ханукальной встрече земляков были вручены стипендии Игуд Иоцей Син и Общества дружбы Израиль-Китай израильским и китайским студентам академических учебных заведений Израиля. На церемонии присутствовали представители китайского посольства.

15 января 2019 г. в офисе ИИС архитектор Мэгги Ян выступила с лекцией «Современная китайская архитектура». Лекция на английском языке с демон-

страцией фотографий продолжалась более часа и вызвала большой интерес у аудитории.

25 марта 2019 г. в офисе ИИС профессор Тель-Авивского университета Арон Шай выступил с лекцией «Израильско-китайские отношения в свете китайских инвестиций в Израиле». Профессор Шай – известный в Израиле и других странах специалист по Китаю, один из основателей Отдела исследований Восточной Азии. С 2010 по 2015 гг. он был ректором Тель-Авивского университета. Собравшиеся с большим вниманием слушали интересную лекцию.

1 апреля 2019 г. в Китайском культурном центре состоялось открытие выставки фотографий Карла Фридмана, посвященной жизни Тяньцзиньской еврейской общины. Событие стало возможным благодаря усилиям сына фотографа Дэнни Фридмана и его супруги Мириам. Дэнни рассказал собравшимся удивительную историю бегства его отца из Австрии в Китай в 1938 году.

29 мая 2019 г. состоялась ежегодная поездка по стране членов ОДИК и представителей ИИС, в которой традиционно принимают участие посол КНР в Израиле и сопровождающие его представители посольства. Участники поездки посетили мошав Амикам, парк Рамат ха-Надив и уникальный археологический объект «Мей Кедем» («Древняя вода»).

10 июня 2019 г. профессор Харбинского университета Дан

Бен-Канаан с супругой г-жой Лян посетили офис ИИС. В беседе с Иоси Клейном профессор рассказал о передаче в Музей диаспоры «Бейт-Хатфуцот» большого собрания документов и фотографий о жизни евреев в Харбине. Это вторая часть лекции, переданная им в музей, которая в электронно-цифровом варианте доступна для изучения специалистами в любой стране мира.

11 июня 2019 г. в офисе ИИС побывали корреспонденты газеты “People’s Daily” в Каире г-жа Цзин Юй и г-н Хуан Пичжао, освещающие события на Ближнем Востоке. В беседе с председателем ИИС Иоси Клейном были затронуты вопросы, касающиеся жизни евреев в Китае, в частности, его семьи в Харбине.

13 июня 2019 г. состоялось ежегодное общее собрание членов ИИС, на котором с отчетным докладом выступил председатель Иоси Клейн. Аудитор Яков Гринберг представил бухгалтерский баланс за 2018 г. В состав исполнительного комитета, вместо скончавшегося Тедди Пястуновича, был избран Эран Розен (Разношиков). Вместо Рафи Рашинского, членом ревизионной комиссии был избран Ариэль Эльдор (Фрадкин).

«Парламент» – собрания членов ИИС и ОДИК, которые периодически устраиваются по пятницам в офисе. На этих встречах проводятся свободные дискуссии на темы, предложенные участниками.

Светлой памяти Рони и Тедди

Они ушли из жизни один за другим — Рони Вейнерман и Тедди Пястунович.

В конце 1990-х годов председатель ИИС Тедди Кауфман, понимая важность продолжения дела отцов-основателей, пригласил их, сыновей, поддержать Игуд Иоцей Син, и они откликнулись на его призыв. Р.Вейнер-

ман стал вторым вице-председателем ИИС, а Т.Пястунович занялся входившим тогда в практику интернетом и организовал сайт ИИС.

Многие годы Рони был ведущим программы ханукальных встреч и церемоний вручения стипендий студентам.

После кончины Т.Кауфмана

Рони и Тедди стали заместителями возглавившего ИИС И.Клейна. Пост председателя Общества дружбы Израиль-Китай занял Тедди, потом его сменил Рони. До конца дней они оставались преданными нашему общему делу.

Да будет светла их память!

На ханукальной встрече молодежь

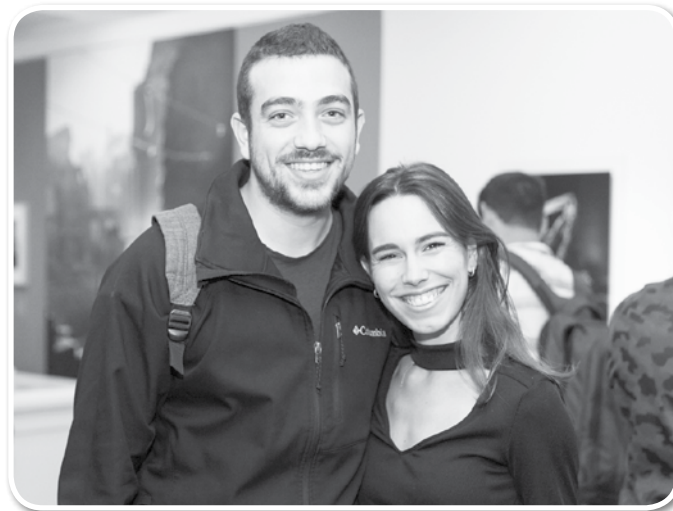
Мэри Шварц с внучкой Кораль Озер

Илана Герман с внучкой Ким Шарон

Илья и Павел Походяевы, правнуки Якова Абрамовича Ярхо, внуки Фиры Ярхо

Раз Клейн и Томер Соправски, правнуки Сёмы и Оли Клейн, внуки Иоси и Пнины

Тридцатилетие Ассоциации «Харбин»

3 декабря 2018 года у всех нас знаменательный день – ровно 30 лет назад (в 1988 г.) в Новосибирске была создана Всесоюзная Ассоциация друзей Харбинского политехнического института (Ассоциация «Харбин»).

По предложению Георгия Александровича Мыслина была создана инициативная группа в составе четырёх выпускников ХПИ (Г.А.Мыслин, П.К.Фиалковский, П.М.Зверев и Г.А.Шереметьева). Будущая Ассоциация в лице её инициативной группы была принята коллективным членом в Общество советско-китайской дружбы.

3 декабря 1988 года в Новосибирске состоялось общее организационное собрание, на котором присутствовали также представители Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Барнаула, Свердловска, Тюмени, Оренбурга, Алма-Аты и других городов, в которых уже на следующий год были образованы свои отделения Ассоциации. Это была незабываемая встреча земляков, разъехавшихся 30-35 лет назад из Харбина, а также из других городов, станций и посёлков

Маньчжурии во время целинной эпопеи. На этом собрании был избран Совет Ассоциации: Г.А. Мыслин (председатель) и члены – П.К.Фиалковский, В.И.Мишин, П.М.Зверев, Г.А.Шереметьева, Н.П.Титова, А.Е.Протоковец, О.П.Шерва и Л.П.Кравченко. Председателем ревизионной комиссии был избран Л.М.Норин.

В 1990-1994 гг. выпускалось информационное издание (газета) «Харбинъ» (редактор Т.М.Попова). 29 октября 1994 года состоялось общее собрание Новосибирского отделения Ассоциации «Харбин». С учетом новых реалий (исчез Советский Союз, появились новые границы, стало практически невозможным проведение отчетно-выборных собраний со сбором представителей отделений из разных городов и стран) было решено называть нашу организацию «Ассоциация «Харбин», г. Новосибирск». Все иногородние и иностранные теперь отделения обретали по нему полную самостоятельность. Был избран Совет в составе 9 человек во главе с председателем А.Г.Петренко.

9 октября 1993 года вышел пер-

вый номер газеты «На сопках Маньчжурии» – органа Новосибирского отделения Ассоциации «Харбин», сегодняшний 202-й номер которой вышел в 25-ю годовщину её существования. Увы, читателей (как и писателей) нашего издания становится всё меньше и меньше, а очередные номера со временем придётся выпускать только по мере накопления новых материалов.

Оглядываясь на 30-летнюю историю нашей Ассоциации «Харбин», мы воздаём слова благодарности её «отцам-основателям» за возможность встречаться и общаться со своими друзьями, земляками, коллегами. Сотни людей смогли найти своих родных и близких. Многие и многие земляки написали истории своих семей и родов, внеся тем самым бесценный вклад в исходные материалы для историков, писателей, режиссёров фильмов, занимающихся вопросами «дальневосточного исхода», которые уже никогда не канут в реку забвения.

«НСМ», № 202, 2019 г.
г.Новосибирск, Россия

* * *

*Всё начиналось в Харбине....
Всё было ярче там и чище.
С самим собой наедине,
стою печально на кладбище –
не наяву, а там – вглуби
желанных так воспоминаний
Харбин и только он – Харбин,
за гранью самой ранней раны.
А после – в яркой толчее
студенчества, любви и дружбы –
в желанном, бесконечно нужном,
не просто, а вдвойне, тройне.
Всё начиналось в Харбине.....*

**Александр Степанович
СВИСТУНОВ**
г.Лермонтов, Россия

Сердечно поздравляем Ассоциацию «Харбин» с 30-летием

Желаем успешно продолжать деятельность
Ассоциации на благо земляков и благодарим за
удовольствие быть читателями
«На сопках Маньчжурии».

Долгих лет здоровья, удачи и благополучия!

Ассоциация выходцев из Китая
в Израиле

ХОЛОДНЫЙ САПОЖНИК

В 70-е годы прошлого столетия в моду вошли туфли с каблуком «шпилька». Многим женщинам это причиняло большие неудобства, особенно дамам с избыточным весом. К моему великому сожалению, я как раз приближалась к их числу, каблуков мне хватало только на неделю, надо было иметь несколько пар летней обуви, и всё это превращалось в проблему.

Мои сотрудницы рассказали мне, что по дороге от метро к нашему институту на улице сидит сапожник и молниеносно делает набойки. «Китаец», - промелькнуло у меня в голове, и мне сделалось тревожно сладко.

О моем «китайском происхождении» тогда никто не знал. По дороге домой после работы я шла и внимательно оглядывалась по сторонам и наконец увидела эту будочку. В ней сидел китаец, по-видимому, средних лет - установить возраст китайца по внешнему виду не всегда удается. Я уселась на стул напротив него и молча протянула ему свои босоножки. Сапожник покрутил их в руках и сказал мне, что набойки делать еще рано, они проносятся еще недели две. Его присущая харбинским китайцам нашего времени честность, его прекрасный русский язык говорил о многом, и вот так быстро встать и уйти я не могла, а он уже подозрительно смотрел на меня. Как потом он рассказал мне, многие женщины имели на него свои виды, и еще он боялся фининспекторов. Я быстро надела обувь и ушла.

Ждать двух недель я не стала, а через три дня принесла ему другую пару обуви, требующую ремонта. Делать набойки и к этой паре он отказался и сказал, что

их лучше выбросить, чем тратить на них деньги. Я не знала, как начать с ним разговор, чтобы вызвать его на откровенность, медлила с уходом, и вдруг он спросил меня, что мне от него надо в самом деле. «Замуж за тебя хочу, вот что», - от злости брякнула я, уже уходя.

При всем том я, конечно, не была похожа на женщину, ищущую мужа. Мне не было еще и 40 лет, выглядела я очень благополучной и обеспеченной дамой. Видимо, поняв все это, китаец стал просить меня не уходить и делал это очень душевно и искренне. Я не ушла и сказала ему, человеку, которого видела во второй раз в жизни, что я - харбинка и решила, что он тоже из Маньчжурии. Он быстро встал, поцеловал мне руку и сказал, что принял меня за фининспектора. Тут мы оба расхохотались и почувствовали, что знакомы уже много лет. Он закрыл будочку и в ближайшем скверике у нас начался долгий и откровенный разговор.

Он уроженец Хайлара, но жил и учился в Харбине, в русской школе в Модягоу. Работал на КВЖД, женился на русской, родился сын. Когда жена «сыла» (умерла - прим.ред.), он уехал к своим родственникам в Хабаровск, а там пошел по горькому пути многих харбинцев: Магадан - лесоповал - цынга. В 1956 году реабилитирован, у сына своя семья, и он через Читу, Иркутск, Новосибирск добрался до Москвы и живет бобылем.

Наш разговор длился не день, а почти все лето. Я задерживалась на работе, и когда все уже уходило домой, приходила к будке и садилась на стул, сняв одну туфлю. Ван продолжал работать, и мы

всласть болтали о Сунгари, о Модерне, о Зеленом базаре...

Я сделала ему большую рекламу, и уже все многочисленные женщины нашего института отдавали свою обувь в починку этому вежливому и обязательному человеку. Теперь мой стул был часто занят клиенткой, и я проходила, помахав ему рукой, а он вставал и слал мне воздушный поцелуй...

Моя мама, узнав о Ване, не просто земляке, но и товарище по несчастью, по лагерю, часто посылала ему булочки-пампушки. В Харбине мы жили на Пекарной. В нашем дворе китайцы пекли пампушки, и мама овладела этим мастерством. Слала мама ему и сибирские шаньги - моя мама была сибирячка. Как все же мала наша дорогая планета Земля, если на ней возможны встречи людей из Китая, Сибири, Москвы...

Вся эта, в общем, добрая история не имеет хэппи-энда. Ван решил, что таким близким по духу людям, как мы с ним, землякам, тем более в окружении москвичей, следует жить вместе, и сделал мне предложение. Я не могла обидеть его отказом и обещала подумать. Теперь я стала ходить к метро совсем другими путями. А тут наступила осень, и работать в будке стало невозможно. Так она и стояла закрытая, позаброшенная. А моему глупому женскому сердцу стало по-человечески не хватать, как, наверное, и той будке, хозяйина с большими печальными глазами и с тоской в душе о нашей дорогой родине.

**Цецилия Даниловна
ОСИПЕНКО**
г.Москва, Россия
citosip@yandex.ru
«НСМ», № 200, 2018 г.

ЗНАЧЕНИЕ ЦИФР ДЛЯ КИТАЙЦЕВ

Маркус Дю Сотой

Би-би-си, программа «История математики»

От измерения времени до морской навигации - математика была своеобразным стержнем для древних цивилизаций.

История математики в западной цивилизации начинается с Древнего Египта, Месопотамии и Древней Греции. Но после их падения развитие математики на Западе фактически прекратилось на несколько веков. В это время развитие математики на Востоке достигло новых высот. В Древнем Китае математика была ключевым инструментом для проектирования и возведения Великой китайской стены длиной почти 9000 км, призванной защитить растущую империю от врагов.

Жизнь императорского дворца была подчинена цифрам и числам.

Математика и планирование

У китайского императора была 121 жена. Математики помогли ему решить, с кем спать.

Существовавшая в древнем Китае система гарема императора должна была обеспечить правителю появление многочисленного и достойного потомства, а главное - появление лучшего из возможных наследника.

Планы и решения императора строились и принимались с оглядкой на календарь и движения планет. Математические модели и идеи подчас влияли на то, как были спланированы дни и даже ночи императора.

Советники императора, например, придумали, как «гарантировать» то, что император за определенный период времени не оставит без внимания ни одну

из женщин своего гарема.

График ночей императора был основан на формулах геометрической прогрессии. Согласно легенде, за 15 ночей император должен был провести ночь с 121 женщиной его гарема, а именно: с императрицей, тремя старшими женами, девятью другими женами, 27 наложницами, 81 рабыней.

Каждая последующая группа женщин по численности в три раза превосходила предыдущую. Первая ночь была за императрицей. Следующую ночь император должен был провести с тремя старшими женами. Третья ночь - для девяти остальных жен. Следующие три ночи император проводил с 27 наложницами - каждую ночь к нему приходили девять наложниц. Оставшиеся ночи император проводил с рабынями - каждую ночь также к нему приходили девять рабынь.

Такой «график» должен был гарантировать, что император спит с женщинами «высшего ранга» его гарема в полнолуние, когда женская сила «инь» достигает своего расцвета и может соответствовать его «ян» - мужской силе.

Советники, составляя такой график, в первую очередь заботились о появлении у императора достойных, а точнее - лучших из возможных наследников.

Но не только жизнь императорского двора определялась математическими идеями и формулами. С оглядкой на математику велись все государственные дела.

Увлечение математикой

Цифры для китайцев всегда имели особое значение.

Древний Китай - растущая империя, занимающая огромную территорию, со строгим правовым кодексом, развитой системой налогообложения, усовершенствованными системами измерения и наличием денежной системы.

В Китае использовалась десятичная система счисления за 1000 лет до того, как она начала использоваться на Западе.

Согласно мифу, математика была создана божеством по велению легендарного правителя Китая - Хуан-ди, или Жёлтого императора - в 2800 году до нашей эры. Тогда жители Китая верили, что числа имеют космическое значение.

В магическую силу чисел в Китае верят до сих пор.

Нечетные числа считаются мужскими, четные - женскими. Число 4 в Китае стараются избегать всеми возможными способами, а вот число 8, напротив, считается счастливым.

К VI веку нашей эры Китайская теорема об остатках использовалась в астрономии, чтобы вычислять движение планет, и до сих пор она имеет практическое значение, например, при шифровании данных в сети.

Автор материала - Маркус Дю Сотой, профессор математики Оксфордского университета и ведущий программы Би-би-си «История математики». Статья написана по материалам одной из серий программы - «Гении Востока».

www.bbc.com/russian

Международный контингент врачей в Китае в военное время. 1937-1945

Вышла в свет книга Роберта Мамлока, "The International Medical Relief Corps in Wartime China. 1937-1945". McFarland Books, 249 pp., представляющая научную ценность, поскольку она полна малоизвестной информации о людях в разных странах, о политических последствиях и исторических потрясениях в нестабильной обстановке военного времени. Об опасном пути, который прошел контингент врачей Международного Красного Креста, оказывая помощь людям в экстремальных условиях, рассказывает сын одного из участников акции.

Захватывающее, подробное, тщательно проработанное и иллюстрированное повествование начинается с ограничения нацистами прав еврейских врачей, затем следует период фашизма и гражданской войны в Испании и наконец переход к истории оказания помощи людям в Китае сначала в их борьбе против Японии, а потом в период конфликта между националистами и коммунистами.

Миссионерские больницы, пожертвования Фонда Рокфеллера, противоэпидемические подразделения Лиги Наций, Международный Комитет Красного Креста по Центральному Китаю, организация "United China Relief", основанная в 1941 году в Нью-Йорке с целью сбора средств для помощи китайскому народу во время национального кризиса, Общество друзей Скорой помощи - вот лишь некоторые из составных элементов содействия здравоохранению, находившемуся в те годы в Китае в зачаточном состоянии. Кульми-

нацией содействия явился Международный контингент врачей по оказанию медицинской помощи людям в этой стране.

С 1938 по 1940 год участники Международного контингента врачей проделали путь в тысячи миль всеми возможными способами передвижения, от пароходов до «Студебекеров» и сампанов. Они приезжали небольшими группами или самостоятельно, часто без всякой поддержки со стороны друзей или агентств по оказанию чрезвычайной помощи. Отношение к ним было разное: иногда их поносили, даже интернировали, а иной раз относились дружески, помогали. Отправившись в путешествие в мир, о котором мало что знали, они бросили вызов неопределенности. Воодушевленные непоколебимой верой в антифашизм и международный гуманизм без этнических, экономических или географических границ, они не стремились обратить людей в другую веру, не искали славы или удачи... Они добровольно пришли на помощь.

И что они встретили по прибытии? Одна за другой следуют личные истории, поскольку врачи детализировали весь ужас военного времени - смерть, голод, человеческие страдания. Иногда они, как иностранцы, сталкивались с конкуренцией со стороны местных лекарей. Была там тоска по дому, бюрократическая волокита, коррупция, неравенство и недооценка их как иностранных врачей. Кроме того, приходилось действовать в нестандартных условиях, при острой нехватке медикаментов.

В специальных главах подробно рассказано о политических, культурных и медицинских условиях работы. Особое внимание уделено опасным поездкам по районам боевых действий, туда и обратно, и вынужденные ограничения в оказании медицинской помощи. Но, пожалуй, самая важная глава - заключительная, посвященная результатам деятельности контингента. В дополнение к многочисленным спасенным жизням, были документированы подходы к лечению чесотки и сифилиса, неожиданные, без подготовки, хирургические операции, новые методы предотвращения инфекционных заболеваний и потенциальных катастрофических эпидемий.

В августе 2015 года автор книги Роберт Мамлок, отец которого, доктор Эрих Мамлок, был одним из 27 иностранных добровольцев, присоединившихся в 1939 году к Контингенту врачей Международного Красного креста по оказанию медицинской помощи в Китае, принимал участие в праздновании нового национального праздника, посвященного окончанию Китайско-японской войны. В парке Туяунгуань (Tuuyunguan Park) близ Гуйяна в провинции Гуйчжоу был установлен памятник. Гости, в том числе доктор Мамлок, рассказали о Международном Контингенте врачей и о роли, которую сыграли члены их семей - врачи в этой малоизвестной истории. Они также ответили на вопросы, что пережили врачи и какое наследие оставили потомкам.

(Окончание на стр. 30)

Фотовыставка «Жизнь в Тяньцзине»

Впечатляющим событием стала фотовыставка, открывшаяся 1 апреля 2019 г. в Китайском культурном центре посольства КНР в Тель-Авиве. В экспозиции были представлены фотографии и письма из коллекции семьи Дэнни Фридмана, в которой хранятся материалы, касающиеся жизни Карла Фридмана, отца Дэнни, и рассказывающие о проделанном им пути из Вены в китайский город Тяньцзинь, где Карл прожил десять лет, с 1938 по 1948 год, вплоть до отъезда семьи в Израиль.

Карл (Джоэл), старший из четверых сыновей Августа и Шарлотты Фридман, родился 1 апреля 1902 года в Вене. После окончания гимназии и Коммерческой Академии (Handelsakademie) Карл стал активным членом сионистского молодежного движения «Блау-Вайс». В 1930-е годы, когда его младшие братья уехали в Палестину, Карл остался с родителями, ожидая сертификатов.

В марте 1938 г. нацистская Германия аннексировала Австрию (аншлюс), и с этого момента в стране усилились проявления антисемитизма. Карл, хорошо зная историю, начал тайно, на свой страх и риск, фиксировать события своим фотоаппаратом. Когда об этом стало известно нацистам, Карл, опасаясь за свою жизнь, был вынужден в октябре спешно покинуть Вену и отправиться в Шанхай - единственное место, куда можно было ехать без визы. Поездом, с двумя маленькими чемоданами, фотоаппаратом и пишущей машинкой, через Берлин и Варшаву он добрался до Москвы, а потом поехал дальше, на Восток, по Транссибирской магистрали

в Маньчжурию. На протяжении всего пути Карл вел подробное описание своей поездки, которое до сих пор хранится в семье Фридман.

Маньчжурия в то время уже была оккупирована японскими войсками. Там, на маньчжурской границе, Карл вместе с пятью другими попутчиками были задержаны японскими пограничными властями. Оказалось, что они были первыми, кто достиг этой пограничной станции, имея при себе германские паспорта со штампом в виде большой красной буквы «J», который ставили нацисты. Пограничная полиция не знала, что означает этот знак и что с ними делать: разрешить продолжить путешествие или отправить их обратно в Советскую Россию. После вмешательства главы Харбинской еврейской общины д-ра Авраама Кауфмана японцы разрешили им пересечь границу и продолжить путешествие. Это касалось и всех остальных следовавших за ними еврейских беженцев из Германии, Австрии и Чехословакии, у которых в паспортах стояла буква “J” (Jude - еврей).

Карл направлялся в Шанхай, однако в дороге он заболел и был госпитализирован в еврейскую больницу в Тяньцзине. Там, в больнице, он встретил медсестру Люси, которая стала его женой. У них было двое детей, Дэнни и Айрин (Рина). На протяжении десяти лет, прожитых в Тяньцзине, Карл работал в страховой компании, но при этом не бросал хобби - он любил писать и фотографировать.

Родители Карла смогли выехать из Австрии в Палестину благодаря усилиям его братьев,

которым удалось получить для них сертификаты. Они прибыли в Хайфу на борту последнего парохода, покинувшего Европу перед самым началом Второй мировой войны.

В течение десяти лет, прожитых в Китае, Карл вел местную хронику. Он делал снимки во время наводнения 1939 года в Тяньцзине, снимал сцены из городской жизни, а также местных жителей на улицах, уделяя особое внимание ярким персонажам и выразительным лицам. Он запечатлел на пленке жизнь тяньцзиньской еврейской общины: клуб, еврейскую больницу, синагогу, еврейскую школу.

В письмах в Палестину братьям и родителям Карл подробно описывал жизнь своей семьи в Китае. В декабре 1948 года ему с семьей пришлось покинуть Китай и отправиться в двухмесячное путешествие из Шанхая в Эрец-Исраэль.

(Окончание.

Начало на стр. 29)

Изобилующая данными книга, в которой собрано огромное количество материалов, является одним из достойных результатов деятельности Международного контингента врачей.

Роберт Мамлок - доктор медицинских наук, профессор клинической педиатрии медицинского факультета Центра медицинских наук Техасского технического университета и соучредитель Общества друзей Международного контингента врачей по оказанию медицинской помощи.

**“Points East”, март 2019
Пер.с англ. Ц.Любман**

ПАМЯТИ СОФИ САККЕР

1916 - 2017

Мы с сестрой Шелли сидим возле мамы, и я думаю о том, как проходила мамина жизнь: мне она представляется интересной, хорошо прожитой, и это меня утешает. Мама – матриарх нашей семьи, ей 101 год. Самочувствие ее оставляет желать лучшего. Когда-то в молодости мама жила полной жизнью – любила, занималась музыкой, играла на фортепиано, пела и танцевала. Она хорошо разбиралась в моде и заботилась о своей внешности. Потом она вышла замуж, родила детей, позднее восхищалась своими внуками, превозносила их успехи и разделяла с ними их неудачи.

Софи Кларер, наша мама, родилась 6 марта 1916 года в Харбине, в Китае, в семье Ребекки и Велвела Кларер. Ее отец Велвел родился и вырос в Одессе, на Черном море, учился на фармацевта, но на рубеже XIX-XX веков после еврейских погромов в городе он покинул Одессу и последовал за своим братом в Китай, в город Харбин, который в то время был важным железнодорожным узлом на восточной ветке Транссибирской магистрали, проложенной до Владивостока. В Харбине Велвел открыл аптеку и очень успешно занялся парфюмерным бизнесом. Он преуспевал. Женился Велвел на Ребекке Гродской, которая приехала с Кавказа в Харбин со своим отцом, торговцем мехами и лесом, совершавшим деловую поездку в связи с закупками товара.

Софи росла в очень привилегированном доме, с нянями, гувернантками и прислугами. Ее сестра родилась пятью годами

позже, и с тех пор у них сложились очень близкие отношения. С Марком Саккером Софи познакомилась в детском саду, когда ей было пять лет, и все последующие 72 года они не разлучались. Возможно, они были среди первых членов харбинского «Бетара». Марк и Софи вместе закончили школу, затем Харбинскую зубоветеринарную школу и переехали в город Тяньцзинь, в котором вопреки желанию ее отца, но с согласия матери 20 октября 1936 года они поженились.

Согласно международному договору, Тяньцзинь, как и Шанхай, был портом, открытым для торговли с иностранцами. На территории города европейские страны имели концессии, или районы, которыми управляли в соответствии со своими законами и обычаями. Софи и Марк поселились на территории Британской концессии. Марк начал заниматься зубоветеринарной практикой, и постепенно они с Софи стали говорить по-английски.

Я родился 28 сентября 1937 года в Харбине, поскольку Софи перед родами поехала домой, чтобы во время родов рядом с ней была ее семья. В то время вследствие расширения японской экспансии в южном направлении в Китае царили смятение и беспорядок. В течение нескольких месяцев Софи не могла вернуться в Тяньцзинь, потому что путь по железной дороге был отрезан. Когда в 1941 году Вторая мировая война дошла до Тихого океана, все граждане союзнических стран были интернированы. Евреев и русских оставили в покое, так как японцы, несмо-

тря на альянс Японии с нацистской Германией, очень уважали евреев и не воевали с Россией. 3 марта 1943 года родилась моя сестра Шелли (Рашель).

Во время войны жить было трудно. Иностранное землячество в городе были разобщены, недоставало продуктов питания и предметов домашнего обихода, но Софи и Марку каким-то образом удавалось заботиться о нас и о наших прислугах.

Я вырос, говоря на четырех языках: с прислужгой и на улице – на китайском, во время войны – немного на японском, который потом быстро забыл, дома – на русском и в школе – на английском. В Тяньцзиньской еврейской школе была принята Кембриджская учебная программа, согласно которой выпускники, успешно сдавшие экстерном выпускные экзамены, получали возможность быть зачисленными в Кембриджский университет.

По окончании войны националистическое правительство, правившее страной, потерпело крах, за которым последовал захват власти коммунистами в 1949 году. Европейские эмигранты толпами покидали Китай. Во время войны умерла мать Софи и отец с семьей переехал в Тяньцзинь. Начались приготовления к отъезду в Израиль или Австралию, но при этом любой из двух вариантов предвещал резкое изменение условий жизни Софи. Родители выбрали Австралию в интересах детей – меня и моей сестры, отдавая себе отчет в том, что их стоматологическое образование не будет признано и они не смо-

гут практиковать в качестве хирургов-стоматологов.

Тем временем отец Софи и ее муж Марк оказались в тюрьме по обвинению в шпионаже в пользу США. Это было очень серьезное обвинение, поскольку тогда шла корейская война, в которой активно участвовал Китай. Вообще же это была обычная уловка китайских властей, направленная на то, чтобы отобрать у европейцев все имущество, прежде чем позволить им покинуть страну.

Софи, несмотря на грозившую ей опасность, действовала храбро, настойчиво добивалась, защищала, уговаривала и договаривалась с властями об освобождении ее отца, ссылаясь на его возраст. Марка освободили намного позже, когда власти убедились, что никакого семейного имущества уже не осталось.

Наконец нашей семье разрешили выехать из страны, и 5 сентября 1952 года мы прибыли в Австралию, в Сидней на корабле «СС Тайюань», имея при себе 50 долларов США, одежду и кое-какую мебель. Старый лоцманский бот «Капитан Кук» привел наше судно в бухту Уотсона, где оно стало на якорь. Это было в пятницу вечером. Помню, как я стоял на борту судна, держась за поручни, глядел на восточные предместья, на красные терракотовые крыши домов, освещенные лучами заходящего солнца, и задавал себе вопрос, что нас ждет на берегу. На следующее утро мы высадились на берег на центральной пристани города Сёркулар Ки, или Круговой набережной. Там нас встретили друзья и отвезли в пансионат на проспекте Варуда в Киррибилли. Хозяйкой пансионата была миссис Розен, суровая шотландка. Этот пансионат (меблированные комнаты с

обедом) служил нам обителью на протяжении последующих восьми месяцев.

Наш образ жизни, и прежде всего Софи, резко изменился. Хотя Софи никогда не работала стоматологом, она ничего не умела делать по дому, даже сварить яйцо! Миссис Розен, которая очень привязалась к Софи, научила ее готовить, мыть посуду, гладить и делать все необходимое, чтобы вести дом.

Марк нашел работу на фабрике «JN Kirby Camperdown» и проработал семь лет на конвейере по производству двигателей для холодильников «Crosley Shelvador». Это обстоятельство явилось тяжелым ударом по его эго и, несмотря на полученную со временем квалификацию, горечь воспоминаний осталась навсегда. Однако это же обстоятельство позволило ему с помощью семьи и друзей приобрести скромное жилище на улице Кэмпбелл в неприятном промышленном районе Аргармон, который в то время не был обеспечен канализацией.

Чтобы облегчить финансовое бремя, Софи нашла работу в Нейтральной бухте (Neutral Bay) на фабрике по изготовлению шкатулок для ювелирных изделий, где она проработала почти десять лет. Кроме того, она взяла квартиранта, занималась приготовлением пищи, уборкой, стиркой и глажкой для всех, а также посещала вечернюю школу в целях переквалификации. Неплохо для того, кто прежде находился в привилегированном положении!

Шли годы. Их финансовое положение стабилизировалось, и Софи прекратила работать. Внуки Джеймс и Роберт появились на свет вместе, Дэвид родился позже. Софи и Марк обожали мальчиков. Джон родился, когда мы были в Англии.

К тому времени колесо фортуны повернулось и их недвижимое имущество, считавшееся неудобным, стало пользоваться большим спросом, что в итоге обеспечило их будущее. Они смогли посетить нас в Англии. Софи успела посвятить много времени деятельности Женской международной сионистской организации WIZO. Софи и Марк вели очень активную общественную жизнь, общаясь с друзьями из Китая, принимали у себя до 40 человек, и Софи при этом обслуживала всех гостей. Она полубила готовить и продолжала в свои 90 с лишним лет принимать до двадцати приглашенных на семейные праздники на Пасху и еврейский Новый год Рош ха-Шана.

В 1980-х годах появились на свет Яэль, Самуил и двоюродный брат Бенджамин, чтобы принести новую радость к их выходу на пенсию. Жизнь Марка и Софи еще более оживилась, когда сестра Софи с мужем, Флора и Боб, купили дом поблизости и стали больше времени проводить в Австралии.

Между тем здоровье Марка ухудшалось, и последние несколько лет были для них очень тяжелыми, так как он находился дома и Софи сама ухаживала за ним. Марк скончался 16 августа 1992 года и был похоронен на кладбище Руквуд.

Жизнь Софи изменилась. Она взяла на себя управление своими делами, стала моим «круглосуточным автоответчиком», помогала с детьми и всерьез занялась игрой в бридж. Ей было уже 90, но она попрежнему уделяла пристальное внимание своей внешности, хорошо разбиралась в моде. Ей нравилось выбирать одежду, чтобы всегда выглядеть элегантно.

Софи все так же жила в своем собственном доме, занималась

собой и вела свои дела, а затем и дела сестры Флоры. Так продолжалось до тех пор, пока ей не исполнилось 100 лет. Она заболела, у нее диагностировали инфекцию грудной клетки и сердечную недостаточность, и ее госпитализировали. После выздоровления Софи больше не могла жить самостоятельно, и тогда она переехала в «Киллара Гарденс» на Грингейт-роуд в

Киллара, где прошли последние двенадцать месяцев ее жизни.

И вот я сижу здесь, у кровати мамы, наблюдаю, как она спокойно спит, тихо дышит и время от времени что-то бормочет, словно разговаривает с кем-то во сне. Я вижу, как она собирается лететь ввысь, в Царство небесное...

Она оставила всем своим потомкам такие качества, как великая

способность безоговорочно любить, хранить непоколебимую верность и поддерживать свою семью. Она передала следующему поколению высокий интеллект, сильный характер, упорство, глубокое чувство справедливости и бескомпромиссную честность. Эти качества заложены в наших генах. Цените их! С большой любовью, сын

Сэм САККЕР
г.Сидней, Австралия

Почтовый ящик 13139

味潤克什克
Х. РАКОВЩИК

РОССИЯ, Улан-Удэ

Я собираю сведения о сестре моей бабушки -- это Раковщик Хася Абрамовна, 1896 г.рожд. Она приехала в Харбин из села Горячинск Забайкальского края (Забайкальская область) в 1917 г. По данным архивов («Списки БРЭМ»), она проживала в г.Харбине с 1917 по 1938 гг. по адресу: ул.Конная, 29. Работала служанкой-посудницей в ресторане-кафе «Модерн» с 1923 г. по 1938 г. Больше о ней ничего не известно.

Прилагается ее фото из архива БРЭМ 1938г. Буду рад любой информации. Заранее благодарю.

Виктор РЕЧИСТЕР
E-mail: rechister.v@mail.ru

УКРАИНА, Одесса

Уже несколько лет пытаюсь найти документы, касающиеся моего покойного дедушки Хаенко Виктора Овсеевича. Я сделал очень много запросов в архивы по местам его проживания в Украине и России, но так и не смог найти его свидетельства о рождении, необходимого мне.

Дело в том, что мой дедушка Хаенко Виктор Овсеевич родился 13 марта 1916 г. в Харбине. По национальности он еврей. Его отца, моего прадеда, звали Хаенко Овсей Срулевич (род. 16 октября 1881 г.). Они проживали в Харбине по адресу: ул. Аптекарская, 84, комн. 4. Его мать (моя прабабушка) Хаенко Зисла Симфовна с 1932 г. проживала в Шанхае вместе со своими дочерьми Лидией Овсеевной Гуревич и Ниной Овсеевной Шушлиной.

Я очень прошу помочь мне найти свидетельство о рождении, свидетельство о браке и другие документы, подтверждающие трудовую деятельность моего деда Хаенко Виктора Овсеевича в период его проживания в Китае, а также, возможно, свидетельство о браке родителей дедушки – Овсея Срулевича Хаенко с Зислой Симфовной.

Эти документы нужны мне для подтверждения родства и получения возможности выезда на проживание и работу в Израиле. Буду очень благодарен за помощь.

С уважением,

Сергей Юрьевич ХАЕНКО
E-mail: s.u.khavenko@ukr.net
Tel: +380 686 354050

ЦЕРЕМОНИЯ ВРУЧЕНИЯ СТИПЕНДИЙ

Тель-Авив, 4 декабря 2018 года

Поверенный в делах посольства КНР в Израиле Цай Вэймин, Иоси Клейн и Раша Кауфман вручают стипендии студентам

אורה נמיר, שכינה בכמה תפקידים בממשלות ישראל בשנות ה-90, הלכה היום (א') לעולמה והיא בת 88. כאשר ציבור פעלה נמיר רבות לקידום מעמד זכויות הנשים בישראל.

נמיר נולדה בשנת 1930 בחדרה. בשנת 1936 עברה משפחתה מחדרה למושב חוגלה, שם גדלה והתחנכה. בתקופת מלחמת העצמאות שרתה כקצינה ב"הגנה" ובצה"ל. לאחר המלחמה למדה חינוך והוראה בסמינר גבעת השלושה וסמינר ליונסקי ולימודים קלאסיים וספרות אנגלית בהאנטר קולג' בניו יורק.

נמיר כיהנה כשרה לאיכות הסביבה וכשרת העבודה והרווחה בשנות ה-90 מטעם מפלגת העבודה.

היא הייתה נשואה למרדכי נמיר, ראש העיר ת"א לשעבר.

אורה נמיר עם תדי קאופמן ושגריר סין לשעבר, Mr. Zhao Jun, בבית השגריר

הנבחרים כמועמדי הסיעה לכנסת ביסס את מעמדה כאישה הבכירה במפלגה.

בממשלתו השנייה של יצחק רבין (1992 - 1995) שימשה תחילה כשרה לאיכות הסביבה ולאחר מכן כשרת העבודה והרווחה. תקופת כהונתה כשרת העבודה והרווחה עמדה בסימן חקיקה לשיפור תנאי העסקת עובדים ולמתן הגנה סוציאלית למובטלים. בין הישגיה הבולטים של נמיר נמנים חקיקת חוק שכר מינימום, חוק שוויון הזדמנויות בעבודה; ותרומתה היחסית להורדת שיעור האבטלה מ-12 ל-6 אחוזים.

ב-1996 פרשה נמיר מן הפוליטיקה והשתלבה במשרד החוץ. בין 1996 ל-2000 כיהנה כשגרירת ישראל בסין וכשגרירה לא תושבת במונגוליה. כהונתה נחשבת למוצלחת ובמהלכה עשתה רבות לפיתוח יחסי ישראל-סין. היא טיפחה את קשריה הן עם נשיא סין, ג'יאנג ז'מינ, והן עם המנהיגות המקומית ב-31 הפרובינציות של המדינה שכמובן ביקרה בכולן.

בתקופה זו נוצרו גם יחסי ידידות חזקים עם אגוד יוצאי סין והיא השתתפה כאורחת כבוד באירועי האגוד.

היא נישאה למרדכי נמיר, ראש עיריית תל אביב, לו היתה נשואה במשך 15 שנים. לשניים לא נולדו ילדים. בכנסת השנייה (1951 - 1955) כיהנה נמיר כמזכירת סיעת מפא"י. לאחר מכן הייתה מזכירת משלחת ישראל לאו"ם. את הקריירה הפוליטית שלה החלה בתפקידיה בנעמת כמזכ"ל ארגון אמהות עובדות בתל אביב (1976 -

1979) וכחברה במזכירות נעמת הארצית (עד 1974). נמיר כיהנה כחברת כנסת מטעם המערך ומפלגת העבודה במשך 22 שנים (מ-1974). מונתה ליו"ר ועדת ראש הממשלה לבדיקת מעמד האישה בישראל (1975 - 1978) ופרסמה דו"ח מקיף ראשון מסוגו בנושא זה. כחלק מהמלצות הדו"ח הוקמה ועדת הכנסת למעמד האישה. בכנסות ה-9 וה-10 הייתה יו"ר ועדת החינוך והתרבות, ובכנסות ה-11 וה-12 כיהנה כיו"ר ועדת העבודה והרווחה. ב-1992 התמודדה על ראשות מפלגת העבודה מול יצחק רבין, שמעון פרס וישראל קיסר. אף על פי שהגיעה למקום הרביעי בפריימריז (הבחירות המקדימות), דירוגה הגבוה ברשימת הנבחרים כמועמדי הסיעה לכנסת ביסס את מעמדה כאישה הבכירה במפלגה.

ב-1996 פרשה נמיר מן הפוליטיקה והשתלבה במשרד החוץ. בין 1996 ל-2000 כיהנה כשגרירת ישראל בסין וכשגרירה לא תושבת במונגוליה. כהונתה נחשבת למוצלחת ובמהלכה עשתה רבות לפיתוח יחסי ישראל-סין. היא טיפחה את קשריה הן עם נשיא סין, ג'יאנג ז'מינ, והן עם המנהיגות המקומית ב-31 הפרובינציות של המדינה שכמובן ביקרה בכולן.

בתקופה זו נוצרו גם יחסי ידידות חזקים עם אגוד יוצאי סין והיא השתתפה כאורחת כבוד באירועי האגוד.

היא נישאה למרדכי נמיר, ראש עיריית תל אביב, לו היתה נשואה במשך 15 שנים. לשניים לא נולדו ילדים. בכנסת השנייה (1951 - 1955) כיהנה נמיר כמזכירת סיעת מפא"י. לאחר מכן הייתה מזכירת משלחת ישראל לאו"ם. את הקריירה הפוליטית שלה החלה בתפקידיה בנעמת כמזכ"ל ארגון אמהות עובדות בתל אביב (1976 -

הזיכיונות הזרם של שנחאי - המשך מעמ' 21

אוסטרים ופולנים שהגיעו למזרח הרחוק ברכבת או בספינה כדי להימלט מרדיפות הנאצים. למרבה הפליאה, אין מקום אחר בעולם שבו ניצלו חיי יהודים כה רבים במלחמת העולם השנייה כמו העיר שנחאי. כ-20 אלף יהודים שטפו את העיר, שלא היו להם אז מגבלות של יזות, נושאים שתי מזוודות כל אחד. בימים החשוכים ביותר של המלחמה, כל "הפליטים חסרי אזרחות" נצטוו על ידי הפנים לחיות בשטח של שני קילומטרים רבועים באזור הונגקו. בין השנים 1942-1945 היה אזור זה ידוע כגטו היהודי בשנחאי.

לוח האבן בכניסה לפארק הואשן הוא האנדרטה הציבורית היחידה של העיר לתפקיד ההיסטורי של האזור כמקלט ליהודים פליטי הנאצים. יוצאים מהפארק, חוצים את הכביש לג'ושאן לו וממשיכים ל-Changyang Lu, פעם הרחוב הראשי של הגטו.

שוק הציפורים והפרחים ברחוב ג'ושאן לו היה פעם שוק מזון כשר. בצד השני נמצא בית הכלא טילאנקיאו הקודר, שנבנה בשנת 1901. בצ'אנגיאנג מספר 62 נמצא בית הכנסת "אוהל משה", שנבנה ב-1927. בית הכנסת לשעבר של הגטו שופץ וכולל מוזיאון המשמש כמצבת זיכרון לפליטים היהודים ולקשריהם ההדוקים עם שנחאי.

בעקבות מלחמת האופיום, באמצע המאה התשע-עשרה, קבוצה קטנה של יהודי בגדאד ברחו מעיראק להודו ולאחר מכן לשנחאי. יהודים ספרדים אלה, ובמיוחד משפחות ששון, כדורי וחרדון, שמספרם היה רק בסביבות 800, הפכו לקבלנים רבי עוצמה של נדל"ן, בתי מלון, בנקאות ותשתיות שהציבו את שנחאי על המסלול הכלכלי והפכו את העיר ל"פינינה של המזרח". ציוני דרך חשובים נבנו על ידם, כמו מלון "מטרופול" על הבונד, מלון "ג'יאנג ג'יאנג" הישן ותיאטרון "קאתאי" על מאומינג לו, והכי חשוב, מלון השלום, שמתחת לכיפת הנחושת שלו חי סר ויקטור ששון בין השנים 1929-1947.

גל השני של המהגרים היהודים לשנחאי הגיע מרוסיה בתחילת המאה ה-20 דרך קו הרכבת הטראנס סיבירית. רבים מהמהגרים הרוסים האלה היו אינטלקטואלים, סופרים, רופאים, מוזיקאים, אנשי מדע ואנשי עסקים. עם הזמן הם הקימו מסעדות, בתי קפה, בתי מרקחת, חנויות פרווה וסדקית.

האמידים ביניהם עזבו את הגטו ועברו לאזור הזיכיון הצרפתי, ויצרו קהילה אשכנזית תוססת עם בית חולים יהודי, מועדון ובתי כנסת. הקבוצה האחרונה של מהגרים יהודים לשנחאי היו פליטים גרמנים,

תיאודור (תדי) פיאסטונוביץ (1934-2019)

עם סיום מלחמת העולם השנייה ועצמאות ישראל החלה עזיבה המונית של יהודי סין. הציונים שאפו להגיע לארץ-ישראל והיהודים בכלל חיפשו להתאחד עם קרוביהם בעולם החופשי ולחיות חיים רגועים. לב - אביו של תדי טס ב-1948 לישראל וכעבור שנה חזר לטונזן וב-1951 עלתה המשפחה לישראל. בהמשך פעל כיו"ר ראשון של האגוד שהוקם אז בשם "אגוד עולי סין" עד שנסע ליפן. לעבוד בחברות אייזנברג. תדי התגייס בגיל 17 לנח"ל ואחרי שנה עבר לחיל האוויר. 14 חודשים שירת כמכונאי אויר. לאחר שחרורו עבד 5 שנים כמכונאי באל-על. ב-1960 התחתן עם ג'ני שלמדה רוקחות בבליה. ב-1964 סיים את לימודי אלקטרוניקה בלונדון וקיבל עבודה אצל אייזנברג-בטוקיו, יפן, שם עבד אביו.

ב-1976 נפרד מאימפריית אייזנברג. עבר להונג-קונג ופתח שתי מסעדות בתו קארין, לאחר סיום האוניברסיטה בישראל. חיה ביפן עם בעלה וברשותה תואר שני באקולוגיה. גם אריאלה בוגרת אוניברסיטה בישראל וברשותה תוארים בפסיכולוגיה ועבודה סוציאלית. ומגדלת עם בעלה את בנם. המשפחה חיה בסן-פרנסיסקו.

בכל השנים של חיים ועבודה במזרח הרחוק תדי היה שותף בפעילות הקהילות היהודיות בערים שחי בהן ושיתף פעולה עם אגוד יוצאי סין.בין השאר יזם הקמת אתר האינטרנט הראשון של האגוד.

טדי ייזכר בהיסטוריה של האגוד כמי שהכניס את המחשוב המודרני והאינטרנט!

לב פיאסטונוביץ אביו של תדי, הגיע לאזור בניית מסילת הברזל בסין עם משפחתו ממש בתחילת המאה ה-20 כאשר הכל שם נבנה מאפס. אביו - יוסף הקים בחרבין מפעל לייצור נקניקיות. אך הבן לב חלם על לימודי רפואה ונשלח על ידי אביו ללמוד באוניברסיטת טומסק ברוסיה. בתקופה הזו גם נוצקה ההכרה הלאומית של לב ותחילת פעילותו הציונית שבעתיד עברה גם לבנו - תיאודור (תדי).

עם חזרתו לחרבין לב מצא את עצמו פעיל בתנועה צעירים ציונים - בית"ר שהתחילה לפעול ב-1929 באזור העצמאי של הקמת מסילת הברזל, במנצ'וריה. במהרה לב פיאסטונוביץ נבחר להיות מפקד ביתר בחרבין. ב-1932 התחתן עם חנה ממשפחת קושניר ועבר לחיות בטונזן. ובמהרה גם שם מצא את דרכו לפעילות ציונית וב-1933 מתמנה על ידי ז'בוטינסקי לנציב ביתר בסין. ויותר מאוחר גם מתמנה לויו"ר הקהילה היהודית בטונזן.

ב-1934 נולד בנו שזכה כמובן לשם ציוני-תיאודור (תדי). כאשר הגיע לגיל הנכון החל ללמוד בבית ספר היהודי ששם למדו בשפה האנגלית ובנוסף למדו גם רוסית וסינית וגם נעזר במורה פרטי ללימוד סינית, למד גם עברית בסיסית, תנך והיסטוריה יהודית. המשפחה כמובן שמרה על מסורת יהודית. במשפחה דיברו רוסית. בשנות הכיבוש היפני של טיאנזין בשכונת לבית משפחת פיאסטונוביץ היה בנין הביון היפני ובסביבה גרו הרבה יפנים וזה איפשר לתדי ללמוד גם יפנית.

תדי פיאסטונוביץ בארוחת קבלת הפנים של השגריר החדש

שלום רב,

סבא שלי נולד בחרבין והוצא להורג ברוסיה בשנת 1938. יש בידי דיסקית שכנראה קיבל כאות הוקרה מאיזה ארגון יהודי שם. אולי מישהו מזקני הארגון יוכל לזהות את שם הארגון, אחד משמות של חבר המנהלים או של סבא שלי. כל מידה יתקבל בברכה.

אביגדור רותם 0544372769

הערת מערכת: צילום של הדיסקית ניתן לראות בעמוד 5 בחלק ברוסית

לזכרם

רון (רוני) וינרמן (1940-2019)

רוני וינרמן באחד מטקסי חלוקת מלגות האחרונים

לרוני והדסה נולדו שני ילדים: הבת-טלי ילידת 1965 בוגרת אוניברסיטת חיפה ועוסקת בחינוך מיוחד. הבן דן יליד 1970, שירת בקבע, סיים שני מסלולים אקדמיים בעריכת דין ומנהל עסקים ועובד בחברה גדולה של עורכי-דין.

עם חזרתו לישראל עבד בין השנים 1978-1995 בחברת הבנייה הקיבוצית ואחרי זה עסק בהקניית תקני איכות בינלאומיים לחברות בנייה גדולות בישראל בעזרת מכון התקנים הישראלי. רוני המשיך בעבודה זאת גם כעצמאי לאחר גיל הפנסיה ובהתרשמותי מאד נהנה. כמו בכל עבודה רוני קשר קשרים חברתיים יפים עם אנשים!

במקביל לעבודות הרגילות שנינו המשכנו לפעול בהתנדבות באגוד יוצאי סין כסגניו של תדי קאופמן - היו"ר הותיק ומלא ידע על יהדות סין ששנינו נהנינו לקבל את הידע בסיפורי הרבים והמרתקים!

היינו רוני ואני בשנחאי בשנת 2007 כחברי משלחת לכנס שארגנו שלטונות סיניים בחרבין וביקרנו גם בשנחאי. ברגע שדרך על אדמת שנחאי רוני היה ברקיע השביעי! הוא התרגש מחזרתו למקומות ילדותו וזכר פרטי השכונה שגר בה ושמות שכניו.

שיתפתנו פעולה אני ורוני 25 שנה באגוד יוצאי סין ותמיד ידענו לפתור בעיות ולמצוא פתרונות או פשרות מצוינות ולא זכורה לי אפילו אי הבנה אחת בינינו! מתגעגע אליך חבר יקר!!!

יוסי קליין

את רוני וינרמן הכרתי בשנת 1995 כאשר שנינו היינו בסוף שנות 50 תחילת ה-60! תדי קאופמן היו"ר המיתולוגי של אגוד יוצאי סין ביקש מאתנו להתנדב ולעזור לו בניהול האגוד כפי שאני ובני דורי מבקשים לעשות זאת היום מצעירים מאתנו...

מסעו של רוני וחבריו לארץ ישראל נמשך כחודשיים דרך האוקיינוס, חצה את ארה"ב וימים שונים בדרך ובסופו הגיעו לחיפה שם משפחתו נשארה לחיות כל חייה. את כל המסע הארוך הזה משפחת וינרמן עשתה ללא אבי המשפחה- אלברט שהופרד ממנה מתוך חשש שלטונות אמריקאים שמא הוא "נגוע" בקומוניזם והגיע לארץ בטיסה לפניהם. (סיפור מסעו משנחאי לישראל תיארו רוני במאמר שפורסם בבולטין 416 ספט. 2017). משפחת וינרמן נקלטה בחיפה ורוני התחנך כשלוש שנים בקיבוץ משמר העמק והמשיך וסיים תיכון. ולימודי בניין בטכניון. מ-1963 החל לעבוד במקצוע שרכש. ב-1964 התחתן עם הדסה - מורה בתיכון.

ב-1970 החל פרק ארוך של עבודה באיראן שלפני המהפכה, שם עבד בחברות בנייה ישראליות שבנו פרויקטים אזרחיים וצבאיים באזורים לא הכי מפותחים באיראן. בין השנים 1972-1978 עסק בבניית אזור גדול של שדה תעופה צבאי. בתקופה הארוכה באיראן רוני קשר הרבה קשרים ידידותיים עם אנשים איתם היה קשור בעבודה.

רוני מנחה טקס חלוקת המלגות

רוני באחד מביקוריו בסין

הזיכיונות הזרים של שנחאי תזכורת לעברה של סין

הוכן על ידי הרולד סטפנס
כתב נסיעות עבור תאי איירליינס אינטרנשיונל

הזדמנויות כלכליות טובות יותר. הזיכיון הצרפתי עמד בנפרד מן ההתנחלות הבינלאומית, בשנחאי נפוצה אמירה, שהבריטים, עם המוסדות הפיננסיים והבנקים שלהם, לימדו איך לעשות עסקים, אבל הצרפתים לימדו איך לחיות. ניתן היה לראות זאת עם "הבונד" הבריטי ובניין ויקטוריאני רב קומות ולעומתו השכונות הצרפתיות המוקפות בצמחייה ירוקה, מסעדות ברהמיות ובתי קפה ברחוב. זו הייתה העיר הצרפתית הישנה שסימנה את פעימת הדופק של חיי שנחאי. עם זאת, בואם של פליטים רבים הביא לפיתוח מאולץ והגברת הבינוי, וגבה מהם מחיר. למרות זאת יש עדיין תצוגה נדיבה של שדרות עם שורות עצים וארכיטקטורה מגוונת לאורך הזיכיון הצרפתי לשעבר. לכו לשוטט ואל תדאגו ללכת לאיבוד. בדקו את הרחובות הצדדיים והסתכלו לתוך החצרות.

התבוננו בחיי היומיום בסמטאות הצרות. התחילו בפארק פו-שינג (Fuxing Park), הידוע כ"הפארק הצרפתי", שנפתח לראשונה ביום הבסטיליה ב-1909. כיום, מתכנסים המקומיים תחת צל של עצים בני מאה שנים ומתחת לפסלים של קרל מרקס ופרידריך אנגלס, גיבורי הקומוניזם. אפשר לעסוק במשחק של שחמט סיני ותרגילי טאי צ'י עם המקומיים. בלילה, ואפשר גם לבקר באחד ממועדוני הקריוקי. עוברים לגן הוורדים הישן ועוזבים דרך השער הצפוני-מערבי שבו נכנסים לשכונה האקסקלוסיבית של סינאן לו. חובה לראות המקום בו סון יאט סן, מייסד הרפובליקה הסינית, גר בוילה הצנועה שלו. אפשר לסייר בבית ולראות את החדרים שבהם הוא חי ועבד.

קצת במורד הכביש תמצאו את מגורי ראש הממשלה המנוח צ'ו אנלאי. גם זה שווה ביקור. חוזרים לסינאן לו פונים שמאלה ל-Xiangshan Lu, שבו אפשר לראות את האחוזות הגדולות לאורך רחוב שקט זה שהיו בו פעם בתים של דיפלומטים ונכבדים. עכשיו הם בתים של המוני משפחות, האופי המפואר שלהם בדעיכה, אבל עדיין זו תזכורת של אורח חיים אחר.

כדי להגיע למטה Ruining Er Lu, פונים שמאלה ממשיכים ללכת עד השערים הגדולים של מספר 118 ונכנסים. אלו שטחי וילות, של איל העיתון המפורסם של מרוצי הכלבים. כיום הווילות תפוסות על ידי בית הארחה ממלכתי וכמה מסעדות, מוקפות מדשאות, גינות מיוערות ואגם קטן. זה היה הזיכיון הצרפתי במיטבו.

רובע נוסף שמסכם את שנחאי העתיקה הוא החלק היהודי של העיר. מעניין לציין כי שנחאי הייתה המקום היחיד בעולם שהציעו מקלט ליהודים שברחו מבגדאד, אחר כך מרוסיה הבולשביקית ומאוחר יותר מדיכוי הנאצים. אף על פי שלעיתים קרובות הם חיו בתנאים מזהומים באזור המכונה גטו שנחאי, הם מצאו כאן שלום וביטחון - לזמן מה.

שנחאי היא אחת הערים הגדולות והמרגשות בעולם. עיר דינמית, גדולה, פלא של העידן המודרני שלנו. את זה רואים המטיילים כשהם מגיעים לשם, עיר אולטרה מודרנית וצורת נשימה. אני נדהם בכל פעם שאני חוזר לשנחאי. מתפלא ממה שאני רואה, ומהשנויים החלים על העיר. עם זאת אני מוצא את עצמי מקונן על שנחאי שכבר לא קיימת. שנחאי שאותה ראיתי מיד אחרי המלחמה, לפני שהשתלטה עליה הרפובליקה העממית. אני מסתכל על זה עכשיו וחושב - איך כל זה היה לפני שישים שנה. כשהסנוור המטושטש של שנחאי החדשה מתעמעם, והפודונג מאבד את הזוהר שלו, אני מתחיל לחפש את שנחאי שפעם הכרתי ותאמינו או לא, זה עדיין שם - על אף כל החידושים. כאשר התיירים הנוסעים לשנחאי שואלים אותי מה צריך לחפש, אני מציע את הבונד, את העיר העתיקה ואת המקומות בעלי ה"זיכיונות הזרים". את הבונד ואת העיר קל להסביר אבל כאשר מדובר בזיכיונות הזרים זה קצת יותר קשה.

במשפט הבינלאומי, פרוש ה"זיכיון" הוא טריטוריה בתוך מדינה עצמאית. רומא למשל, נתנה לחיילים שלה תגמולים בתום שירותם, שכללו מזומנים או קרקעות. וב-1788 למשל, העניק הכתר הבריטי קרקע לאסירים משוחררים במושבה של ניו סאות' ויילס באוסטרליה.

מענקי קרקע כאלה עדיין מוחזקים בארצות הברית על ידי מקסיקו. תסתכלו על החווה Tejon, מענק קרקע מקסיקני הגדול ביותר באמריקה שניתן בשנת 1840, חווה זו חולשת על 270,000 דונם (1100 קמ"ר). עד 12,000 ראשי בקר ניתן לרעות בשדות החווה.

שטחים גדולים אפילו מחוות הטג'ון הם הזיכיונות האינדיאניות, שטחים שבטיים רבים שהוקצו על ידי הממשלה הפדרלית המהווים שמורות אינדיאניות. יש 310 שמורות כאלה בארצות הברית בהיקף של כ-55,700,000 דונם (225,420 km) או כמעט מחצית שטחה של תאילנד.

במאה ה-19, נתנה סין, בין היתר, זכויות טריטוריאליות לכוחות קולוניאליים רבים, אירופיים ויפניים. זכויות אלה נקראו "ויתורים" או "זיכיונות" וניתנו ברובם בשנחאי.

זיכיונות החוץ של בריטניה ושל ארצות הברית בשנחאי נקראו "ההתנחלות הבינלאומית בשנחאי", והיא הוקמה בשנת 1854 במהלך מלחמת האופיום ונמצאה לחלוטין בשליטת לאומים זרים כולל בריטים, אמריקנים, ניו-זילנדים, אוסטרלים, דנים ויפנים. סינים לא הורשו להצטרף למועצה עד 1928.

ההתיישבות הבינלאומית שמרה על כוח משטרה משלה, "המשטרה העירונית של שנחאי" ואף החזיקה במילואים צבאות משלה בחיל המתנדבים של שנחאי.

במהלך השנים, מספר רב של סינים השתלטו על ההתנחלות הבינלאומית, בין אם על מנת להימלט מסכסוך אזרחי או לחפש

הטיול השנתי המסורתי

המושב. בהגיענו למשרדי המועצה במושב התכבדו המשתתפים בכיבוד קל וראש המועצה קיבל את המשתתפים בדברי ברכה. משם המשיכו המטיילים לבניין בית הספר וזכו לקבלת פנים של ילדי בית הספר מנפנפים בדגלי סין; משם המשיך הטיול לבית הכנסת שבו שמור הספר תורה שהובא מחרבין.

המטיילים המשיכו ל"מי קדם" - נקבת מים עתיקה שהובילה מים לקיסריה. המטיילים שמעו הדרכה - כולל סרט על האתר ואחרי זה יכלו ללכת בתוך הנקבה ומי שרצה לבש מכנסיים מיוחדים להליכה במים.

לאחר ארוחת צהריים במסעדה ברמת הנדיב בזיכרון יעקב המשיכו בטיול מודרך באתר, על ידי חגי גולן - מורה דרך מוסמך וחבר אגודת הידידות.

בשעה 1700 הסתיים הטיול המהנה מאד בתל-אביב.

ב-29 במאי 2019 התקיים הטיול השנתי המסורתי של אגודת ידידות ישראל-סין ואגוד יוצאי סין עם שגריר סין בישראל מר זאן יונגסין וצוות השגרירות.

השגריר ביקש הפעם לבקר במושב עמיקם שליד בנימינה/זיכרון-יעקב. המושב משתייך למועצה האזורית אלונה והוא הוקם בשנת 1950. מקימיו הראשונים הם עולים מחרבין, סין. במרוצת השנים, הצטרפו אליהם גם עולים נוספים ממקומות שונים. המושב הוקם בסיוע תנועת ההתיישבות הציונית בית"ר. במקום מתגוררים כיום מעל 750 תושבים ובהם כ-100 משפחות של יוצאי סין - המייסדים. אוטובוס אסף ב-07:30 בוקר את המטיילים - שגריר סין ועובדי שגרירות סין בישראל וחברי האגוד והאגודה והמשיך ישירות לעמיקם. שם חיכה לשגריר ולמטיילים מר אריה שרון ראש המועצה האזורית אלונה שעמיקם מהווה חלק ממנה וחברי

מכתבי תודה

לאגוד יוצאי סין,

אני מודה לכם בשם שלושת נכדי שמשרתים בצה"ל על השי היפה שהענקתם להם, גפן ברקן, רז גולדנר, ושחר גולדנר, הנינים של הוריי, גניה וישה טנדט, ברצוני להביע בפניכם את מלוא ההערכה ולשאת מכולנו דברי תודה וברכה.

מיה טנדט גולדנר מעמיקם

מבקשת להודות לכם עבור המתנה לכבוד יום העצמאות שהענקתם לשני הנכדים שלי- ניצן וגנר ואלון מילר.

באמת כל הכבוד עבור העשייה והפעילות המבורכת שלכם. תודה רבה מכל הלב. חג שמח.

זהבה מילר

הקיסר לבלות עם שלוש נשותיו הגדולות. הלילה השלישי מיועד לתשע נשים נוספות. בשלושת הלילות הבאים הקיסר בילה עם 27 פילגשים - כל לילה הגיעו אליו תשע פילגשים. הקיסר בילה את הלילות הנותרים עם עבדים - תשעה עבדים הגיעו אליו גם כל לילה.

"לוח זמנים" שכזה היה להבטיח שהקיסר ישן עם הנשים "בדרגה גבוהה יותר" של ההרמון שלו בירח המלא, כאשר הכוח הנשי "יין" מגיע לשיאו והוא יכול להתכתב עם ה"אנג" שלו - כוח גברי. היועצים, שהרכיבו לוח זמנים כזה, קודם כל דאגו להופעתו של הקיסר הראוי, או ליתר דיוק, ליורשים הטובים ביותר. אך לא רק חייו של בית המשפט הקיסרי נקבעו על ידי רעיונות ונוסחאות מתמטיות. עם העין במתמטיקה היו כל ענייני המדינה.

תשוקה למתמטיקה

למספרים. לסינים תמיד הייתה משמעות מיוחדת. סין העתיקה היא אימפריה הולכת וגדלה הכובשת שטח עצום, עם קוד חוקי קפדני, מערכת מיסוי מפותחת, מערכות מדידה משופרות ומערכת כספית.

סין השתמשה בסימון העשרוני 1000 שנה לפני שהחלה להשתמש במערב.

על פי המיתוס, המתמטיקה נוצרה על ידי אלוהות לפי התנהגותו של השליט האגדי של סין - הואנג די, או הקיסר הצהוב - בשנת 2800 לפני הספירה. אז אנשי סין האמינו שלמספרים יש משמעות קוסמית.

הסינים עדיין מאמינים בכוח הקסום של המספרים בסין. מספרים מוזרים נחשבים גבריים, אפילו מספרים נשיים. מספר 4 בסין מנסה להימנע מכל הדרכים האפשריות, אולם מספר 8, לעומת זאת, נחשב למאושר.

עד המאה השישית לספירה, משפט השארית הסיני שימש באסטרונומיה לחישוב תנועת כוכבי הלכת, ועדיין יש לזה משמעות מעשית, למשל, בעת הצפנת נתונים ברשת.

מרקוס דו סוטוי - פרופסור למתמטיקה באוניברסיטת אוקספורד ומגיש התוכנית BBC "היסטוריה של מתמטיקה". המאמר מבוסס על אחת מסדרות התוכניות - "גאוני המזרח"

ממדידת הזמן לניווט בים - המתמטיקה הייתה סוג של ציר לתרבויות קדומות. ההיסטוריה של המתמטיקה בציביליזציה המערבית מתחילה במצרים העתיקה, במסופוטמיה וביוון העתיקה. אך לאחר נפילתם, התפתחות המתמטיקה במערב כמעט ונפסקה במשך כמה מאות שנים. בשלב זה התפתחות המתמטיקה במזרח הגיעה לשיאים חדשים.

בסין העתיקה, המתמטיקה הייתה כלי מפתח לעיצוב ובניית החומה הגדולה של סין, שאורכה כמעט 9,000 ק"מ, שנועד להגן על אימפריה הולכת וגדלה מפני אויבים. חיי הארמון הקיסרי הוכפפו למספרים ומספרים.

מתמטיקה ותכנון

לקיסר הסיני היו 121 נשים. מתמטיקאים עזרו לו להחליט עם מי לישון.

מערכת הרמון הקיסר שהייתה בסין העתיקה אמורה הייתה לספק לשליט צאצאים רבים וראויים, והכי חשוב - הופעתו של היורש הטוב ביותר.

תוכניותיו והחלטותיו של הקיסר נבנו והתקבלו תוך מבט ללוח השנה ולתנועות הכוכבים. מודלים ורעיונות מתמטיים השפיעו לעיתים על תכנון ימיו ואפילו לילותיו של הקיסר.

מדריכי הקיסר, למשל, מצאו כיצד "להבטיח" שהקיסר לא יתעלם מאף אחת מנשות ההרמון שלו לפרק זמן מסוים.

לוח הזמנים של הקיסר היה מבוסס על נוסחאות גיאומטריות. על פי האגדה, במשך 15 לילות היה על הקיסר לבלות את הלילה עם 121 נשים מההרמון שלו, כלומר: עם הקיסרית, שלוש נשים מבוגרות, תשע נשים נוספות, 27 פילגשים, 81 עבדים.

כל קבוצת נשים לאחר מכן הייתה גדולה פי שלוש מהקבוצה הקודמת. הלילה הראשון היה לקיסרית. למחרת בלילה אמור היה

הלך לעולמו אבינו סבנו ודודי האהוב

אהרון סלאושצ'ר

יליד חרבין

יהי זכרו ברוך!

ילדיו: אילן ג'ייסי סלאושצ'ר וב"ב

איתן ושרה סלאושצ'ר וב"ב

אחייניתו: ליאורה-גרופר-דנקנר וב"ב

במפגש השנתי האחרון 4.12.2018

מפגש שנתי של יוצאי סין וחלוקת מלגות 2018

לפני תחילת טקס הענקת המלגות, מנחה הטקס אלכס נחומסון הזמין את הסטודנטיות: ג'יאנג נאן, בשם הסטודנטים הסינים וזיו גרינר, בשם סטודנטים הישראליים להודות בשמם על הענקת המלגות. עם תחילת חלוקת המלגות הוזמנות תחילה הסטודנטים הסיניים, ואחריהם הסטודנטים הישראליים. המלגות לסינים הוענקו על ידי מ"מ שגריר סין צאי ויימינג וסגן יו"ר אגודת ידידות ישראל-סין גל פורר. יוסי קליין, רשא קאופמן, אילנה וג'ורא לסק חילקו את המלגות לסטודנטים ישראלים.

סך-הכל הוענקו 98 מלגות - 86 לסטודנטים ישראלים ו-12 לסטודנטים סיניים - כולם לומדים באוניברסיטאות ובמכללות האקדמיות בישראל.

60 סטודנטים קיבלו מלגות מקרן אלכסנדר וג'ואן מייזין; 8 - מקרן אתל דן; 5 - מקרן הארי טריגובוב לזכרם של הוריו פרידה ומשה טריגובוב; 1 - מתוך קרן לזכרו של ג'ו ויינר; 1 - לזכרה של בלה גולדרייך. לזכרו של תדי קאופמן שהיה במשך 40 שנה היו"ר של אגודת יוצאי סין חולקו 6 מלגות מקרן אסיה קוגן ו-3 מקרן אגודת יוצאי סין. אילנה וג'ורא לסק תרמו שתי מלגות - לזכרם של אלה ושלמה לסק ומוסיה ודני ברקוביץ.

12 סטודנטים סיניים מאוניברסיטאות שונות בישראל קיבלו מלגות מקרן האגודה לידידות ישראל-סין.

בסיום הטקס עלו שוב מקבלי המלגות לצילום הקבוצתי המסורתי עם חברי הנשיאות. מנחה הטקס וחבר הועד המנהל מר אלכס נחומסון איחל לכולם בריאות והצלחה בלימודיהם ולהיפגש בדצמבר 2019!

מפגש סיני-ישראלי

ב-4 בדצמבר 2018 התקיים, כמו בשנים קודמות, באולם "בני ציון" של בית התפוצות (קמפוס אוניברסיטת תל-אביב), המפגש השנתי המסורתי של יוצאי סין בישראל ועל פי המסורת הישנה והטובה שולב בו טקס חלוקת מלגות לסטודנטים וסטודנטיות - צאצאי יוצאי סין.

מקבלי המלגות כיום, הם הנכדים והנינים של חברי האגודת אלה אשר, לפני שנים רבות, בשנים הראשונות לקיומו יזמו את הענקת המלגות. במהלך השנים הצטרפו לסטודנטים הישראליים, צאצאי עולים מסין, סטודנטים סיניים לומדים בישראל ומקבלי מלגות מקרן אגודת הידידות ישראל-סין.

במועד המיועד החל להתאסף הקהל - הדור הוותיק של יוצאי סין, אורחים, סטודנטים ישראלים וסטודנטים סיניים שלומדים במוסדות אקדמיים בישראל. המשתתפים נפגשו עם חברים ושמחו על ההזדמנות לשוחח זה עם זה, קשרו קשרים חדשים. וכרגיל התכבדו בכיבוד קל שהוגש כמו בכל המפגשים בעבר, באווירה חופשית ונעימה.

אורחי הכבוד שהוזמנו להצטרף לשולחן הנשיאות היו ממלא מקום שגריר סין בישראל (שנעדר מהארץ) מר צאי ויימינג, מנהל מחלקת דרום מזרח אסיה במשרד החוץ הישראלי מר עמיר לאטי, גב' רשא קאופמן, תורמים ותיקים וחשובים, גב' אילנה ומר ג'ורא לסק וסגן יו"ר אגודת ידידות ישראל-סין מר גל פורר.

הערב נפתח על ידי חבר הועד המנהל של האגודת מר אלכס נחומסון שהזמין את יושב-ראש האגודת מר יוסי קליין לשאת את דברו. לאחר מכן, את ממלא מקום שגריר סין מר צאי ויימינג. אחריו ברכו את הבאים והסטודנטים מר עמיר לאטי ומר גל פורר. לאחר הנאומום והברכות הרשמיות, הופיעה הזמרת שולה חן בליווי המוסיקאי איגור פורצקי. המופע התקבל בחום על ידי הקהל. אבי קורן ליווה את המופע בקטעי קישור.

בסוף החלק המוסיקלי התקיים טקס הדלקת נר חנוכה השלישי, על ידי שתי סטודנטיות - ליאן קמבליס ושרון פרנסיס.

מימין לשמאל: ג'ורא לסק, אילנה לסק, רשא קאופמן, יוסי קליין וצאי ויימינג

ביקור עיתונאית גב' ג'ינג יו

ביום שישי 11 ביוני 2019 הגיעה לביקור עיתונאית העיתון הסיני People Daily שעובדת בקהיר ומכסה עבור העיתון את המזרח התיכון. היא הגיע עם קולגה מהעיתון מר הואנג פיזהאו. השניים קיימו שיחה עם יו"ר האגוד יוסי קליין על חיי היהודים בסין וחוויותיו האישיות בחרבין.

פגישות "פרלמנט"

מספר פעמים בשנה מתקיימות פגישות "פרלמנט" של חברי האגוד והאגודה בהם מתקיימים דיונים חופשיים על נושאים שמעלים משתתפי הפגישות.

שיבות הועד המנהל

ב-5 באוקטובר 2018 וב-22 במרץ 2019 התקיימו במשרדי האגוד שיבות הועד המנהל של אגוד יוצאי סין. פרטי כל הישיבות הופץ לחברי הועד.

ב-1 במרץ 2019 התקיימה ישיבת הועד המנהל של אגודת ידידות ישראל-סין. פרטי כל הישיבה הופץ לחברי הועד.

במכתב מפורט המצוי ברשות משפחת פרידמן עד היום. במהלך שנותיו בסין תיעד קרל את חיי היום-יום, את השיטפון שפקד את טיינזין ב-1939, את האוכלוסייה המקומית ובעיקר דמויות וטיפוסים קשי יום. כמו כן תיעד את חיי הקהילה היהודית בטיינזין: את מועדון "הקונסט", את בית החולים היהודי, בית הכנסת שהוקם באותה עת, בית הספר היהודי וכו'. במכתביו לאחיו והוריו בפלסטונה מאותה תקופה, הוא מתעד את חיי משפחתו, ובתום עשר השנים בהם חיו בסין, נאלצת המשפחה לעזוב את סין בחודש דצמבר 1948, ואת המסע בן חודשיים משנגחאי לארץ ישראל. ערב הפתיחה היה מלווה במצגת שהציג הבן, דני פרידמן, אשר תאר את מסעו של אביו, ואת ילדותו בטיינזין. הערב היה מרשים ותרבותי בנוכחות שגריר סין בישראל ואנשי הסגל. תודה לד"ר עדיאל פורטוגלי שעמל על בחירת החומר, ארגונו והצגתו במרכז התרבות של שגרירות סין, ולוורניקה שסייעה לו רבות.

מרים פרידמן

ביקור פרופ' דן בן כנען

ב-10 ביוני 2019 ביקר באגוד ידידנו פרופ' דן בן-כנען ואשתו גב' ליאנג אישה וקיימו שיחה ארוכה עם יושב-ראש האגוד יוסי קליין. דן הגיע לישראל לביקור פרטי ולהסדיר את תרומת האוסף הגדול שלו למוזיאון בית התפוצות. הפעם זה יהיה האוסף האלקטרוני-דיגיטלי.

זאת תהיה הפעם השנייה שדן תורם חלקים מהאוסף העשיר שלו. שכולל אוסף מסמכים, תמונות וקשר עם משפחות ברחבי העולם. האוספים עומדים לרשות עבודות מחקר אודות יהדות סין וחרבין, על ידי חוקרים שונים בעיקר בצפון אמריקה.

אגוד יוצאי סין מעריך מאד את עבודת פרופ' בן-כנען בחרבין ומאחל לו המשך מוצלח של עבודה זו.

באגוד יוצאי סין ובאגודת יידידות ישראל-סין

הרצאתה של האדריכלית גב' מגי יאן

ב-15 בינואר 2019 התקיימה במשרדי האגוד הרצאתה של האדריכלית גב' מגי יאן על "האדריכלות העכשווית של סין" במשך למעלה משעה, גב' יאן ריתקה את מאזיניה בהרצאה באנגלית בלווי צילומים.

הרצאת פרופ' אהרון שי

ב-25 במרץ 2019 התקיימה במשרדי האגוד הרצאתו של פרופ' אהרון שי אוניברסיטת תל-אביב. הנושא: יחסי ישראל-סין, בראי ההשקעות הסיניות בארץ. פרופ שי הינו חוקר ידוע בארץ ובעולם בנושא סין, ממקימי החוג ללימודי מזרח אסיה ורקטור האוניברסיטה בשנים 2010-2015.

חברי האגוד והאגודה מילאו את חדר ההרצאות הצנוע של האגוד ונהנו כרגיל, מהרצאה מרתקת.

תערוכה: החיים בטיינזין

תערוכת צילומים, שערב הפתיחה שלה היה ב- 01.04.2019, במרכז התרבות של שגרירות סין בתל אביב, היתה אירוע מרשים מאוד, בו הוצגו צילומים ומכתבים הלקוחים מאוסף המצוי בידי משפחתו של דני פרידמן חבר האגוד. אוסף זה מתאר את סיפורה של קרל ומסעו מווינה לטיינזין שבסין, ומשם לארץ.

דני פרידמן עם שגריר סין באירוע פתיחת התערוכה (באדיבות מרכז תרבות סין)

לאחר סיפוח אוסטריה בחודש מרץ 1938 ("האנשלוס") התגברו מאוד אירועי האנטישמיות, ואילו קרל, מתוך מודעות היסטורית, החל לתעד במצלמתו את האירועים בהיחבא, תוך סיכון עצמי. משנתגלה הדבר לשלטונות הנאציים, נאלץ קרל לעזוב את וינה בחופזה. היעד היחיד שניתן היה לברוח אליו ללא ויזה היה, כידוע, שנגחאי, ועל כן באוקטובר 1938, כשברשותו שתי מזוודות קטנות, מצלמה ומכונת כתיבה, יצא קרל לדרכו אל עבר שנגחאי בנסיעה ברכבת הטרנס סיבירית. כל אותו זמן, תיעד קרל את מסעו לסין

משלחת מהרדיו וטלוויזיה של טיאנזין

ב-16 באוקטובר 2018 ביקרה במשרדי האגוד משלחת של הרדיו והטלוויזיה של טיאנזין. המשלחת הציגה סרטון על העיר וראיינה יוצאי טיאנזין בישראל גב' מרי שורץ ומר ישראל (סאני) קרני-קרמצ'נסקי.

יום העצמאות של סין

ב-16 לספטמבר 2018 נחגג יום העצמאות ה-69 של הרפובליקה של סין. בהופעה של להקת פולקלור מסין בתלבושות מקוריות מרהיבות וביצוע מלהיב! שגריר סין בישראל ברך ונציג ממשלת ישראל השר אופיר אקוניס נשא דברים בשמה.

שנה לפתיחת מרכז התרבות הסיני

ב-26 בנובמבר 2018 מרכז התרבות הסיני בתל-אביב חגג שנה לפתיחתו בקונצרט בביצוע נגנים מסין על כלים סיניים מקוריים ובהשתתפות שגריר סין בישראל מר יאן יונגסין.

לאחר מספר חודשים הגיעו הורי, שהחלימו באופן יחסי ולקחו אותי לתחנת הבאה - מעברת גליל בשטחה של המושבה הרצליה, תושבי המעברה היו בעיקר עולים מעיראק, מלוב (טריפולי), מרומניה וגם אנחנו שתיים שלוש משפחות מחרבין. המעברה שכנה על רכס שנקרא הרצליה ב' (או ג', הפרנסים התקשו להחליט) ושם נתקענו במבנה שנקרא "צריף" אבל בעצם היה מעין מכולה מצופה ב"נייר זפת" דולפת בחורף וחמה כמו הגהינום בקיץ. גודל הצריף היה בהערכה גסה כ-10 מ"ר והוא כלל את עצמו, כלומר חדר אחד ובו הכל, מיטה, ארגז לכלים ופינת בישול. על חשמל, מים זורמים ושרותים אין מה לחלום. מאוחר יותר הצטרפה אלינו גם סבתא שלי (בכל זאת גנים רוסיים) וכמיטב המסורת השתכנה בצריפנו המפואר כך שחיינו 4 נפשות בציונק הזה.

המעברה הייתה פרוסה על רכס הכורכר הזה מאזור שנקרא היום פי גלילות וסינמה סיטי בדרום ועד הכביש שחצה את הרכס מהרצליה המושבה להרצליה פיתוח וחוף הים בצפון. (קטע הכביש החוצה את הרכס נקרא בפי כל וביראת כבוד גדולה "העליה של אזור ג" והרכבים של אז היו מטפסים על גבה בכבידות ולא כולם עמדו במשימה). נוסף לצריפים כדוגמת שלנו היו רובע שלם שהוקנו בו "פחונים" - גרסה זוועתית לצריף הרגיל אבל הציפוי נעשה באמצעות לוחות פח גליליים, דבר שהכפיל את הטמפרטורה בקיץ לשוכניו וברדת הגשמים העצים את רעש הטיפות לרמה של מטרד קשה. ומה לגבי הצרכים הבסיסיים?

מעברת גליל, הרצליה ב'

אז כך. את המים הובילה למעברתנו כבאית מסוג דודג' 1942 עם הגה ימני שכבר אז עשתה את שלה ביחס לקילומטרים שהצליחה לגבוע. היא היתה מגיעה בזחילה ובצליעה, מתחברת למיכל המים ומוריקה את עצמה באמצעות משאבת מנוע בנזין והייתי צופה בתהליך הזה בעניין רב. בתום הפריקה המשאית הייתה גולשת בקלילות חזרה לתחנת הכיבוי בהמתנה לאירוע הבא. השרותים היו כמובן משותפים ומחולקים לגברים/נשים בסגנון "בול קליעה" וכך גם המקלחות. מה אכלנו השד יודע. אני זוכר במעורפל שדברו על תלושים ועל אבקות שונות אבל עובדה ששרדנו. תקופת המעברה הגיע לסיימה כשאבי מצא עבודה בדואר כטכנאי בתחנת שידור ואז יכולנו סוף סוף לשכור בדמי מפתח דירת חדר וחצי בהרצליה המושבה והשאר היסטוריה. זה סיפור די בגלי אבל אבן דרך משמעותית במשפחתנו וכנראה גם בתולדות המדינה.

הורי ז"ל הסדירו את מסמכי העלייה לארץ עם הרשויות המקומיות בחרבין הסוכנות היהודית בשלהי 1949 והתכוננו למסע הארוך למדינת ישראל הצעירה. מעבר לשתי מזוודות בגדים ואמצעי מחייה בסיסיים נוספים הייתי כנראה "הרכוש" היחיד שנטלו עמם בדרכם לארץ, ילד שטרם מלא לו שלוש שנים. המסלול כלל נסיעה ברכבת מחרבין לדיירן, משם על גבי אנייה להונג קונג ומשם טיסה במטוס אמריקני חכור לשדה התעופה לוד (נתב"ג של ימנו...). מובן שטיסה ישירה בתקופה הנ"ל לא הייתה אפשרית, המטוס ביצע שלוש נחיתות ביניים לתדלוק עד להגעתו ליעד שתי נחיתות בהודו, בכלתה ובבומביי ואחת בריאד שבערב הסעודית. מקובל לחשוב שאדם בוגר אינו זוכר פרטים ואירועים שהתרחשו לפני שהגיע לגיל 4-5 שנים אבל נחרטו אצלי תמונות המשייכות לאירועים שונים בתקופה מוקדמת בהרבה, כולל הליך העליה לארץ. אני זוכר למשל איזה קוף צעצוע שהורי קנו לי בנמל התעופה של בומביי ומאוחר יותר בזמן הנחיתה בריאד אדם חבוש בכפיה אדומה, יושב על כנף המטוס ואוחז בציונר עבה. (מן הסתם תדלק את המטוס). לעצם העניין, עם נחיתתנו בלוד הועברנו במשאית ל"שער עליה" בעתלית שם שוכנו באוהל שעף בסערה (היה זה אחד החורפים הקשים שידעה המדינה) ובהמשך הועברנו לביתן ארוך (בארק) יחד עם עוד משפחות שהגיעו מעירק ורומניה כשהחלוקה בין המיטות נעשת באמצעות "וילונות" מבד גס.

אבי נשלח לאיזושהי עבודת דחק - סלילת כביש מיפו לתל אביב ונותרתי עם אמי אבל לא לפרק זמן ארוך. האם חלתה בשחפת ונלקחה לאשפוז בתל ליטווינסקי (שיבא היום) ואבי שאמור היה לחזור לעתלית כדי לפרוס עלי את חסותו חלה בצהבת ואושפז בדונלו שביפו. (מה אכלת שם שאלה אמי את אבי לאחר ששוחררו "חרא בלבן" ענה ברוח התקופה). כך או אחרת נשארתי לבד, מצב שהוא לא מומלץ לילדים בני שלוש ונלקחתי באופן כלשהו על ידי אישה שהייתה לי זרה לחלוטין (שמה פייניה) לביתה בטירת הכרמל. היה זה בית ערבי נטוש, חד קומותי שבמקום שמשות ודלת הותקנו בפתחיו ברזנט ווילונות בד שהקור חדר דרכם ללא מאמץ ניכר. הבית היה צמוד לדופן הר הכרמל ואני זוכר ים של חרציות צהובות שהייתי טובל בהן להפיג את עצבותי בתהייה לאן נעלמו הורי ומה הולך פה באופן כללי..

הפרה הראשונה שלנו "סילבה", העמידה דור של צאצאים. הצאצאים המשיכו להתרבות והעמידו עוד צאצאים. לבסוף הייתה לנו רפת של 12 פרות חולבות אשר דרשו טיפול מהבוקר עד הלילה. כל היום אבי היה עסוק בחליבה, הבאת ירק ומזון לפרות, עוד פעם חליבה וחוזר חלילה. עבודה שוחקת וקשה ביותר שאינה מאפשרת יום אחד של חופש. למרות העבודה הקשה שכרה היה בצידה.

הפרות הכירו רק את אבי, שהיה האדם היחידי שטיפל בהן ולא נתנו למישהו אחר להתקרב אליהן. נוכחתי בזאת על גופי כאשר פעם נכנסתי אל החצר של הרפת שבה הן טיילו, ואחת מהן בשם "אאידה" הסתערה עלי ותקעה בי את קרניה. בקושי הצלחתי להיחלץ מהמקום עם פצע רציני בבטן. באותו רגע גם זנחתי את הרעיון להיות לוחם שוורים מפורסם בספרד... הסתפקתי במתן עזרה לאבי בכל מה שקשור בהספקת אוכל לפרות, הובלת חלב וכו' אך נמנעתי ממגע פיסי עם הפרות.

עבורי כנער, החיים במושב היו מלאי סיפוק והרפתקאות. איזה ילד עירוני זוכה לקיים "קומזיצים" בשדות אבטיחים בליל ירח? איזה ילד עירוני יכול להוביל סוס ועגלה לבדו? איזה נער עירוני זוכה ללכת לשמירה עם רובה אמיתי וכדורים? מבחינה חברתית כל תושבי המושב היו משפחה אחת גדולה. עזרו זה לזה, שמחו בשמחות משותפות, וזה היה כיף אמיתי!...

ריח הקולרבי הטעים והחליטה להיכנס כ"שותפה" רק לצורך אכילה. במשך לילה אחד חפרה מחילות בקרקע וכרסמה את השורשים של הצמחים. כל השדה התמלא בגבעות חול שהיא דחקה מהמחילות. מה עושים? שאלנו את עצמנו בייאוש. איך מתפטרים מה"שותף" הבלתי רצוי? "קנו תותח וחסלו את השותף" - יעץ המדריך. איזה תותח? איך עושים את זה? - שאלנו. "אין בעיות, אביא לכם את התותח" - אמר המדריך. הלך וחזר עם משהו שדומה לצינור קצר עם רגליות. "זה התותח! בעזרתו תתפטרו מה"שותף"! קנו לכם כמה כדורים של רובה ציד, חמשו את התותח ולכו לישון. מחר בבוקר כבר לא יהיה לכם "שותף"! אמנם התותח ירה כמה פעמים וחסיל כמה חפרפרות אך כעבור כמה זמן ראינו עוד פעם גבעות חול ושתילים מכורסמים. הבנו שלחפרפרות יש בטח קרובי משפחה שמהרו להשלים את המלאכה. כך שגם הפעם לא נשאר לנו רווח מהגידול המוצלח כביכול של הקולרבי.

ובכל זאת למדנו כמה דברים חשובים: למדנו שהכישלון הוא יתום אך להצלחה יש תמיד "שותפים". ודבר שני זה - עדיף שתהיה לך ציפור אחת ביד מעשר ציפורים על העץ.

האמרה הזאת הובילה אותנו למסקנה שמגידול ירקות לא תצמח לנו תועלת רבה, ולכן החלטנו לעבור לענף הרפת. אומנם זו הייתה עבודה קשה מאד, אך היא לא הייתה תלויה במחירי העונה או באיזה שהם "שותפים".

פתיחת תערוכה בניו יורק

סינים ואחרים. אבל בתחילת שנות השישים עזבו המשפחות היהודיות האחרונות את חרבין, והותירו מאחוריהן בתי כנסת, בתי ספר, בית חולים ועוד, עם הגירתם לארצות הברית, לישראל ולמקומות אחרים. היום, הערכה חדשה להיסטוריה זו עוררה את שיקום ההיסטוריה היהודית של חרבין והנצחתה.

סטיבן לין, אמן ניו יורק, עושה אמנות בבייג'ינג ובחרבין מאז 1985. בחרבין הוא מרבה להשתמש בבתי הכנסת הקודמים כחללי סטודיו זמניים. אמנותו של לין בתערוכה זו מתמקדת בציוריו ובשימוש חוזר במסמכים מקוריים ובעיתונים, כרזות וספרים משנות ה-60, שאותם הוא רוכש מהשווקים בבייג'ינג ובחרבין. קבלת הפנים של הערב תציג את פתיחת התערוכה, ותכלול דבריו של סטיבן לין ואוצר התערוכה.

ב-30 באפריל 2019 נפתחה תערוכה חרבין, סין - עבר והווה, בבית הכנסת ברחוב אלדריג' בניו-יורק, שמשמש כמו בית הכנסת הגדול בחרבין שבסין, כמוזיאון של שרידי התקופה שבה הוא היה מרכז קהילה יהודית פורחת. ובדומה ללואר איסט סייד, רבים מיהודי חרבין עזבו לבסוף את הבית שיצרו שם. בתערוכה זו, העבר היהודי של חרבין מוצג בתצלומים היסטוריים ובסיפורים אישיים. בשנות התשעים של המאה התשע-עשרה הפכה הרכבת הטרנס-סיבירית את כפר הדייגים הקטן שבצפון-מזרח סין לעיר משגשגת, שעוצבה על-ידי האינטראקציה בין יהודים, רוסים,

ואת היופי שלהן, אפילו אם הן נראות כמו "פרות הבשן"..." אלי היה לפעמים מסתובב אצלנו במושב, וכך יום אחד הוא הופיע אצלנו בבית, במטרה ברורה לחזר אחרי אחותי, שהייתה אז נערה צעירה ובהחלט קיבלה חינוך הנוגד לגמרי את השקפת עולמו של אלי אביבי! הוא הופיע בבגדים, יחף ועם פרח בידו. הרושם שקבלנו היה שהאדם קצת "קוקו" ויש לסלק אותו כמה שיותר מהר מהבית. אחותי, עד כמה שזכור לי לא הסבירה לו פנים אך הוא לא התרגש מכך והמשיך להופיע אצלנו עוד כמה פעמים, עד שיום אחד אבי פשוט הראה לו את הדלת וסלק אותו החוצה. מי יכול לדעת מה "הפסידה" אחותי בחיים? אולי יכלה להיות הגברת הראשונה של "מדינת אכזיב"??...

חקלאות במושב

ברצוני לספר לקוראים, איך זה היה להיות חקלאי במושב בתקופת עלייתנו ארצה בתחילת שנות ה-50.

חברי מושב צ.ה.ל. (כיום כפר לימן) היו ברובם צעירים שהגיעו ארצה בזמן או מיד לאחר מלחמת העצמאות. חלקם היו פליטי שואה וחלקם צעירים חדורי רוח ציונית, שהגיעו מארצות אירופה כמו צרפת, הולנד, גרמניה והונגריה. להשלמת מנין החברים, הצטרפנו אנו 10 משפחות "סינים" רוסים אל יתר החברים שהיו כבר במקום.

שני דברים משותפים היו לכל האנשים. הדבר הראשון, זה הרצון לבנות ישוב ולפתוח בחיים חדשים בארץ.

הדבר השני, לאיש לא היה מושג איך לעבד את האדמה ולהיות חקלאי. ובכל זאת, כולם נרתמו במרץ רב למלאכה. הכשירו קרקע לבניית הבתים ולחקלאות, בנו את הבתים, ובתום הבניה כל חבר קבל בית קטן ובו 2 חדרים ומטבח, ללא שירותים, ועם חשמל ומים זורמים בתוך הבית.

בנוסף, קבלנו פרה אחת ולול עם 40 תרנגולות. הבטיחו לנו שמאוחר יותר נקבל גם סוס או פרד עם עגלה וזאת לכל 2 משפחות. ובאמת, כעבור זמן מה, הודיעו לנו שהפרדות שלנו הגיעו ארצה באוניה, ישר מערבות המערב הפרוע של ארצות הברית ועוד מעט נקבל אותם.

בשומעי זאת, מיד נזכרתי בקטעים מסרטים של המערב הפרוע, שבהם רואים עדרים של סוסים ופרדות דוהרים בחופשיות בערבות טכסס, כשקאובויים או אינדיאנים דוהרים בעקבותיהם ומנסים ללכוד אותם בעזרת "לסו".

הסתבר שלא טעיתי בהרבה לגבי אופי הפרדה שקבלנו וקראנו לה "נלי". היא הייתה פראית ומשוגעת, בדיוק כפי שתיארתי אותה לעצמי. ברגע שניסינו לרתום אותה לעגלה, היא התרוממה על רגליה האחוריות, קרעה את כל הרתמה וברחה בדהרה רבתי אל השדות הפתוחים כפי שאולי הייתה רגילה לדהור בערבות טכסס. לאחר כמה ימים מצאנו אותה משוטטת בשדות, וכל ניסיון מצידנו ללכודה ולהחזירה הביתה עלה בתוהו.

עשינו חשבון שכדי לתפוס אותה יש צורך להזמין קאובוי מקצועי, מומחה בזריקת "לסו", ולכן ויתרנו עליה.

אני כילד, קבלתי את הדברים בקלות יחסית. לא היו לי דאגות בקשר למחר. חייתי את היום והתלהבתי מכל דבר חדש. וכך, יום אחד לאחר קבלת הלול עם התרנגולות, מצאתי ביצה אחת קטנה בתוך הלול. באיזו שמחה והתלהבות רצתי הביתה להראות לאמא את הביצה הראשונה מהמשק שלנו.

ההתעסקות עם הפרה נפלה באופן טבעי בחלקו של אבי. הפרה שקבלנו הייתה מגזע שוויצרי, בצבע חום בהיר, וקראנו לה "סילבה", על שם האופרטה המפורסמת. "סילבה" הייתה פרה שקטה ולא נתנה עדיין חלב, עד שהמליטה את העגלה הראשונה שלה. איזו שמחה! כולנו התגודדנו סביב העגלה הקטנה, כאילו הייתה זו תינוקת שזה עתה נולדה למשפחה שלנו. סדרנו לעגלה מקום מרופד בקש קרוב לאמה, ואבא הלך בפעם הראשונה בחייו לחלוב את "סילבה" כדי לספק חלב לעגלה.

עד מהרה התברר לנו שאין אפשרות להתפרנס מפרה אחת ולול קטן של תרנגולות. יש צורך לפתח גם את גידול הירקות וזה מה שעשו רוב חברי המושב. מאחר ולאיש לא היה מושג איך מגדלים ירקות, שלחו לנו מדריך חקלאי כדי שידריך את החברים בתורת חקלאות השדה. המדריך שהגיע לא היה בעל ניסיון רב והציע כמעט לכולם לגדל חצילים. מה הבנו בחצילים? שום דבר. חרשנו, זיבלנו, שתלנו הכל לפי הוראותיו של המדריך. ראינו איך השתילים גדלים ומתפתחים. ראינו כיצד רואים כבר את החצילים הקטנים גדלים ומקבלים צבע סגול. שפשפנו ידיים בהנאה ובתקווה שעוד מעט נהיה עשירים... כדברי המדריך.

הגיע זמן הקטיף. קטפנו את החצילים, מלאנו בהם את הארגזים למשלוח. הלב נתמלא גאוה ותקווה למחיר טוב

שנקבל עבור הסחורה המצוינת שאנו טיפחנו וגידלנו באהבה כה רבה. אך כרגיל, תקוות לחוד ומציאות לחוד.

מה גדולה הייתה אכזבתנו כאשר לאחר זמן מה הודיעו לנו שהחצילים שלנו בכלל לא הגיעו לשוק, כי השוק באותו זמן היה מוצף בחצילים, אלא נשלחו למאכל פרות באיזה קיבוץ. המחיר שקיבלנו היה גרושים עלובים עבור כל ק"ג, כך שבסופו של דבר לא הצלחנו להחזיר לעצמנו את ההשקעה הכספית שהשקענו, מבלי לדבר על כל שעות העבודה שכולנו השקענו בנושא.

"לא נורא!" אמר לנו המדריך, "הפעם זה לא הלך, אבל בפעם הבאה תצליחו בגדולי עגבניות רבות! עגבניות זה העתיד! תשקיעו בגידול עגבניות ותצליחו בגדולי!" הייתה לנו ברירה? שוב חרשנו, זיבלנו, שתלנו הכל לפי הוראות המדריך. והנה הגיע סוף סוף זמן הקטיף. ממלאים את הארגזים, שולחים "לתובה" ומחכים ברטט לקביעת המחיר. הפעם נצליח, אני חושב בלבי, הפעם חייבים להצליח! אך גם הפעם לא האיר לנו המזל פנים.

השוק הוצף בעגבניות והמחיר שקבלנו היה די עלוב ולא עמד בשום פנים בתקוות שטפחנו. כולנו הפנינו אצבע מאשימה כנגד המדריך החקלאי על התכנון הגרוע של גידול הירקות אך גם הפעם הוא התאמץ להרגיע את הרוחות בהציעו לגדל ירקות ייחודיים כמו קולרבי, כרובית, בוטנים. אמנם ירקות אלה דורשים טיפול מיוחד אך המחיר שמקבלים עליהם הוא גבוה ויש להם תמיד ביקוש. לא ידענו בדיוק איך מגדלים קולרבי אך לפי הסיפורים של המדריך זה נשמע טוב מאד. אמרנו בליבנו: אם פעמיים נכשלו יש את כל הסיכויים שנצליח הפעם! אמרנו ועשינו. שתלנו שדה של קולרבי. השתילים צמחו והתפתחו יפה. ראינו כבר את הקולרבים הקטנים גדלים מיום ליום עוד מעט מוכנים לקטיף.

"הפעם הצלחנו"-אמרתי בליבי. "הפעם נעשה את הקופה!" וכרגיל, לכל הצלחה יש תמיד שותפים. גם במקרה שלנו הצטרף אלינו שותף סמוי, תרתי משמע, בדמות חפרפרת שהריחה את

הבעיה לא היה אקטואלי במקרה שלנו. ההיפך הוא הנכון! סיסמתנו הייתה: "כל הבא-ברוך הבא"! בצרף שלנו עמדו 4 מיטות וארגזים עם חפצים אישיים. בפינה עמד בתוך ארגז גדול הפסנתר שהבאנו עימנו מסין. נותרו עוד כארבע מ"ר של שטח פנוי ברצפה אותו "ריצפנו" על ידי קרשים שפרקנו מכמה ארגזים. שטח זה שימש כבמה לריקודים של כל שוחרי התרבות שהיו מתקבצים אלינו בערבי יום שישי (כשמונה עד עשרה אנשים נוספים), כדי לשמוע ולרקוד לצלילי המנגינות שאבי היה מנגן בפסנתר כמו "טנגו", "וולס" או הריקוד החדש "סמבה", שהחל להיות מאד פופולרי באותו זמן בארצנו. ה"פיאנו בר" של אבא התפרסם חיש מהר בין חברי המושב, והחלו להגיע אנשים שלא היו קרובים אלינו בכלל ושבקושי הכרנו אותם. כולם היו מגיעים ל"מסיבת הריקודים" של אבא. רובם היו מצטופפים מחוץ לצרף כי פשוט לא היה מקום להכניס אפילו עז פנימה...

ביתנו החדש, שכלל: שני חדרים ומטבח ללא דלתות פנימיות, ללא שרותים ומקלחת, ללא חשמל אבל הייתה לו רצפה מרוצפות ושטח של כ-40 מ"ר, נראה בעינינו כמו "ארמון" לעומת הצרף הקטן. עכשיו היה מקום ל-15 עד 20 אנשים שהיו מגיעים בימי ששי ל"מסיבות" של אבא, והיו יושבים צמודים אחד לשני, בשיטת "שבט אחים גם יחד". וכי מה היה לעשות לאנשים צעירים בערבים חשוכים?

ניחשתם נכון? דיברו ועסקו באהבה. באותם הימים היא הייתה עדיין חופשית ולא תלויה באינטרסים כמו בימינו. האהבה פרחת בין אנשי הכפר באופן חופשי וגלוי. זוגות נוצרו ונפרדו. "פלירטים" ורומנים בין בני זוג נשואים או רווקים פרחו כמו פטריות אחרי הגשם. הכל נעשה לעיני כולם, בשיטת הקומונה, ואף אחד לא ראה בזה דבר יוצא דופן. הכל היה פשוט וטבעי. טבע האדם לא משתנה לעולם. תמיד היו בגידות ואהבות נכזבות ותמיד יהיו בעתיד.

אזכיר כאן את אותו בחור רווק מהמושב שהתאבד בתליה בגלל אהבה נכזבת לאישה נשואה שפלירטתה עמו. או את אותו חבר שעזב את אשתו למען מישהי, ואותה מישהי עזבה מאוחר יותר את החבר למען חבר אחר של המושב, שעזב גם הוא את אשתו ושניהם עזבו את המושב...

היו גם מקרים שה"פלירטים" פרחו ביודעין, לעיני כל בהסכמה שבשתיקה, לפי האימרה: "הכל נשאר במשפחה"...

תקופת ה"פיאנו בר" של אבא נגמרה למעשה עם פתיחת המועדון של הכפר, שנראה אז כ"אולם ענק" לעומת שטח החדר או הצרף שלנו. המועדון יכול היה להכיל את כל חברי המושב כ-200 איש, כאשר הם עומדים כתף אל כתף. במצב זה בערך, התנהל הנשף הראשון של תושבי המושב - נשף פורים. לאולם החדש נדחסו כל אנשי הכפר בתחפושות "מקוריות". הגברים התחפשו לנשים והנשים לגברים. מחוסר אמצעים, זו הייתה האפשרות היחידה להתחפש ולבלות בצוותא את חג הפורים.

לכבוד המאורע, הסכים ועד המושב להקציב סכום כסף נכבד באותה תקופה, שמונה לירות ישראליות, עבור אקורדיוניסט. אבי הזמין בחור שעלה יחד איתנו ארצה, והיה ידוע כמורה לפסנתר ואקורדיון בחרבין. הבחור הגיע אלינו עם האקורדיון שלו, התייצב על הבמה ופתח בנגינה לשמח את הקהל הרב שנדחס לאולם הקטן של המועדון. אם בגלל רעש הקהל והנגינה החלשה, או

אולי בגלל המוסיקה "העייפה" שהוא ניגן אי אפשר היה לשמוע את האקורדיוניסט שלנו. את המצב הציל קרוב של אחד החברים, שהתייצב על הבמה במלוא גובהו, עם אקורדיון של 120 בסים, והחל לנגן מוסיקה עליזה לריקודים. כל הקהל התעורר והחל לרקוד במרץ רב. כולם מחאו כפיים לעזריאל, האקורדיוניסט שהציל את האוירה של הנשף הראשון של המושב בשנת 1952. לפעמים, מחלקת התרבות של ההסתדרות שלחה למושב זמרת עם אקורדיוניסט מלווה לשמח את לב התושבים בשירי מולדת, וגם קצת שירים רוסיים לחימום הנפש של העולים.

בימי שישי היה מגיע קולנוע נייד והיו מקרינים על הקיר החיצוני של המועדון סרטים ומערבונים של אותה תקופה. אחרי הסרט היו מארגנים ריקודים לצלילי רדיו פטיפון "בן-גל" תוצרת כחול לבן, שנקנה על ידי ועד המושב עבור המועדון. אלי, האחראי על התרבות בכפר, ביקש ממני, נער בן 15 הבקי במוסיקה פופולרית לשמש כ-D.J. -תפקיד שקבלתי על עצמי בשמחה רבה. המועדון היווה גורם מלכד, חשוב, בחיי החברים בכפר, ואני הייתי גאה מאד על כך שנתנו לי את האפשרות לקחת חלק פעיל בכל זה.

הכפר הערבי הנוש-אכזיב

כאשר מישהו מזכיר לפני את השם-"אכזיב", אני נזכר מיד באותה תקופה יפה של נעורים שביליתי במקום. "אכזיב" קשור אצלי להרבה זיכרונות וקוריוזים שחוויתי בזמנים שונים במקום, החל מחיפוש אחר "מטמון" שהטמינו כביכול הערבים בבתים, עם בואנו למקום, בתחילת שנות ה-50, וכלה בבילויים "משוגעים" במועדון הים התיכון שהוקם בשטח בשנות ה-70.

מי שטייל פעם בין חורבות הכפר לעת ערב, הביט אל הים, אל השקיעה שבאופק הרחב, בין צוק ראש הנקרה בצפון והר הכרמל בדרום יכול להבין על מה אני מדבר.

בין כל אלה שהוקסמו ממראות המקום היה גם מיודענו, אלי אביבי, שהגיע לשטח בשנת 1952 והחליט להשתקע ולהקים במקום מוזיאון ואכסניה למטיילים. מאוחר יותר הוא סגר את השטח בגדר והכריז עליו כמדינה פרטית, "מדינת אכזיב".

באותם הימים הוא היווה ניגוד גמור לאנשי המושב, מלאי רוח החלוציות והעבודה, שבאו למקום לבנות ולהקים ישוב חדש. והנה, מגיע לאזור בחור מוזר, מסתובב בין חורבות הכפר בבגד ים, אינו עובד ורק חופר כל היום ומחפש עתיקות ושברי כדים. הבחור מכריז על עצמו כ"מתבודד" וחי בבית הרוס כמו האדם הקדמון. כיום אנו רגילים לכל מיני טיפוסים מוזרים שגרים במקומות נידחים בטבע או בבתים נטושים. באותו זמן הוא נחשב לנגע, וכולם התייחסו אליו כמו אל פרזיט ומשוגע.

האמת היא, שבמשך הזמן התברר כי הוא לא כל כך "מתבודד" ודווקא אוהב מאד את הנוחיות והחומריות של החיים. אך, יותר מכל דבר אחר הוא אהב נשים. תמיד טען שגוף האישה זה הדבר המושלם ביותר שיצר הטבע, (ואיזו אישה לא תסכים עמו...?), ולכן יש צורך להלל, לראות, למשש ולצלם בכל מצב את גוף האישה, (לא חשוב באיזה גיל...) על מנת להלל את גאונותיה של הבורא.

ובאמת, כאשר היזדמן לי פעם להציץ אל תוך אלבום התמונות של אלי אביבי, שהיה מונח יחד עם ספר האורחים של באי האכסניה שלו, הבנתי שנשים אוהבות להצטלם ולא תמיד מקפידות על ה"פוזזה" או הלבוש כאשר מדובר בצלם המהלל את הפוטוגניות

החלופה השנייה - התיישבות במושב צ.ה.ל. ישוב שהוקם על-ידי חיילים משוחררים מהצבא, כשבעה ק"מ צפונית לנהריה, בין ראש הנקרה והכפר הערבי הנטוש "אכזיב". אבי בחר בחלופה השנייה יחד עם עוד תשע משפחות של "סינים".

ראשי המשפחות נדרשו לעבוד תחילה בבניית הבתים ובהכשרת הקרקע. כל השבוע עבדו במושב, ובסופי שבוע הגיעו אלינו למחנה העולים בעתלית. אבי, שמעולם לא עסק בעבודות בנין או חקלאות, וכן יתר העולים נרתמו במרץ רב למשימה ותרמו רבות לקידום הבניה והכשרת המקום להתיישבות.

בתחילת חודש ספטמבר 1950, עלינו על משאית עם ארגז של קופסאות שימורים, מיטות, מזרונים ושמיכות שקיבלנו במחנה העולים, ושמונו פעמינו צפונה, אל מקום המגורים שהוכן עבורנו. אני זוכר היטב את הדרך המתפתלת צפונה מנהריה, לכוון הכפר הערבי הנטוש "אכזיב", אשר התודעתי אליו לראשונה כשאני על גבי המשאית שהובילה אותנו, שתי משפחות עולים מחרבין להתיישבות במושב צ.ה.ל. (לימן כיום). ראובן קרוטר, חברי היחיד באותה תקופה, התמזל מזלו לבקר במושב עוד לפני כן. לכן, הוא כ"מומחה" לאזור ישב בקידמת המשאית על החפצים והודיע לי מידי פעם שעוד מעט אנו מגיעים למקום. "הנה הפיתול בכביש, והנה העץ הגדול" וכו' וכו'. לי לא הייתה ברירה אלא לקבל את ההסברים שלו כפי שאמר אותם מאחר והיה במקום והוא ה"מומחה". ההסברים הוסיפו לו כמה נקודות זכות בעיני - דבר שהוא מאד רצה על מנת להשתוות אלי בהיותו צעיר ממני בשלוש שנים. כל האזור נראה בעיני יפה מאד. הדרך התפתלה בין עצי אקליפטוס ענקיים, וככל שהתקרבו יותר אל המקום כן גבר בי המתח בשמעי את ה"סיפורים" של ראובן על הכפר הערבי הנטוש "אכזיב", שכל בתיו הרוסים, אך יתכן ואפשר למצוא שם זהב שהערבים הטמינו בקירות הבתים לפני שברחו מהמקום.

והנה, הגענו לפיתול הכפול של הכביש שלפני הכניסה לקיבוץ "גשר הזיו", סימן ברור לדברי ראובן שכבר הגענו לכפר. המשאית עברה את שדרת עצי האקליפטוס והכפר "אכזיב" נגלה לעיני במלוא הדרו. במרכז הכפר בלט בנין מרכזי עם קשתות שקראנו לו "הארמון", חשבנו שזה היה הבניין של המוכתר. כפת המסגד שלידו הוסיפה מראה מזרחי אקזוטי למקום. מאוחר יותר ניסינו כמה פעמים לגלות "אוצרות" שהוחבאו כביכול על ידי הערבים אך ללא תוצאות ממשיות כמובן. מסביב היו פזורים הרבה בתים הרוסים עשויים מאבנים וללא גגות, כשקוצים וקקטוסים הספיקו לגדול ביניהם בשפע.

המשאית שלנו עברה בסיבוב הכביש שליד הכפר ונעצרה ליד בנין שלם ויפה עם מרפסת שעמד בצד הימני של הכביש.

- "הגענו" - פסק ראובן. "זוהי הצרכניה של המושב!"

- "איפה המושב?" - שאלתי.

- "מפה מתחיל המושב" - הכריז ראובן בטון של מומחה.

בצד השמאלי של הכביש, מול בנין הצרכניה הייתה באר מים עם משאבת יד. כמה נשים עמדו בתור לשאוב מים לצרכי הבית. לא רחוק, במעלה גבעה, ניצב בית אבן יפה שגרו בו כמה משפחות ממצרים, אשר הגיעו למושב לפנינו והשתכנו כאן. המרפאה של המושב שכנה בתוך בית ישן ששופץ למטרה זו. (אגב, בית האבן קיים עד היום, ומשמש כאכסניה וכמוזיאון של אלי אביבי) כל הבתים הישנים שהיו פזורים במקום ברדיס של כשני ק"מ

היו כבר תפוסים על ידי חברי המושב ואנו עשר משפחות של "הרוסים הסינים" היינו אחרונים להשלמת קיבוץ הגלויות של תושבי המקום שכללו בין היתר: "הונגרים", "מצרים", "הולנדים", "צרפתים", ו... "יקים".

ה"הונגרים" היו קבוצה גדולה, ומטבע הדברים הם גם היוו רוב בוועד המושב וקבעו את סדר הדברים.

משום מה, הם לא כל כך אהבו אתנו, "הרוסים" - העולים החדשים שרק הגיעו לארץ והביאו עמם ארגזים מלאים בדברים, - "וכבר מגיע להם הכל, בורגנים שכאלה!" - חשבו בסתר ליבם.

ה"צרפתים" לעומתם, היו חבר'ה נחמדים מאד. קבוצה של צעירים שעלו לארץ מתוך זיקה ציונית. היו ביניהם זוגות ואנשים בודדים בעלי שמות צרפתיים כמו: רוז'ה, פיירו, שרלו, ארלט וז'נט. בקיצור, קבוצה מגובשת של אנשים שתפסו מגורים ב"יולות" של קציני הצבא הבריטי שנבנו ממש על שפת הים. כל יתר הקבוצות האתניות השתכנו בבתי אבן ובטון של הערבים שהיו מפוזרים באיזור בתוך פרדסים ולאורך הכביש הראשי. לנו, האחרונים בתור, בנו כמה צריפים מפח אלומיניום במידות 4x6 מ' כל צריף, והעמידו אותם בחורשת עצי אקליפטוס ליד הכביש, כקילומטר צפונה מהצרכניה. הצריפים היו ללא רצפה, ללא מים, ללא מעול. בחצר עמד בגאון ברז מים אחד לשימוש כל הקבוצה. ושרותים? חה חה חה ! מה פתאום? הולכים הצידה, מאחורי השיחים ומתייחדים עם הטבע...

בקרב מקום עמד בנין יפה, בנוי מאבנים מסותתות, אשר שימש בעבר כבית ספר לילדי משפחות הקצינים הבריטים ששרתו במחנה הצבאי שהיה על שפת הים באזור. בבנין זה התגוררה עכשיו העילית של תושבי המושב - משפחות ה"יקים". זאב שוורץ ששימש כמזכיר המושב, יעקוב שניצר האחראי על הביטחון, צבי לוינהג של אחת משתי המשאיות של הכפר, יהויקים ורמוט שהחליף מאוחר יותר את שניצר כאחראי הביטחון במושב.

זה היה הנוף האנושי והסביבה אליה הגענו בבואנו לבנות חיים חדשים, שלא היינו רגילים אליהם בחרבין. מה שאיחד את כל קיבוץ הגלויות הזה למעין משפחה אחת - הייתה המטרה המשותפת - לפתוח דף חדש בחיים. אנשים היו מוכנים לעזור זה לזה, להקריב קורבנות אישיים, לעבוד קשה מאד כדי להצליח במשימה.

כל אחד מאתנו למד לשמוח בחלקו באותם הימים. לא היו דרישות מוגזמות לאף אחד. על כל מה שקיבלנו - אמרנו "תודה" והסתפקנו בזה. אנשים לא עסקו בחומר ולכן נשאר להם יותר זמן לעסוק ברוח. כסף לא היה לאף אחד וזה הישווה את האנשים וקרב אותם מבחינה חברתית.

פעם בשבוע, במוצאי שבת, העמידה הנהלת המושב לרשות החברים את שתי המשאיות של הכפר וכל מי שרצה יכול היה לנסוע לנהריה, לבילוי ערב. מי בקולנוע, ומי בישיבה בגינה של קפה "פינגווין" או קפה "גינתי" - שני בתי קפה המפורסמים של המושב.

כפי שהזכרתי לעיל, ה"יולות" שקיבלנו היו צריפי פח בשטח של 24 מ"ר עבור כל משפחה. בצריף זה בילינו כשמונה חודשים (כולל חורף גשום) עד שבת המושב, שהיו בבניה היו מוכנים למגורים. הסיפור על האיש שהלך אל הרבי והתלונן כי אין לו מקום בחדר לכל משפחתו והרבי יעץ לו להכניס גם את העז לחדר כפתרון

של ה-6 ביוני 1950 על אדמת ארץ ישראל בשדה התעופה לוד. אולם נוסעים קטן בשדה התעופה שנבנה ע"י הבריטים. מסתדרים בתורליד האשנב של ביקורת הדרכונים. פקיד אחד של הסוכנות מטפל בעולים החדשים. בודק דרכונים, ויזות מנפיק תעודות עולה. אין רעש, כולם עייפים אחרי טיסה ארוכה והלילה שבילו במטוס.

הבאנו עימנו 70 דולר אמריקאי, זהו הסכום שיכולנו להשיג במטבע זר בחרבין לפני הנסיעה. אבי שמר את הכסף כל הדרך בתוך הנעל מחשש גניבה או הלשנה מאחר וחל איסור על הוצאת מטבע זר מסין באותם ימים.

עם הגיענו לארץ, בקש אבי להחליף את הדולרים למטבע מקומי, וקיבל תמורתם 23 לירות ארץ ישראליות.

ללירה באותם ימים היה ערך רב והיא הייתה שווה שלושה דולרים אמריקאים.

והנה, אנחנו באוטובוס של "אגד" בצבע זית, נוסעים לכון חיפה. בדרך רואים פרדסים, ועוד פרדסים. הצבע הירוק שולט מסביב. בוקר נפלא של התחלת חיים חדשים בארץ חדשה. באופק רואים כבר את הר הכרמל. האוטובוס פונה ימינה ונעצר לפני שער גדול-מחנה מעבר לעולים "שער העלייה".

בעבר היה זה מחנה צבאי בריטי שקבל הסבה למחנה עולים בימיהם הראשונים על אדמת הקודש.

בתוך המחנה יש ביתנים והרבה אוהלים "הודים" שיכולים להכיל עשר מיטות. אנו מקבלים אוהל אחד עבור שתי משפחות. אין לנו הרבה מטען, בקושי שתי מזוודות. כל הארגזים שארזנו בחרבין יגיעו בדרך הים בעוד כשישה חודשים.

חם ולח על שפת הים. הרמקולים משמיעים כל הזמן הודעות והוראות. מזמינים את הקהל לבוא לאכול ארוחת צהרים. אנו מעדיפים לקחת את האוכל הכולל תפוחי אדמה ובשר מקופסאות ולאכול אותו באוהל שלנו ולא להצטופף עם עוד מאות אנשים ליד שולחנות ארוכים ו"לא הכי נקיים" בחדר האוכל. במשרד מסבירים לנו, ש"שער העלייה" הוא מחנה סגור בו נשהה תשעה ימים, ואחרי זה נעבור למחנה פתוח בעתלית, ומשם נוכל לצאת ולנסוע באופן חופשי לכל מקום שנרצה.

הערב יורד. אין תאורה באוהלים. כולנו עייפים אחרי תלאות הדרך וחוויות הקליטה. הולכים לישון מוקדם.

אבי פושט את המכנסיים הקצרים שלבש ותולה אותם על חבל שמתחנו בתוך האוהל. סוף סוף נהיה שקט.

נרדמים על מיטות ומזרנים של הסוכנות המלאים בקש. אנשים עוברים בין האוהלים ונתקלים בחבלים המתוחים של האוהל. באוהל השכן נשמעים קולות, לבסוף כולם נרדמים. תם יום הקליטה הראשון בארץ.

בוקר חדש, ה-7 ביוני. אבי קם ראשון ומחפש את המכנסיים שתלה אמש על החבל באוהל. המכנסיים אינם. הוא שואל את אמא אם היא ראתה את המכנסיים. לא, היא לא ראתה, וגם אף אחד אחר לא ראה. מה עושים? איך יוצאים מהאוהל עם תחתונים? לא הבאנו אתנו הרבה בגדים במזוודה. השכן לאוהל מציע זוג מכנסיים מהמזוודה שלו ומוסר אותם לאבא. כולם הולכים לאכול ארוחת בוקר.

בחדר האוכל שורר בלגן. עומדים בתור ולבסוף מקבלים לחם, ריבה, גבינה לבנה ותה בטעם חרובים.

אני רואה אדם לבוש במכנסיים של אבא עומד לפנינו בתור. אני רוצה לצעוק: "גנב, גנב!" אך אבי משתיק אותי ואומר: לא חשוב, כנראה שגם לו גנבו את המכנסיים. לא כדאי להקים צעקות בשביל זה!

עוד יום עבר. היום זה ה-8 ביוני, יום ההולדת שלי. בחרבין היינו מתכוננים ליום הולדת כל המשפחה, כמה ימים לפני. הזמנת אורחים, בישולים, מתנות וכו'. חשבתי בליבי, איזו מתנה אקבל הפעם מההורים? אי אפשר לצאת מהמחנה, ואין שום חנות בסביבה. את הבעיה פתר מוכר הארטיקים שהגיע אל שער המחנה על אופניים. אימי הושיטה לו חמישה גרוש דרך פתח בגדר ובתמורה הוא מסר לה ארטיק שוקולד גדול. "הנה לך בני! -זה כל מה שאני יכולה לקנות לך עכשיו ליום ההולדת!" ליקקתי את הארטיק בשקיקה ובהבנה מלאה למצב!

תשעה ימי ההסגר במחנה חלפו מהר, והנה באה המשאית כדי להעביר אותנו אל מחנה העולים הפתוח בעתלית. שוב רואים הרבה ביתנים ששימשו עד לא מכבר כביתנים במחנה מעצר למעפילים של הבריטים. הרבה אוהלים כפולים מסודרים בשורות ארוכות בשטח המחנה. המקום שוקק באנשים מכל העדות והארצות: רומנים, הונגרים, פולנים, מרוקאים, עירקים ו... אנחנו - מספר משפחות של "רוסים" שהגיעו מסין הרחוקה. אף אחד לא תופס ולא מאמין כאשר אימי עונה לשאלה: "מאיפה הגעתם?"

מה זה? יהודים סינים? חחחחחח.....

אנו הילדים, מסתגלים די מהר למקום החדש. יש קבוצה של ילדים מרומניה ומולם אנו קבוצה של ילדים מסין. נוצרים מתחים בין הקבוצות. אין שפה משותפת, אז מתחילים להתגרות וגם מרביצים לפעמים.

יש תחרות סמויה בין הקבוצות באיסוף "פטישים", שהם רגליים של מיטות ברזל הפזורים בשטח.

כל היום מתרוצצים ומחפשים "פטישים". בשבת הולכים לחוף הים להתרחץ יחד עם ההורים. יש אולפן לעברית למי שמעוניין. בשעה עשר בבוקר מגיע אוטו של "תנובה" ומחלק שוקו לילדים. שוקו טעים טעים.

הרמקולים מרעישים ללא הרף. מזמינים באידיש אנשים לגשת למשרד לסידורים שונים. כל המקום נראה לי כמו קייטנה אחת גדולה.

מה שאיפין את אזור המחנה זו שדרה של עצי דקל גבוהים וביניהם כביש אספלט שחיבר בין המחנה לכביש חיפה תל-אביב הישן. בשבתות טיילו האנשים בשדרה, קנו גלידה בקיוסק היחיד שהיה במקום (2.5 גרוש לגביע), או שתו כוס גזוז פטל תמורת 1.5 גרוש. לאנשים לא היה כסף, אך כולם היו שקטים ושלווים הרבה יותר מהאנשים של היום.

שתי ברירות להתיישבות הוצעו אז לעולים חדשים: "מושב"- כלומר לקחת חלק בבניית ישוב חדש העוסק בחקלאות, או "שיכון"- כלומר דירה קטנה בשיכון עירוני של אותם הימים. הורי בחרו באפשרות של התיישבות במושב מסיבות פשוטות של בטחון לאספקת מזון טרי למשפחה. "תמיד יהיה אוכל לילדים"-כדברי אימי. אבי, ועוד כמה ראשי משפחות שבאו איתנו ארצה נסעו לבדוק כמה מקומות וביניהם גם מושב "עמיקם" ליד בנימינה, שהוקם על-ידי עולים מחרבין. המקום היה מרוחק מכל ישוב עירוני, ללא גישה ראויה לשמה, וגם מרוחק מחוף הים.

מתחילים לזרוק עלינו אבנים ולצעוק "הכו את הז'ידים"-דברים שבלי ספק שמעו בבית הוריהם. הגבנו מיד וזרקנו עליהם אבנים כגמולם. לפעמים היו מצטרפים ל"חגיגה" גם ילדים סינים שהיו זורקים אבנים גם עלינו וגם על הרוסים והיו צועקים: "למודזה", "למודזה". כך הבנתי שלגבי הסינים היינו אותו הדבר. רוסים או יהודים-כולנו היינו "למודזה". וזאת הייתה עבורי חצי נחמה. בחודשי הקיץ, כל היהודים עברו להתגורר מעבר לנהר "סונגרי", לתקופה של חודשיים. היו שם בתי קיץ עשויים מעץ, שדות מרעה עם פרות, והרבה אויר צח שלא היה בעיר המאובקת והחמה. לילדים היה זה גן-עדן. רצנו ושחקנו "תופסת", השתזפנו והתרחצנו בנהר, אך תמיד נזהרנו לא לדרוך על "מוקשים" שהשאירו אחריהן הפרות על השבילים.

אבי היה עובר כל בוקר את הנהר בסירה בדרכו לעבודה. לעת ערב היה חוזר אל המשפחה שמעבר לנהר באותה דרך. לאורך הנהר היו כל מיני מפרצונים וגם אי גדול שנקרא "אי השמש". בימי ראשון, כשאבי לא הלך לעבודה, נהגנו לפעמים לנדוד לאורך הגדה אל המקומות השקטים ומבלים שם יום שלם בפיקניק רחצה ודיג.

אבי אהב לנגן בפסנתר והיה לו אוסף של תקליטים קלסיים, מנגינות מאופרטות מוכרות כמו "נסרכת הצ'רדש", "רוזנת מריצה" "האלמנה העליזה" וכו'. כמוכן שהיה גם פטיפון עם ידית הנעה ומחטים לתקליטים שהיה שיא הטכניקה היפנית של אותם הימים. אני, כילד בעל שמיעה טובה, קלטתי את כל המנגינות וידעתי לזהות את הקטע המוסיקלי לפי המדבקה שעל התקליט. כמוכן שלא ידעתי עדיין לקרוא את הכתוב על המדבקה והדבר שמש כ"הצגה" לפני קרובים ומכרים של המשפחה. זכור לי גם מקרה מצער, מתקופת שלטון היפנים בחרבין, בשנת 1944. הייתי אז בן ארבע וחצי.

הלכתי עם אמי ברחוב שעוברות בו חשמליות. פתאום, ראינו התקהלות של אנשים וחשמלית עומדת. האנשים הסבירו לנו, שילד סיני נדרס עלי ידי החשמלית, ושוטר יפני שהגיע למקום ראה כי בבטן של הילד המסכן היה אורז שהיה אסור למאכל עבור הסינים. רק ליפנים, האדונים, היה מותר לאכול אורז.

השוטר היפני במקום לעזור לאם האומללה החל להכותה ואסר אותה בעוון זה שנתנה לילד שלה לאכול אורז. לא היה גבול לאכזריות של היפנים כלפי האוכלוסיה הסינית באותם ימים. זכור לי עוד מקרה שבו כמעט ונדרסתי על ידי קרונות של רכבת משא. לאורך גדת הנהר "סונגרי" בסוף הרחוב המרכזי "קייטיסקיה", היו פסי רכבת. פעם הלכנו לטייל, אבי, אחותי ואני לכוון הנהר.

כשהגענו למקום ראינו שרכבת משא ארוכה חוסמת את המעבר אל הנהר. בטיפשות של ילד רצתי קדימה וניסיתי לעבור בין הקרונות ופתאום הרכבת החלה לנוע. לשמע הצעקות של אבי ואחותי נסוגתי ברגע האחרון וכך ניצלתי מדריסה בטוחה. בסוף חודש אפריל 1950, עלינו כל המשפחה לרכבת שהובילה אותנו לעיר טיינזין, בדרכנו לארץ ישראל.

חרבין נשארה מאחור, כל הזיכרונות ועתיד חדש עמד לפנינו.

פרק שני

זהו! אחרי טיסה מייגעת של כ-36 שעות, נחתנו סוף סוף בבוקר

על המרפסת ברחוב קרוטקיה

עבודה כל שהיא. בכל יום ששי בערב, הלכתי עם אבי לבית הכנסת ה"חדש" שבו היה שמור לנו מקום של כבוד ליד הבמה, אשר עבר לאבי בירושה מהדוד של אמי, יעקוב ליפשיץ, שהיה צלם מפורסם בחרבין של שנות ה-30.

בחגים הגדולים, היינו עורכים ריצות וסיבובים בתוך בית הכנסת. עלינו לעזרת הנשים, בקומה השנייה ושיחקנו ב"תופסת". באחת הפעמים ראינו כמה חיפושיות "פרת משה רבנו" זוחלות על המעקה של עזרת הנשים. בדחיפה קלה צנחו החיפושיות ישר על שולחן החזן שעמד והתפלל באותו זמן את תפילת "השחרית". זה היה ה"חטא" הראשון שלי. ביום הכיפורים, "רחמנא ליצלן", זרקנו כמה חזיזים על צריף השרת הסיני שהתגורר בחצר בית הכנסת. "חטא" גדול לכל הדעות.

האנטישמיות בחרבין הייתה קיימת בעיקר בין ה"רוסים הלבנים" שהעבירו אותה לילדיהם. נתקלתי לראשונה בתופעה זו בקייטנת קיץ של המועדון הסובייטי אשר הורי רשמו אותי אליה. פגשתי שם ילד רוסי בשם פיודור, והתיידדנו מיד. הוא שאל אותי איפה אני לומד?-ענית לו שאני לומד בבית הספר היהודי.

- מה, אתה יהודי? - שאל אותי בפליאה.

- כן, ענית.

- לא יכול להיות! - אמר פיודור, - אתה בחור כזה נחמד, - לא יכול להיות שאתה יהודי!!!

הילדים הסינים, לעומת זאת, לא ידעו להבחין בין יהודים לרוסים.

בשבילם כולם היו "למודזה" - כנוי לחיזור פנים עם אף ארוך.

עם גמר יום הלימודים בבית הספר, הייתי חוזר הביתה ברגל עם עוד שני חברים שגרו באותה סביבה: מונה יזרסקי, שגר ברחוב "סמנ-ניה" וויקטור אגרונובסקי ז"ל שהתגורר ברח' ימסקאיה. אני גרתי ברחוב "קרוטקיה" שפרושו הרחוב הקצר, והמשכתי את הדרך לבדי עד הבית.

בדרך, לפעמים, היינו פוגשים ילדים רוסים אנטישמנים, שהיו

זיכרונות יוצאי חרבין

זכרונות ילדות מחרבין וחבלי קליטה בארץ

מאת: משה ליכומנוב

כתה ג' תלמוד תורה חרבין

מאד באותה תקופה ונמנע מקשרים חברתיים עם החיילים הרוסים שבאו להצטלם בסטודיו לצילום בשם "סטלינגרד", שניהל בעיר. אני זוכר את הסיפור המפחיד שסיפר לנו, כאשר נכנס לסטודיו קצין רוסי שיכור ובקש להצטלם.

אבי הוביל אותנו לדלפק שעליו היו מונחות דוגמאות של תמונות מכל מיני גדלים תחת זכוכית עבה.

הקצין זיהה באחת התמונות נערה סינית והחל לטעון שאבי מחזיק בחנות תמונה של אישה יפנית-אויבת העם. לא עזרו טיעוניו של אבי שזו נערה סינית, בתו של העובד הסיני בסטודיו. הקצין שלף את אקדחו וירה בתמונה דרך הזכוכית של השולחן שהתנפצה לרסיסים בכל הרצפה. אבי היה בטוח שהכדור השני יהיה מכוון אליו. למזלו, העובד הסיני הצליח להרגיע את הקצין ולהרחיקו מהסטודיו.

בחזית חנות הפוטו בנאן-גאנג

זכורים לי גם מקרים משמחים מאותה תקופה. עם בוא החיילים הרוסים, התמלאה גם החנות הגדולה של העיר, צ'ורין בסחורה מרוסיה, שהייתה חסרה בחנויות כל תקופת המלחמה. בנובונירות שוקולד "לינקור" ו"הקוטב הצפוני", משחת שיניים, משחת גילוח, חולצות, סוודרים, מטפחות אף, גרביים מחטים וחוטי תפירה ועוד... סרטי הקולנוע הסובייטיים החדשים ושירי המלחמה הפופולריים הביאו עמם הרגשה של תקופה חדשה וטובה העומדת בפתח. כילד שאהב לשיר, למדתי עד מהרה את השירים החדשים ואף הופעתי באולם גדול, לפני קהל רב, בערב אומנים צעירים שאורגן למטרות צדקה עבור ילדים נזקקים. לא היה לי שום מורא בפני קהל. עמדתי על הבמה ושרתי את "התותחנים" ואת "קטיושה" בקול חזק כמו של "חוזליטו", הילד הספרדי.

חונכתי בבית יהודי מסורתי, שבו הקפידו הורי על שמירת השבת ואף אסרו עלי ועל אחותי לכתוב בשבת ואף לנסוע או לבצע

פרק ראשון

זיכרונות הילדות שלי מקבלים אצלי מקום כבוד מיתר זיכרונותי. אלו זיכרונות של שנים תמימות ושל הצעדים הראשונים שלי בחיים. אני זוכר כל פרט, כאילו קרו הדברים רק אתמול. למעשה, עברו כבר יותר מ-50 שנה מאז אותה תקופה של בית הספר היהודי "תלמוד תורה", ששכן ברחוב קונ-ניה בחרבין הרחוקה. שם למדתי כחמש שנים, שנתיים מהן בגן הילדים, ועד לכתה ג'. את הלימודים נאלצתי להפסיק בסוף חודש אפריל 1950, כאשר עזבנו את חרבין ועלינו ארצה ביוני 1950.

אני זוכר היטב את המורים, החברים, את מעשי הקונדס שעשינו ואת העונשים שספגנו עבורם. הכל נראה לי אז גדול ומפחיד, כנראה בגלל אופן התפיסה, וצורת קליטת הדברים על ידי הילדים. הפחדים מהמחנכת, גלינה גרגורייבנה, שהשליטה סדר ומשמעת בכתה מעל

עם האומנת הסינית

ומעבר למקובל עבור ילדים בני גילנו. הפחד מעונש ההשעיה מהלימודים לשלושה ימים שקיבלנו, אני וחברי, עבור מריבה ושבירת חלון בכתה. בשבילי זה היה כאילו הגיע סוף העולם. כיום אני נזכר בחיוך בכל אותם הדברים, ואפילו מודה בסתר ליבי לאותה "מורה מכשפה" שבזכותה אני שולט היום בשפה הרוסית בצורה הטובה ביותר.

זכור לי היטב המורה למקצועות יהדות בשם נאדל, בעל לב יהודי חם, אשר מיהר להרגיע אותי ואת אמי שהנהלת בית הספר החליטה להשעות אותנו רק לשלושה ימים ולא לצמיתות כפי שהודיעה ה"מכשפה".

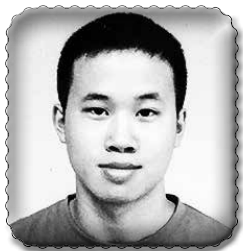
בכל החגים היהודיים היה בבית הספר טכס והצגה מוסיקלית, בהשתתפות הילדים מכל הכתות. המורה נאדל ידע גם לשיר ולנגן בפסנתר, והיה מביים את ההצגות בבית הספר.

הייתי ילד מוסיקלי! אהבתי לשיר, למדתי נגינה בכינור ואהבתי להאזין למוסיקה מעל גבי תקליטים.

השנים שלאחר מלחמת העולם השנייה, שהסתיימה בקיץ 1945, היו שנים סוערות עבור הקהילה בחרבין.

החל מכניסת הצבא האדום לעיר ושחרור מעול המשטר היפני, וכלה בטרנדיות של הרס המשפחות עם הגליית יהודים ובראשם ראש הקהילה ד"ר קאופמן למחנות העבודה ברוסיה.

אבי ז"ל, בהיותו מהגר שעזב את רוסיה באופן בלתי חוקי, פחד

סטיבנסון דוד

סופרבסקי תומר

סוויד ספיר

נחומסון שלומי

נגר דולב

פודולסקי דנה

פאלק אריאל

עוזר קורל

סרוסי גל

סימר אילן

צילבון שני

פרנסיס שרון

פרחי מורן

פיינברג גלעד

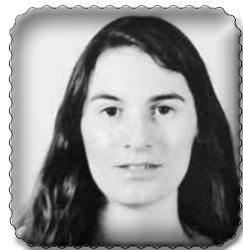
פודולסקי טל

קמבליס ליאן

קליין רז

קל מתת

קייקוב רותם

קייקוב מאיה

שקורי בר

שניידרמן שגית

שמרלינג תמיר

שחר ליאור

שוורץ אמיר

שרון קים

הלפרן מנחם

גרשון אורפז

גרינר זיו

גרינר הדר

גרודסקי נטלי

וינקלשטיין אלעד

וייס רויטל

ויטקו כרמל

וגנר זיו

הראל שירן

חזן אסתר

חורי עדי

ונדל ליאור

ונדל לביא

וינשטין מיכל

יגב אביטל

סטסס עדן

טוויג הגר

חכמוב נטע-לי

חזן נעמי

ישראלי עומר

ישי יעל

ישי דפנה

יוסף אופיר

יהב אביאל

מירז אלני שולמית

מילר תום

מאיר הגר

כהן סתיו

כהן גל

מקבלי מלגות

4 בדצמבר 2018

אומנסקי ים

אולמרט בר

אהרונסון שירה

אדר נועם

אגרון מעין

אמיר טל

אלכסי אריאל

אלכסי אופיר

איגל נינה

אורנשטיין אבישג

בוטון נעמי

אקון שני

אפשטיין אוסקר

אפרת קשת

אסטרחן גיא

בראגין שחר

בראגין ארון

בר אילן מירב

בן הרוש פיני

בן אלטבט ארז

גלרון נוי

גלרון יוני

גילעד בר

גייזנברג יובל

גור נוף

איגוד יוצאי סין

ISSN - 0793-83365

נוסד ב-1951

◇ ◇ ◇

רחוב הברזל 31

ת.ד. 13139, תל אביב 6113101

e-mail: igud-sin@013.net

טל. 03-5171997

פקס. 03-5161631

◇ ◇ ◇

עורך ראשי: יוסי קליין

◇ ◇ ◇

חברי המערכת:

יהודית סנדל ואינה בקשייב

מטרות ה"בולטין"

בהוצאה לאור של ה"בולטין" שואף אגוד יוצאי סין לענות על הצרכים הבאים:

1. לעודד את תחושת השותפות בין תושבי הקהילה היהודית לשעבר של סין.
2. לקיים ערוץ של קשר בין יוצאי סין בישראל ובגולה.
3. לסייע באיסוף, שימור והוצאה לאור של מסמכים היסטוריים העוסקים בחיי אותה קהילה.
4. לסייע לאיגוד יוצאי סין במילוי מטרותיו, במיוחד אלה שעוסקים בסיוע סוציאלי ובמלגות חינוכיות לבני דור ההמשך של יוצאי סין בישראל.

שנה טובה!

4.....	מקבלי מלגות
7.....	זיכרונות ילדות מחרבין. משה ליכומנוב
13.....	פתיחת תערוכה בניו יורק
14.....	העלייה מחרבין. אלכס נחומסון
15.....	באגוד יוצאי סין ואגודת ידידות
17.....	מפגש שנתי של יוצאי סין
19.....	משמעות הספרות לסינים. מרכוס דו סוטוי
20.....	הטיול השנתי המסורתי
20.....	מכתבי תודה
21.....	הזיכיונות הזרים של שנחאי. הרולד סטפנס
22.....	לזכרם

חברים יקרים

האגוד שלנו הוא כבר בן 68 שנים. השנים חולפות, הזמנים משתנים, אבל החיים נמשכים, ויוצאי סין בארץ ובעולם עדיין זקוקים לעשייה הפעילה שלנו.

כמה עשרות אנשים - קשישים, בודדים וחולים - מקבלים סיוע כספי מדי חודש. נכדים ונינים של יוצאי סין - סטודנטים באוניברסיטאות ומכללות אקדמיות בישראל מקבלים מלגות, וחיילי צה"ל מקבלים שי צנוע ליום העצמאות וראש השנה. בבית הכנסת, לזכר הקהילות היהודיות של סין, מקיימים אזכרה ביום השנה לפטירת יוצאי סין. כל זה ביוזמה ארוכת שנים של אגוד יוצאי סין!

האיגוד שלנו הוא עדיין הקשר היחיד בין יוצאי סין המפוזרים ברחבי העולם, הכלים העיקריים לבצוע משימה חשובה זו בהצלחה, הם "בולטין" המתפרסם בשלוש שפות - רוסית, אנגלית ועברית. ואתר האינטרנט שלנו באנגלית ועברית ובו מידע על העבר של הקהילות בסין ופעילות שוטפת של אגוד יוצאי סין.

אנחנו מבקשים להביא לידיעת החברים שעקב ירידה דרמטית בתרומות בשנים האחרונות נאלץ בקרוב מאד לדון בצמצום של פעילויות האגוד!!

אנו קוראים ליוצאי סין בארץ ובעולם לתרום על מנת למנוע צמצום הפעילות המתבקש מהמצב הכספי ולסייע לאגוד להמשיך בפעילותו.

ניתן לשלוח תרומות באמצעות העברת כספים ל:

אגוד יוצאי סין ת.ד. 13139 תל אביב 6113101, ישראל

תודה וברכה לשנה החדשה לכל אחד מכם!

בכנס השנתי האחרון 4.12.2018

אלכס נחומסון, חבר ועד המנהל ומנחה הטקס

זיו גרינר, נציגת הסטודנטים הישראלים

איבי פרדקין ויוסי קליי

סטודנטיות מדליקות נרות חנוכה

עמיר לאטי, נציג משרד החוץ מאגף אסיה

יוסי קליין ורשא קאופמן

בוילטין

מוסף עברי

בטאון איגוד יוצאי סין

www.jewsotchina.org

ספטמבר 2019 • גליון מס' 418 • שנה 66 • תשרי - תש"פ

שנה טובה והתארכה

משתתפי טקס חלוקת מלגות במפגש המסורתי בחנוכה,

4 בדצמבר 2018